

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

Институт восточных культур и античности

На правах рукописи

ЧЕСНОКОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И
САМОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ В КОРЕЕ В XVII-XVIII ВВ.
ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА
«ОПИСАНИЕ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ» (ТХЭННИДЖИ, 1751 Г.)
ЛИ ДЖУНХВАНА (1690-1756?)**

Специальность 24.00.01 – «Теория и история культуры»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
канд. филол. наук, проф. И.С. Смирнов

МОСКВА – 2018 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	5
Глава 1	«Описание избранных деревень» как историко-географическое сочинение	23
1.1.	Значение историко-географических сочинений в культуре Китая и Кореи	23
1.2.	«Описание избранных деревень»: от многообразия к единству	32
Глава 2	«Описание избранных деревень»: изучение произведения в XVIII-XX вв.	42
2.1.	Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в Корее	45
2.1.1.	Первый период: распространение и цитирование «Описания избранных деревень» в XVIII - начале XX вв.	45
2.1.2.	Второй период: изучение и распространение «Описания избранных деревень» в 1970-1990-х гг. в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике	54
2.1.2.1.	Изучение «Описания избранных деревень» в Республике Корея в 1963-1995 гг.	54
2.1.2.2.	Изучение «Описания избранных деревень» в Корейской Народно-Демократической Республике в 1970-2000-х гг.	61
2.1.3.	Третий период: научное изучение «Описания избранных деревень» в Республике Корея (1995 – 2010-ые гг.)	64
2.2.	Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в Европе и США	69
2.2.1.	Первый период: распространение и цитирование «Описания избранных деревень» в XIX в. - начале XX в. в европейских и американских трудах	69

2.2.2.	Второй период: исследование «Описания избранных деревень» во второй половине XX в. - начале XXI в.	71
2.3.	Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в России	74
2.3.1.	Первый период: Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в России в конце XIX в. – начале XX в.	74
2.3.2.	Второй период: исследование «Описания избранных деревень» в СССР и России во второй половине XX в. и начале XXI в.	77
Глава 3	Историко-культурные предпосылки создания «Описания избранных деревень»	83
3.1.	Корея в XVII-XVIII вв.: история периода и его особенности	85
3.2.	Биография Ли Джунхвана	95
3.2.1.	«Описание избранных деревень»: созданное в отшельничестве	105
3.2.2.	«Описание избранных деревень» в пространстве ритуала	119
Глава 4	Роль и место Чосона в «новом» культурном пространстве в «Описании избранных деревень» Ли Джунхвана	136
4.1.	Культурные изменения в Чосоне в XVII-XVIII вв.	140
4.2.	Географическая картина мира в «Описании избранных деревень»	154
4.2.1.	Географический детерминизм и теория <i>пхунсу чири соль</i> в «Описании избранных деревень»	154
4.2.2.	Значение географии в доказательстве преемственности от «Срединного государства»	161
4.3.	Культурная картина мира в «Описании избранных деревень»	167
4.4.	Значение истории в доказательстве легитимности Чосона	175

	как «Срединного государства» в «Описании избранных деревень»	
4.5.	Задача <i>садэбу</i> в устроении «нового» мира	180
	Заключение	188
	Список источников и литературы	192
	Список иллюстративного материала (Приложения)	218
	Иллюстративный материал	219
	Перевод отдельных глав «Описания избранных деревень»	236

ВВЕДЕНИЕ

«Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, – природу его страны»¹

В.О. Ключевский (1841-1911) «Курс русской истории»

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью прочтения и интерпретации корейских письменных памятников, зафиксировавших в пространственных представлениях изменения в самосознании культуры в XVII-XVIII вв.

Этот период, известный также как «Корейский Ренессанс», - один из наиболее значимых в средневековой истории страны. Корейские интеллектуалы, долгое время перенимавшие культуру соседнего Китая, адаптируя ее, начали уделять больше внимания родной стране – ее истории, ландшафту, уникальной культуре. И здесь необходимо поставить вопрос о причинах и механизмах данного явления: «на что именно он был направлен?», «каковы его последствия?», «какую роль он сыграл в корейской истории?» - эти вопросы стали **исследовательскими вопросами** в диссертации. Для их решения необходимо обращаться к разнообразным источникам, среди которых – художественная литература, живопись и научные труды, т.к. официальные исторические хроники не дают полного представления об интеллектуальной культуре периода.

Среди общего комплекса источников выделяются историко-географические описания земель, которые издревле выполняли в культуре Дальнего Востока великую мироустроительную роль: это не столько перечни подвластных государю территорий, сколько символ их *единства* под рукой монарха. Поэтому для нас кажется наиболее целесообразным рассмотреть изменения пространственных представлений на материале именно историко-географического памятника –

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М.: 1987. Т.1, Лекции 3-4. С. 63.

«Описание избранных деревень» 指里志 (*Тхэнниджи*, 1751 г.) чиновника Ли Джунхвана 李重煥 (1690-1756?).

Степень научной разработанности проблемы. Влияние пространственных представлений на самосознание культуры Кореи в XVII-XVIII вв. и их отражение в художественных произведениях периода до настоящего момента не становились предметом отдельного исследования, как в России, так и за рубежом. Тем не менее, есть ряд научных исследований, помогающих подступиться к этой теме.

Условно можно выделить три блока: 1) исследования особенностей культурно-исторического взаимодействия между Цин и Кореей (государством Чосон, 1392-1897) в XVII-XVIII вв.; 2) исследования пространственных представлений в Корее в XVII-XVIII вв.; 3) изучение памятника «Описание избранных деревень» в России и за рубежом.

Значительное число отечественных (Б.Г. Гафуров, Ю.В. Ванин, Г.Ф. Ким, М.Н. Пак, В.Д. Тихомиров, Ф.И. Шабшина, 1974²; М.В. Воробьев, 2002³; С.О. Курбанов, 2009⁴; Н.В. Кюнер, 1920-30-е гг⁵; В.М. Тихонов, 2003⁶, 2011⁷; Т.М. Симбирцева, 2012⁸; и др.) и зарубежных (Д. Бэйкер, 2000⁹; Ким Джакён Хабош, 2016¹⁰; М. Дойхлер, 1992¹¹, 2002¹²; Пэ Усон, 2015¹³; Хан Ёну, 2010¹⁴; и др.)

² Гафуров Б.Г., Ванин Ю.В., Ким Г.Ф., Пак М.Н., Тихомиров В.Д., Шабшина Ф.И. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т.1. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – 470 с.

³ Воробьев М.В. Очерки культуры Кореи. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 192 с. (Orientalia).

⁴ Курбанов О.С. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2009. – 680 с.

⁵ Кюнер Н.В. Корея во второй половине XVIII века (машинопись) // Санкт-Петербург: Институт восточных рукописей РАН, ф.91 ед.хр.3. №42. Л. 16.

⁶ Тихонов В.М. История Кореи: Т.1: С древнейших времен до 1876 года. М.: «Муравей», 2003. – 464 с.

⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. / Ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т.М. Симбирцева. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.). М.: Наталис, 2011. 533 с.

⁸ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. – 640 с. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности, вып. 35).

⁹ Sources of Korean Tradition. Vol.2: From the sixteen to the twentieth centuries / Ed. Baker D. New York: Columbia University Press, 2000. – 487 pp.

¹⁰ Kim JaHyun Haboush. The Confucian Kingship in Korea: Yōngjo and the Politics of Sagacity. New York: Columbia University Press, 2001. – 329 pp. Kim JaHyun Haboush. The Great East Asian War and the Birth of the Korean Nation. Columbia University Press, 2016. – 240 pp.

¹¹ Deuchler Martina. The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge, Massachusetts: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1992. – 456 pp.

¹² Deuchler Martina, Kim JaHyun Haboush. Culture and State in Late Chosōn Korea. Cambridge, Massachusetts: Council on East Asian Studies, Harvard University, 2002. – 328 pp.

научных трудов затрагивают особенности международной политики и культурно-исторического взаимодействия между Цин и Кореей в XVII-XVIII вв., но до настоящего момента нет единого мнения о том, действительно ли смена династии в Китае способствовала изменению в самосознании корейской культуры.

Большинство ученых считают, что именно из-за прихода к власти маньчжур, бывших «варваров» в синоцентрической модели мира, в Корее стали формироваться новые взгляды (К. Эккерт, Ли Ги Бэк, Э. Вагнер et al, 1990¹⁵; Ким Джахён Хабош, 1999¹⁶). В посмертно выпущенном исследовании (2016) Ким Джахён Хабош (1940-2011) высказано предположение, что решающим фактором в изменении самосознания культуры XVII в. стали не сколько маньчжурские нашествия и уничтожение маньчжурами династии Мин, сколько произошедшая незадолго до этого японо-корейская Имджинская война 壬辰倭亂 (1592-1598)¹⁷.

Ведутся споры и относительно продолжительности оппозиционных настроений в Корее после свержения маньчжурами китайской династии Мин. Т.М. Симбирцева полагает, что почитание Мин продолжалось до конца XVII в.¹⁸, Хан Ёну считает, что до начала XVIII в.¹⁹, а Хон Тхэён - до начала XIX в²⁰.

Изучив корейские придворные ритуалы, Д. Кларк пришел к выводу, что они несли дополнительную семиотическую нагрузку, целью которой было демонстративное почитание Мин²¹. Д. Бэйкер же считает, что так как проводились одни и те же ритуалы, как для Мин, так и для Цин, то это означает, что смена

¹³ Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг (Токсо-ва чисиг-ый пхунгён). Пхаджу: Тольбегэ хангукхакчонсо, 2015. – 440 pp.

¹⁴ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era / Translated by Hahn Chaibong. Paju: Yongsaewon, 2010. – 319 pp.

¹⁵ Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. Korea Old and New: A History. Seoul: Korea Institute, 1990. P. 150.

¹⁶ Kim Haboush JaHyun. Contracting the Center: The Ritual Controversy and the Search for a New Identity in Seventeenth-Century Korea // Culture and the State in Late Chosón Korea / Ed. Kim Haboush JaHyun, Deuchler M., eds Cambridge, Massachusetts and London, 1999 (Harvard-Hallym Series on Korean Studies, 182). P. 46-90.

¹⁷ Kim JaHyun Haboush. The Great East Asian War and the Birth of the Korean Nation.

¹⁸ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 408.

¹⁹ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era. P. 237.

²⁰ Хо Тхэён. Критическое исследование вопроса о корейском национализме второй половины периода Чосон (Чосон хуги-ый вонминджокчуй мунджсе-е тэхан пиханджок комтхо) // International Journal of Korean History Vol.12. Сеул, 2008. P. 98-99.

²¹ Clark D. Sino-Korean Tributary Relations under the Ming // The Cambridge History of China: Volume 8 - The Ming Dynasty: Part Two, eds. Denis Twitchett and Frederick W. Mote. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 273.

династии в Китае никак не повлияла на культурное самосознание корейцев²². Сотрудник американской Северной пресвитерианской миссии Дж. Гейл (1863-1937), работавший в Корее в 1888-1923 гг., также замечал, что корейские государственные ритуалы и структура общества во многом напоминают китайские²³.

Для отечественных корееведов наиболее значимой представляется внутренняя политика в стране – борьба придворных группировок (А.Н. Ланьков, 1995²⁴), подготовка «северного нашествия» и первая встреча корейцев с русскими (Т.М. Симбирцева, 2001²⁵), попытки корейцев улучшить социально-экономическое положение в стране в XVII-XVIII в. через обращение к изучению естественных наук (Г.Д. Тягай, 1971²⁶).

Что касается исследований пространственных представлений в Корее в XVII-XVIII вв., то их изучение происходит в основном за рубежом, и большую долю составляет изучение корейской картографии (Г. Ледьярд, 1994²⁷; О Санхак, 2015²⁸; Дж. Шорт, 2012²⁹; также Хан Ёну, Ан Хвиджун и Пэ Усон, 2008³⁰; Пэ Усон, 2014³¹) и традиционных представлений о земле и окружающем мире *пхунсу чири* (Ким Ёнхо, 2010³²; Чхве Чханджо, 2000³³, 2003³⁴, 2011³⁵; Чхон Инхо, 1999³⁶; Юн

²² Sources of Korean Tradition. Vol.2: From the sixteen to the twentieth centuries. P. 5.

²³ Gale James S. The Influence of China Upon Korea // Transactions of the RASKB, Vol.1, Part 1, 1900. P. 19-20.

²⁴ Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995. – 200 с.

²⁵ Симбирцева Т.М. Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг. // Традиционная культура Востока Азии: сб. статей. Вып. 3. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2001. С. 179-188.

²⁶ Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма / ИВ АН СССР. М.: ГРВЛ, 1971. – 256 с.

²⁷ Ledyard G. Cartography in Korea // Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies: The History of Cartography, Vol. 2, Book 2. ed. by Harley J.B., Woodward D. Chicago, Chicago Press, 1994. P. 235-344.

²⁸ О Санхак. Чхонхадо: космография Чосона (Чхонхадо: Чосон-ый кхосымогырэти). Пхаджу: Мунхак Тонне, 2015. – 172 pp.

²⁹ Short J.R. Korea: A Cartographic History. Chicago: The University of Chicago Press, 2012. – 160 pp.

³⁰ Han Young-Woo, Ahn Hwi-Joon, Bae Woo Sung. The Artistry of Early Korean Cartography / trans. Choi Byonghyon. Tamal Vista Publications, 2008. – 220 pp.

³¹ Пэ Усон. Изучение истории через географию (*Чири сиган-е ёкса конбухаги*). Сеул: Унджин джунио, 2014. – 216 pp.

³² Ким Ёнхо. Корейские традиционные географические идеи (*Хангук чонтхон чирисасан*). Пхаджу: Хангук хаксуль чонпо, 2010. – 278 pp.

³³ Чхве Чханджо. Слезы земли, надежды земли (*Тман-ый нунмуль, ттан-ый хыйман*). Сеул: Кунни, 2000. – 352 pp.

³⁴ Choi Chang-jo. Study of How Koreans View and Utilize Nature // Anthology of Korean Studies, Volume III. Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul: Hollym Corp., 2003. P. 69-95.

³⁵ Чхве Чханджо. География человека (*Сарам-ый чирихак*). Пхаджу: Сохэмунджип, 2011. – 288 pp.

³⁶ Чхон Инхо. Понимание идей пхунсу (*Пхунсу сасан-ый ихэ*). Пусан: Седжон чхульханса, 1999. – 459 pp.

Хонги, 2006³⁷), среди которых важнейшее положение занимает появившаяся во второй половине XVIII в., во многом благодаря «Описанию избранных деревень», концепция «Большого Пэктусанского ствола» *Пэкту тэган* (Чан Сонгю, 2008³⁸). Вопрос *Пэкту тэган* поднимался также в отечественных монографиях (Н.В. Кюнер, 1912³⁹; Т.М. Симбирцева, 2012⁴⁰), но широкого признания у общественности не получил. Стоит отметить, что в отечественном корееведении выходят работы, нацеленные на решение широких вопросов в области географии (Л.Р. Концевич, 2001⁴¹, 2018⁴²), но непосредственно вопрос корейской картографии в XVII-XVIII вв. не поднимался.

Актуальность же изучения пространственных представлений в Корее и их связи с существующей ситуацией в стране и за ее пределами подчеркивается тем фактом, что существуют аналогичные исследования, посвященные Цинскому Китаю, стремящемуся через письменное слово (Б.Г. Доронин, 2002⁴³) и культурную реорганизацию пространства доказать свою легитимность (С. Уайтмэн, 2015⁴⁴), и Японии в период формирования нового правления (А.Н. Мещеряков, 2014⁴⁵).

Изучение «Описания избранных деревень» проводится в настоящий момент за редкими исключениями только в Республике Корея. Начиная со второй половины XX в. и до настоящего момента, было предложено двенадцать переводов произведения на современный корейский язык (подробнее см. Приложение), а также в 1998 г. корейская исследовательница Юн (Чхве) Инсиль

³⁷ Yoon Hong-key. The culture of fengshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. New York: Lexington Books, 2006. – 333 pp.

³⁸ Чан Сонгю. История Пэкту тэган (*Пэкту тэган-ый ёкса*). Пхаджу: Хангук хаксульчонпо, 2008. – 197 pp.

³⁹ Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосен. Владивосток, 1912. Т.1. – 336 с.

⁴⁰ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи.

⁴¹ Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. – 640 с.

⁴² Концевич Л.Р. Словарь географических названий Республики Корея. Справочное пособие. Сон Чжихун, О Донгон ред. / Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2018. 733 с., карты-схемы.

⁴³ Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. – 288 с. – (Азиатика).

⁴⁴ Whiteman Stephen. Kangxi's Auspicious Empire: Rhetorics of Geographic Integration in the Early Qing // *. Lexington, 2015. P. 33-35*

⁴⁵ Мещеряков А.Н. *Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения*. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2014. – 424 с.

опубликовала частичный перевод «Описания...» на английский язык⁴⁶, на данный момент являющийся единственным⁴⁷.

При этом в отечественном корееведении есть немало обзорных трудов, в которых поднимается вопрос о корейской литературной традиции в XVII-XVIII вв. (А.Ф. Троцевич, 2004⁴⁸), исследуются сохранившиеся в российских архивах письменные памятники (А.Ф. Троцевич, А.А. Гурьева, 2007⁴⁹, 2009⁵⁰). Однако «Описание избранных деревень» в современных отечественных корееведческих трудах как отдельный предмет исследования не фигурирует; не изучены и аналогичные историко-географические труды указанного периода, что затрудняет проведение сравнительного анализа содержания источника.

М.В. Воробьев (1922-1995) смог проанализировать содержание «Описания...», полагаясь на северокорейские антологии⁵¹, что важно для оценки места произведения в комплексе других историко-географических трудов, но характеристика М.В. Воробьева не избежала ряда ошибок именно из-за отсутствия самого текста памятника. Н.В. Кюнер (1877-1955) познакомился с содержанием «Описания...» через японские сочинения начала XX в.⁵², что также повлияло на восприятие памятника – в частности, японским географом Кото Бундзиро (1856-1935) была допущена ошибка в интерпретации корейских горных

⁴⁶ Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements. Sydney: Wild Peony Pty, 1998. – 141 pp.

⁴⁷ Существуют также несколько переводов текста на японский язык, но так как автор настоящей диссертации не владеет японским языком в той мере, которая позволила бы провести полевое исследование в японских книжных магазинах и архивах, отдельно японские переводы «Описания избранных деревень» не рассматриваются. Но установлено, что в мировом корееведении результаты исследований «Описания...», проведенные в Японии, не представлены.

⁴⁸ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 323 с.

⁴⁹ Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск 1: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 300 с.

⁵⁰ Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 424 с.

⁵¹ Воробьев М.В. Очерки культуры Кореи. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 192 с. (Orientalia)

⁵² Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосен. Владивосток, 1912. Т.1. – 336 с.

систем⁵³. Подробнее об этом поговорим во второй главе диссертационного исследования.

Несмотря на популярность «Описания...» в Республике Корея и его значимость для корейской литературной традиции (Син Бёнджу, 2006)⁵⁴, произведение изучено поверхностно. Для южнокорейских ученых «Описание...» в первую очередь – труд географический (Со Сун, 1963⁵⁵; Но Доян, 1963⁵⁶; Хон Исон, 1974⁵⁷; Ви Вонхак, 1993⁵⁸); сохраняющий информацию о традиционной корейской географии, основанной на взаимодействии природы и человека, *пхунсу чири* (О Сечхан, 2003⁵⁹, Юн Хонги, 2006⁶⁰). Рассматривают «Описание...» и как один из первых памятников «культурной географии» Кореи (Юн Хонги, 1976)⁶¹.

Лишь с недавнего времени можно говорить об историко-культурном методе в изучении памятника (Пэ Усон, 2004⁶²; Юн (Чхве) Инсиль, 2013⁶³). Юн (Чхве) Инсиль уточняет обстоятельства создания списков произведения, а Пэ Усон впервые в мировом корееведении обращает внимание на различные списки «Описания...» и выявляет некоторые разнотечения между ними и первой публикацией (1912), которая была отредактирована с учетом изменившейся политической обстановки на Корейском полуострове.

⁵³ Koto B. An Orogaphic Sketch of Korea // Journal of the College of Science. Tokyo: Imperial University, Vol. XIX, Article 1, 1903. P. 1-86.

⁵⁴ Син Бёнджу. Выдающиеся произведения периода Чосон (*Чосон чхвего-ый мёнджодыль*). Сеул: Humanist, 2006. – 339 pp.

⁵⁵ Со Сун. Введение в исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) 挿里志研究序說 (*Тхэнниджи ёнгу сосоль*) // Чирхак, Вып.1, т.1. Сеул, 1963. P. 83-90.

⁵⁶ Но Доян. Разъяснение о подходящих для жизни землях в «Описании восьми земель» (*Пхарёкчи*) 八域誌可居地解說 (*Пхарёкчи кагоджи хэсоль*) // Чирхак, вып.1, т.1. Сеул, 1963. P. 91-96.

⁵⁷ Hong I-Söp. Yi Chung-hwan's Geographical Thought in T'aengniji // Korea Journal, Vol.14, No.3, March. Seoul, 1974. P. 40-44.

⁵⁸ Ви Вонхак. Исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) (*Тхэнниджи ёнгу*). Сеул: Тосочхульпхан синянса, 1993. – 173 pp.

⁵⁹ О Сечхан. Исследование учения пхунсу в «Описании избранных деревень» (*Тхэнниджи*) (*Тхэнниджи-ый пхунсу чирихакчок ёнгу*) // Journal of Social Science Research, Vol. 11, No. 1. Тэгу, 2003. P. 85-106.

⁶⁰ Yoon Hong-key. The culture of fengshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. New York, Lexington Books, 2006. – 333 pp.

⁶¹ Yoon Hong-key. T'aengniji: A Classical Cultural Geography of the Korean Settlement // Korea Journal, vol.16:8. Seoul, 1976. P. 4-16.

⁶² Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (*Тхэнниджи*): сравнительное исследование (*Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токноп – пхильсабон тигёёнгу-рыль чунсим-ыро*) // Сеул: Хангук мунхва 韓國文化. Сеульдэхаккё хангук ёнгусо 서울大學校 韓國文化研究所, 2004. P. 213-246.

⁶³ Yoon Inshil Choe. Early-Period T'aengniji Manuscripts // Hawaii, University of Hawaii Press, Korean Studies, Vol. 37, 2013. – P. 225-249.

Таким образом, несмотря на существование ряда монографий, сборников научных трудов и статей, проблема взаимодействия между Кореей и Китаем в XVII-XVIII вв. и ее отражение в письменных памятниках периода изучены недостаточно. В связи с недоступностью ряда исследований и отсутствием регулярных научных контактов между отечественными и зарубежными корееведами нет единого пути в разработке проблемы.

Ведутся споры о существовании оппозиционных настроений в отношении Цин в XVII-XVIII вв., нет единого мнения о характере и сроках существования оппозиционных настроений.

Не изучены ни сами пространственные представления, ни их складывание в Корее в XVII-XVIII вв., влияние на формирование самосознания культуры. Не изучено влияние, которое оказали пространственные представления на письменные памятники Кореи в XVII-XVIII вв. Что касается изучаемого нами источника – «Описания избранных деревень», – то несмотря на его влияние на историко-географические труды XVIII-XIX вв. данный памятник прежде не связывался со сменой пространственных представлений в Корее в XVII-XVIII вв., а в отечественном корееведении не изучался вовсе.

Таким образом, **научная проблема**, решению которой посвящено наше диссертационное исследование, заключается в обнаружении изменений в пространственных представлениях в Корее в XVII-XVIII вв.: какие причины их вызвали, в чем состояли эти представления и как они отразились на письменных памятниках периода – в частности, «Описании избранных деревень».

Рабочая гипотеза. Предполагается, что представления о стране и окружающем мире складываются в этот период в корейской культуре под влиянием нескольких фундаментальных обстоятельств, многие из которых связаны с соседним Китаем, с древнейших времен культурном и политическом центре дальневосточной ойкумены.

Среди этих фундаментальных обстоятельств: Имджинская война (1592-1598); сосредоточение власти в Китае в руках некитайской династии Цин; попытка Цин в целях легитимации власти установить новый символический центр культурного мира⁶⁴; множественное проникновение в Корею из цинского Китая европейских воззрений – политических, исторических, научных, художественных; возникновение в среде корейской элиты ощущения собственной чужеродности всем этим новшествам и вместе с тем острого желания сохранить вопреки им верность традиционному укладу жизни.

Объект исследования – связь пространственных представлений с формированием этнического самосознания в трудах корейских ученых-интеллектуалов в XVII-XVIII вв.

Предмет исследования – пространственные представления и самосознание корейской культуры в историко-географическом литературном памятнике «Описание избранных деревень» 指里志 (*Тхэннииджи*, 1751 г.) Ли Джунхвана 李重煥 (1690-1756?).

Основные хронологические рамки нашего исследования: XVII в. – вторая половина XVIII в. После Имджинской войны (1592-1598) и двух маньчжурских нашествий (1627 г. и 1636-1637 гг.), когда Корея оказалась неспособна противопоставить почти никакого сопротивления мощной армии маньчжур, уверенно захватывающей Китай, в корейском правительском аппарате, начиная с самого верха, появляется идея о необходимости сопротивления маньчжурам, империи Цин. Но, не имея возможности начать открытые военные действия, корейское правительство, с одной стороны, собирало и готовило военные отряды для внезапного удара, а, с другой, – демонстрировало свою

⁶⁴ Подробнее см.: Whiteman Stephen. Kangxi's Auspicious Empire: Rhetorics of Geographic Integration in the Early Qing // *. Lexington, 2015. P. 33-35.*

преданность погибшей династии Мин, а позднее – готовность занять ее место в качестве «оплота истинного конфуцианства».

В этот период происходило разделение на «свое» (относящееся к истории и культуре Кореи и ханьского Китая) и «чужое» (относящееся к Цин, Японии и иным «варварам»). Ли Джунхван выстраивает оппозицию, апеллируя к истории государств – от легендарной до современной ему (XVIII в.). Вслед за ним мы также проследим основные вехи в становлении корейской культурной картины мира.

«Средневековой» мы с известной долей условности, связанной с не всегда продуктивными аналогиями с европейским Средневековьем, называем культуру длительного исторического периода после конца «древности» и начала «Нового времени». Точные хронологические рамки ее неизвестны. Традиционно на Дальнем Востоке принято в этом отношении ориентироваться на самую протяженную по времени и основополагающую по содержанию для всего региона культуру Китая, в котором начало Средних веков принято датировать концом династии Хань, т.е. III в. н.э., а начало Нового времени – Синьхайской революцией 1911 г. Культура этих семнадцати веков характеризуется моноцентричностью, авторитарностью, каноничностью и традиционностью. С другой стороны, современные корееведы под «Средневековьем» понимают совершенно различные периоды времени: с I в. до н.э. до 1860-х гг. (КНДР); с X в. по XIV в. (РК); с VII по XVII вв. (РФ)⁶⁵. Окончание «Средневековья», по нашему мнению, не происходит единомоментно, и традиционное общество продолжает во многом оставаться традиционалистским, сохраняя черты «средневекового». Это дает нам право утверждать, что написанный в XVIII в. памятник, воспевающий конфуцианские идеалы, по-прежнему можно отнести к традиционной средневековой культуре Кореи.

⁶⁵ Проблема периодизации корейской истории не раз обсуждалась современными российскими корееведами, однако на данный момент единой точки зрения по данному вопросу по-прежнему нет. Подробнее см.: Курбанов С.О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 41-42.

Источники исследования составляют две группы:

Основной источник нашего исследования – списки «Описания избранных деревень», обнаруженные нами в ходе полевых исследований в Сеуле в библиотеке Международного Института корееведения Кюджангак Сеульского национального университета, библиотеках университетов Ёнсе, Корё и Женского университета Ихва, где автор настоящей диссертации впервые в практике корееведения провела сплошное обследование в августе 2013 г., июле-августе 2014 г., июле 2016 г.

В результате нами было обнаружено свыше восьмидесяти версий «Описания...», известном под двадцатью одним названием – подробные выводы изложены нами в первой главе диссертации.

Текст записан на *ханмуне* 漢文 – кореализированной форме китайского письменного языка, – и вплоть до начала XX в. распространялся благодаря анонимным переписчикам. Выбор предмета исследования, памятника «Описание избранных деревень», связан с влиянием, которое произведение оказало на иные историко-географические труды периода (пр., «Малые речения Сонхо» 星湖僕說 (*Сонхо сасоль*) и «Описание гор» 山經表 (*Сангёнхё*), оба – вторая половина XVIII в.), а также популярностью накануне Нового времени – до наших дней дошли свыше 80 рукописных экземпляров, хранящихся в государственных библиотеках Республики Корея, Корейской Народно-Демократической Республики, Японии и Соединенных Штатах Америки, а также в частных коллекциях.

Главным же источником стала первая публикация «Описания избранных деревень», сделанная просветителем Чхве Намсоном 崔南善 (1890-1957) в 1912 г. Выбор обусловлен тем, что именно этот текст используется в настоящее время современными корейскими учеными для перевода произведения на корейский язык и анализа. Таким образом, использование того же источника не повлечет за собой путаницы и разнотечений.

Мы привлекли также **дополнительные источники**: королевские летописи «Истинные записи (правления) династии Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*)⁶⁶, настольную книгу для наследных принцев позднего периода Чосон «Первые упражнения [для] детей» 童蒙先習 (*Тонмон сонсын*)⁶⁷; современные южнокорейские и северокорейские энциклопедии, к которым мы обращались, чтобы проследить историю изучения «Описания избранных деревень». На основе анализа содержания словарных статей были сделаны выводы о степени изученности памятника в РК и КНДР во второй половине XX в.

Также были использованы источники переводные (на русский, английский или корейский языки) – «Исторические записи Трех Государств» 三國史記 (кор. *Самгук саги*), «Книга перемен» 易經 (кит. *И цзин*), «Записки о ритуале» 禮記 (кит. *Ли цзи*), «Каталог гор и морей» 山海經 (кит. *Шань хай цзин*), «Суждения и беседы» 論語 (кит. *Лунь юй*), «Исторические записки» 詩經 (кит. *Ши цзи*), художественная литература⁶⁸ и размышления корейских интеллектуалов XVII-XVIII вв.⁶⁹.

Целью диссертационного исследования стало изучение «Описания избранных деревень», а именно рассмотрение изложенных в нем пространственных представлений в связи с меняющимся самосознанием культуры в XVII-XVIII вв.

⁶⁶ Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*) [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/>

⁶⁷ Первые упражнения [для] детей 童蒙先習 (*Тонмон сонсын*). [Электронный ресурс] URL: <http://www.nongsimga.pe.kr/jaryo/gojeon/dongmonghe.htm>

⁶⁸ Среди них: Наставление царю цветов. Высокая проза Кореи XI-XVIII веков. Золотой фонд корейской литературы, V. / пер. с кит. СПб.: Гиперион, 2010. – 288 с.; Чудесная жемчужина. Рассказы о необычном. Корейские предания, легенды и сказки / пер. с кор. Троцевич А.Ф., Концевича Л.Р., Никитиной М.И., Болтач Ю.В., Пака М.Н., Соловьева А.В., Тихонова В.М., Елисеева Д.Д. СПб.: Гиперион, 2014. – 272 с. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», VIII); Рисунки тушью. Корейская классическая поэзия на китайском языке / пер. с кит. Гурьевой А.А., Ждановой Л.В., Кроля Ю.Л., Меньшикова Л.Н., Троцевич А.Ф. СПб.: Гиперион, 2015. – 160 с. – (Серия «Золотой фонд корейской литературы», IX); Досужие беседы на постоялом дворе. Корейские рассказы XIX в. / пер. с кит. Елисеева Д.Д. СПб: Гиперион, 2016. – 192 с. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», X).

⁶⁹ Опубликованные, в частности, в таких трудах, как: Lee Peter H. Sourcebook of Korean Civilization, Vol 2. New York: Columbia University Press, 1996. – 876 pp.; Sources of Korean Tradition. Vol.2: From the sixteen to the twentieth centuries / Ed. Baker D. New York: Columbia University Press, 2000. – 487 pp.

Под «самосознанием культуры» мы понимаем сумму представлений культуры о самой себе, зафиксированных в совокупности текстов о правильной духовной и физической структуре человека-деятеля (сочинения по придворному этикету, сельскому хозяйству, военному делу, ремеслам, искусствам и др.)⁷⁰

Постановка цели диссертационного исследования, а также состояние источниковой базы, предопределила выделение ряда научно-исследовательских задач:

- 1) определить степень изученности «Описания...» в мировом корееведении и ввести памятник в научный оборот российской науки как важный источник для изучения корейского национального менталитета и культуры;
- 2) изучить сохранившиеся списки «Описания...»: изучить структуру и содержание памятника и его место в историко-географической литературе позднего Чосона;
- 3) охарактеризовать историко-географические описания в культуре Кореи;
- 4) изучить доступные сведения о биографии Ли Джунхвана, реконструировать биографию и выявить личные мотивы в составлении «Описания...»;
- 5) реконструировать культурно-историческую ситуацию в Чосоне в XVII-XVIII вв., повлиявшую на составление «Описания избранных деревень»;
- 6) проанализировать содержание «Описания...» и его связь с литературной традицией, в русле которой оно было создано: при рассмотрении содержания выявить принципы, согласно которым автор излагает свою концепцию культурной картины во второй половине периода Чосон.

Методология. В настоящей работе применим *междисциплинарный подход*: мы анализируем источники в культурно-историческом контексте; исследуем материал с точки зрения его литературных, стилистических особенностей;

⁷⁰ Подробнее см.: Брагинский В.И. Проблема типологии средневековых литератур Востока. Очерки культурологического изучения литературы. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 16-19.

используем сопоставительные методики изучения соприродных явлений в разных культурах, то есть к методам типологии, литературного анализа источников, а также анализ их культурно-исторического контекста.

Опираясь на отдельные факты из жизни Ли Джунхвана, упомянутые его современниками; на исторические факты, связанные с его жизнью и отраженные в королевских летописях «Истинные записи (правления) династии Чосон»; на исторические факты, характеризующие основные события корейской истории XVII-XVIII вв., мы реконструировали биографию Ли Джунхвана и сделали вывод о его положении в обществе (уровень образования, финансовое состояние, семейный статус, круг общения).

Важную роль в исследовании «Описания избранных деревень» играет понимание его исторического контекста и той культурной среды, в которой произведение было создано. Чтобы установить предпосылки возникновения данного сочинения, его «функционирование», а также то, какое место оно занимало в литературной традиции своего круга, мы использовали *культурно-исторический метод*. Тогда как для исследования названия произведения: его значения и того, как оно отражает авторский замысел Ли Джунхвана и как связано с литературной средой – был применен *метод филологического анализа*.

Также мы используем *метод сравнительного литературоведения*. Анализ содержания источников, на основе которого были выделены характерные особенности представления культурной картины мира в XVIII в., является ядром данного исследования.

Научная новизна. Рассматривая «Описание избранных деревень» в качестве документального свидетельства смены пространственных представлений и самосознания культуры, мы впервые вводим данный памятник и его многочисленные списки в научный оборот российской и европейской науки. Впервые исследуем ту роль, которую выполняли в корейской культуре сочинения жанра чибанджи, оцениваем значение природного ландшафта для традиционного мировидения корейцев. Впервые в российском и европейском корееведении

описываем обстоятельства создания данного памятника, реконструируем биографию Ли Джунхвана, излагаем содержание, выделяем жанровые и культурологические особенности и делаем попытку интерпретировать текст в соответствии с теми глубокими переменами в миропонимании корейцев, которые произошли в XVIII в., а именно в связи со сменой концепции «свой-чужой» и идеей о Корее как «Малом Китае»⁷¹.

Положения, выносимые на защиту

1. Историко-географическое произведение «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.) зафиксировало пространственные представления и изменения в самосознании культуры корейцев в XVII-XVIII в.
2. «Описание избранных деревень» оказалось востребовано не только в XVIII в., но и позднее – в колониальный период, 1970-ые гг. в Республике Корея, т.к. опиралось на факторы единства корейского народа: общую историю, географию, культуру.
3. «Описание избранных деревень» позиционировало Корею (государство Чосон) как культурного наследника китайской династии Мин и последнего оплота конфуцианской морали и этики, т.е. последним «цивилизованным» государством известного на тот момент мира.
4. Согласно «Описанию избранных деревень», Корея, сохраняя собственную уникальность, «наследует» Китаю через:
 - Связанную историю и взаимодействие лидеров стран;
 - Географическое положение (внешний вид и расположение Чосона; а также горы Пэктусан, которые Ли Джунхван сопоставляет с горами Куньлунь);

⁷¹ «Малый (маленький) Китай» 小 [中] 華 (*соджунхва*) – самоназвание Кореи, получившее широкое распространение в период правления в Китае маньчжурской династии Цин. Согласно этой идее, Корея «наследовала» культуру и традиции ханьского Китая, а потому могла выступать в качестве нового культурного центра.

- Конфуцианство и связанные с ним ритуалы.

Научно-практическая значимость. Результаты нашего исследования могут внести вклад в дальнейшее изучение идеологии и философии второй половины периода Чосон, изучения культурной географии XVIII в., корейской традиционной теории о связи ландшафта и человека *пхунсу чири* 風水地理. Кроме того, результаты могут быть использованы в учебном процессе в учебных заведениях востоковедного профиля при чтении теоретических и практических курсов по истории, географии и культуре Кореи, спецкурсах по литературе позднего периода Чосон, разработке программ, учебников и учебных пособий для изучающих период Чосон.

Проведенное в настоящей диссертации исследование может полезно для представителей различный дисциплин: культурологов, историков, востоковедов, искусствоведов, религиоведов, этнологов.

Апробация диссертационной работы.

Основные выводы и положения диссертационной работы были апробированы в ряде российских и зарубежных научных конференций, среди которых: международная научная конференция «Eighth Worldwide Consortium of Korean Studies Center Workshop» (Университет Корё, Сеул, 2012), «Вторая всероссийская научная конференция молодых ученых-корееведов» (МГУ, Москва, 2012), «Международная научная конференция, посвященная 115-летию со дня начала преподавания корейского языка на Восточном факультете СПбГУ» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2012), межвузовский научный семинар студентов-корееведов (РГГУ, Москва, 2012), научный семинар «Изучение Кореи: Проблемы источниковедения» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2013), III Международная научная конференция «Молодое поколение в корееведении» (МГУ, Москва, 2014), международная научная конференция «The 12th Biennial Conference of Asian Studies in Israel» (Хайфский университет, Хайфа, 2014), международная научная конференция «The 11th Korean Studies Graduate Students Convention» (СПбГУ,

Санкт-Петербург, 2014), всероссийская научная конференция «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации» (ИВ РАН, Москва, 2014), XIX Международная научная конференция «Корея: 70 лет после Освобождения» (ИДВ РАН, Москва, 2015), международная научная конференция «The 3rd KUKH University» (Университет Корё, Сеул, 2015), международная научная конференция «2015 Russia International Literary Symposium: Korean and Russian on Arts, Literature and Creativity» (МГУ, Россия, 2015), международная научная конференция «The 27th AKSE Conference (The Association for Korean Studies in Europe)» (Пурский университет, Бохум, 2015), международная научная конференция «The 12th Korean Studies Graduate Students Convention in Europe» (Малагский университет, Малага, 2015), международная научная конференция «CEESOK 2015» (МГЛУ, Москва, 2015), международная научная конференция «The 28th AKSE Conference (The Association for Korean Studies in Europe)» (Карлов университет, Прага, 2017) и др.

Основные положения диссертации были нами использованы также при чтении курсов в Российском государственном гуманитарном университете (2012-2018 гг.): «Источниковедение Кореи», «История Кореи», «История корееведения», «История востоковедения», «Средневековая философия Кореи», «География Кореи», «Этнология Кореи» и в НИУ «Высшая школа экономики» (2017-2018 гг.): «Культурное развитие Азии», «История изучаемого региона (Корея)». Также по материалам диссертации опубликован ряд статей, объемом свыше 3 п.л..

Транскрипция

При транскрибировании слов корейского языка кириллицей мы использовали Русскую практическую транскрипцию, разработанную Л.Р. Концевичем на основе транскрипции А.А. Холодовича (1906-1977).

Соответствие паспорту специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 24.00.01 – «Теория и история

культуры», а именно пунктам: 1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества; 1.18 – Культура и общество; 1.19 – Культура и этнос; 1.22. – Культура и национальный характер; 1.23. – Личность и культура.

Обоснование структуры исследования.

Диссертация состоит из введения, основной части в четырех главах и заключения, библиографического списка (список рукописных источников на *ханмуне* содержит 10 наименований; переведенной с иностранных языков литературы – 28 наименований (10 – на современный корейский язык, 13 – на русский; 5 – на английский); исследовательской литературы – 141 (61 – на русском языке; 36 – на корейском языке; 44 – на английском языке; использована справочная литература (20) и интернет-ресурсы (24) на *ханмуне* (3), на русском (4), корейском (7), японском (2) и английском (8) языках), списка таблиц и иллюстраций, входящих в приложение, и само приложение, включающее в себя 3 таблицы, 8 тематических иллюстраций, перевод отдельных глав произведения (общий объем – 263 стр. печатного текста).

ГЛАВА 1.

«ОПИСАНИЕ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ» КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

«Это упорядоченные записи о нашей стране –
горах и реках, людях, обычаях, политике, переменах,
обуздании смуты, удаче и неудаче»
Ли Джунхван «Описание избранных деревень»⁷²

Прежде, чем перейти непосредственно к изучению «Описания избранных деревень» и его значению в культуре позднего Чосона, необходимо разобраться с ролью, которую играли аналогичные сочинения в культуре и истории Кореи. Рассмотрим также сохранившиеся списки «Описания...» и его первую публикацию.

1.1. Значение историко-географических сочинений в культуре Китая и Кореи

Как было упомянуто во Введении, историко-географические сочинения издревле играли важнейшую роль в культуре стран Дальнего Востока. Это неудивительно, ведь как писал Ю.М. Лотман, «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека. Возникнув в определенных исторических условиях, оно получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является»⁷³.

Впервые среди стран Дальнего Востока жанр историко-географических сочинений (кит. *фан чжи* 方志, *дифан чжи* 地方志) стали использовать в Китае.

⁷² Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) (рукопись): Библиотека международного института корееведения Кюджангак, 915.1-Y58t-v.1-2. Р. 110.

⁷³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. (Культурный код). С. 254.

Как замечает Б.Г. Доронин, эти описания, касаясь прежде всего истории и географии региона, «строго говоря, не являлись ни тем, ни другим»⁷⁴. Жанр не сразу получил единое оформление: к нему можно отнести как и различного рода картографические материалы, которые на заре китайской государственности содержали сведения о регионе, так и сводные труды, куда входили не только карты, но и известные данные обо всех регионах – их истории, населении, географическом положении и др. Подобного рода сочинения поддерживали власть монарха и символически «закрепляли» земли под его началом. Также *дифан чжи* давали экономическую характеристику регионам и уточняли вопрос даннических отношений с «варварскими» племенами, проживающими на территории Китая или близ него.

Не случайно *дифан чжи* во множестве появились в Китае за несколько веков до новой эры, то есть тогда, когда после периода вековой раздробленности страна обретала единство под владычеством дома Хань. Необходимо было зафиксировать, ограничить территорию в пространстве, тем самым указать на наследственное право новых владык на земли великих родоначальных династий Ся, Шан–Инь, Чжоу; узаконить произошедшие территориальные приращения. Такие описания символически помещали подчиненные Хань земли и племена под куполом всемогущего Неба (отсюда самоназвание китайского государства: *Тянься 天下* «Под-небесная») и в центр квадратной Земли (отсюда другое самоназвание Китая *中國* «Срединное государство»); земли, не укрытые небесным куполом, почитались варварскими.

С каждым годом число *дифан чжи* росло. Современный китайский историк Чжан Шуньхуэй предполагает, что Конфуций 孔子 (551-479 гг. до н.э.) ознакомился с более чем сотней историко-географических описаний Древнего Китая⁷⁵. Природные формы воплотились в графические символы главнейшего текста китайского канона «Книга перемен» *易經* (кит. *И цзин*, VII в. до н.э.). В китайском трактате «Резной дракон литературной мысли» *文心雕龍* (кит. *Вэнь*

⁷⁴ Доронин Б.Г. Указ. соч. С. 150.

⁷⁵ Доронин Б.Г. Там же.

синь дяо лун, V-VI вв.) природный ландшафт признается источником не только собственно словесности, но культуры в целом и связывается с литературой *вэнь 文*: «...И тогда и небо и земля нашли свое выражение в слове, которому сообщилась *вэнь*, и эта *вэнь* слова есть душа неба и земли!»⁷⁶.

Несмотря на многообразие *дифан чжи*, они поддаются классификации, но, к сожалению, в мировом корееведении отсутствуют труды, которые посвящены данной теме, и, полагаясь на изученные нами отечественные и зарубежные исследования, касающиеся отдельных географических сочинений, мы постараемся свести предлагаемые характеристики в единую систему.

Во-первых, традиционно подобного рода сочинения были предназначены для утилитарного использования, а потому чаще всего выполнялись по приказу государей, хотя, как отмечает М.В. Воробьев, именно «официальными» они стали только с правления династии Юань⁷⁷. Во-вторых, география всегда была тесно связана с историей региона, а с III-IV вв. в историю начинают включать и биографии местных деятелей⁷⁸. В-третьих, эти описания должны были максимально соответствовать реальности, поэтому включение мифологизированной информации было минимальным.

Здесь уместно вспомнить древнекитайский памятник «Каталог гор и морей» *Шань хай цзин*, ?). По внешнему виду он напоминает историко-географическое сочинение, изобилующее мифологическими отсылками. Тем не менее, это не географический труд, и он решает иную задачу: согласно исследованиям переводчика и комментатора «Каталога...» Э.М. Яншиной, содержание данного памятника было выгравировано на священных сосудах в честь мифического покорителя потопа и устроителя земли Великого Юя; и традиционное положение «патрона географии» было им освоено именно потому, что, устраивая землю, он познал не только ее «горы и реки, но и их духов; животных, их населяющих, все растения, а также узнал о ближних и дальних

⁷⁶ Цит. по: Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. Москва: ГРВЛ «Наука», 1978. С. 52.

⁷⁷ Воробьев М.В. Указ. соч. С. 106.

⁷⁸ Доронин Б.Г. Там же.

народах»⁷⁹. Таким образом, описание тех или иных земель в «Каталоге...» - это доказательство легитимности власти китайского правителя.

Новое деление традиционных китайских сочинений предлагает Д. Дж. Фелт, подразделяя их на шесть подкатегорий: 1) географическое описание местных административных учреждений; 2) мира; 3) иных земель; 4) топографии; 5) маршрутов для путешествий; 6) столиц⁸⁰.

Существует и внутреннее деление жанра на «*фан чжи*» 方志 и «*цзи чжи*» 地志. Оба названия можно перевести как «географическое описание местности». Точную дату разделения на данный момент ученым установить не удается, равно как и то, на каком этапе *фан чжи* заменили картографические описания *ту цзин* 圖經, сопроводительная легенда на которых постепенно заняла главенствующее положение по отношению к карте. Предположительно, произошло это во время правления династии Сун, т.е. на рубеже первого и второго тысячелетий⁸¹. В любом случае, основной разницей между *фан чжи* и *цзи чжи* на данный момент является то, по чьей воле описание составлено. *Фан чжи* традиционно писали по приказу правителя, и затем их данные ложились в основу официального историописания на региональном уровне. Согласно исследованиям М.В. Воробьева, описывали они административные районы, а также населенные пункты; составлялись и пересматривались раз в 5-15 лет специальными отделами при уездных и правительственные управлении. Что касается *цзи чжи*, то их авторами чаще были частные лица и учреждения; выпускались они сравнительно реже и были не столь подробны⁸².

Находившаяся с древности под сильнейшим культурным влиянием Китая (в т.н. «*Sinic Zone*»⁸³) Корея восприняла от соседа не только писаный канон и его язык вместе с корпусом комментариев; мировоззрение с определенной им

⁷⁹ Каталог гор и морей (*Шань хай цзин*) / пред., пер., ком. Э.М. Яншиной. М.: Наука, 1977. С.6.

⁸⁰ Huesemann J. H.. Рецензия на диссертацию Felt D.J.. Patterns of the Earth: Writing Geography in Early Medieval China [Электронный ресурс]. URL: <http://dissertationreviews.org/archives/13383> (дата обращения: 04.05.2018)

⁸¹ Доронин Б.Г. Указ. соч. С.152.

⁸² Воробьев М.В. Указ. соч. С.106.

⁸³ Fairbank J.K. The Chinese World Order. Cambridge, Mass., 1968. Р. 3. Термин *Sinic Zone* означал, что Корея, согласно выражению Дж. Фэйрбэнка, «связана пуповиной с Китаем через китайский письменный язык и конфуцианство». Наравне с Кореей Фэйрбэнк включил в этот предел Японию, о-ва Рюкю, Тайвань.

картиной мира; не только формы государственного устройства, но и весь жанровый набор текстов. Следует сказать (несмотря на очевидность этого утверждения), что никакой средневековый текст никогда не воспринимался в дальневосточной культуре в его прямом значении — символическая многозначность письменного слова неотделимо сопутствовала содержанию самых утилитарных сочинений: медицинских или сельскохозяйственных, пособий по военному делу или ремеслам и т. п. Во всей полноте это относится и к описаниям окрестных земель, рек и озер, гор, растительного и животного мира.

Что касается жанра, то в Корее *цзи чжи* (кор. *чиджси*) получили еще одно внутреннее деление: *минчхан* 民饌 (созданные по личному волеизъявлению автора) и *кванчхан* 官饌 (созданные чиновником или группой чиновников на службе). *Кванчхан*, соответственно, ценились выше, и даже будучи изготовленными на местном уровне, могли повлиять на официальные хроники.

В одном из наиболее ранних сохранившихся корейских памятников «Исторические записи Трех государств» 三國史記 (*Самгук саги*, 1145 г.) придворного историка Ким Бусика 金富軾 (1075-1151) на основе известных к тому времени географических описаний была сделана попытка восстановить границы земель и связать жителей государства Корё (935-1392) с наследниками, прежде занимавшими эти территории. Само же сочинение было сделано по образцу китайского трактата «Исторические записки» 史記 (*Ши цзи*, I в. до н.э.) придворного историографа Сыма Цяня 司馬遷 (145 г. до н.э. / 135 г. до н.э. ~ 86 г. до н.э.). *Дифан чжи*, включенные в «Исторические записи Трех государств», напоминали китайские описания земель. Также Ким Бусик связывал историю Кореи с историей Китая, соотнося правления монархов. Это подчеркивало преемственность Кореи от Китая и особые вассальные отношения, сложившиеся между ними.

До нас не дошли географические сочинения более ранних периодов, но на основе поздних мы можем сделать вывод о том, что корейские правители при помощи географических сочинений «закрепляли» под своей властью земли.

Вскоре после своего воцарения на престоле, основатель династии Чосон Ли Сонге Тхэджо 李成桂 太祖 (1335-1408, правление 1392-1398) повелел создать новую карту Чосона. Завершить ее придворным географам удалось только к 1402 г., времени правления сына Тхэджо Тхэджона 太宗 (1367-1422, правление 1400-1418). Как полагают ведущие корейские ученые, среди которых Хан Ёну, при составлении карты были использованы преимущественно китайские материалы и стандарты⁸⁴. Долгое время именно эта карта служила «образцом» представлений о мире.

На ней Китай располагался в центре мироздания, как и подобает «Срединному государству», а Корейский полуостров находился по правую сторону от него, занимая подчиненное положение. Особенностью карты были размеры Корейского полуострова – почти такого же большого, как и Минский Китай. Соответственно, подтекст изображения связывал Корею с Китаем, подчеркивая при этом ее значимость. К сожалению, карта утрачена, но, на основании более поздней (ок. 1480), сохранившейся в Японии, Дж. Шорт делает вывод о том, что «карта 1402 г. позиционировала страну не только в центре цивилизованного мира, но и легитимировала власть нового режима»⁸⁵.

В 1430-е гг, в правление государя Седжона 世宗 (1397-1450, правление 1418-1450), территория Чосона расширилась благодаря захвату чжурчжэнских земель на севере полуострова, и вскоре по всем провинциям были командированы чиновники для сбора сведений, нужных при составлении новых карт⁸⁶. Корейские энциклопедии, библиографии, каталоги книг, как средневековых, так и более ранних, полны описаниями различных провинций, связывавших символически человека с его предками и его историей.

В Корее весьма ценились китайские *дифан чжи*: в специальных разделах собраний сочинений представлены многочисленные карты местностей, неизменно

⁸⁴ Han Young-Woo, Ahn Hwi-Joon, Bae Woo Sung. Op.cit. P. 8-9.

⁸⁵ Short J.R. Op.cit. P.16.

⁸⁶ Воробьев М.В. С. 108.

ориентированные не только по странам света, но и на признанный символический центр – Китай.

Синоцентричное восприятие пространства благополучно пережило XVII в., когда в Китай вместе с миссионерами-иезуитами попали первые европейские географические карты, а в Корею была привезена «Карта множества стран мира» 坤輿萬國全圖 (*Конё мангук чондо*) Маттео Риччи (1552-1610).

Несмотря на интерес корейцев к иным странам, что доказывают комментарий к «Карте» и ее переиздание в 1630-х гг., а также распространение «Описательного атласа мира», или же, как сочинение было известно в Корее, «Записи о внешних землях» 職方外紀 (*Чикпанвеги*), «Конфуция Запада» Джулио Алени (1582-1649), синоцентрическая модель мира не претерпела значительных изменений. Доказательство тому – «Общая хронологическая карта границ государств и столиц» 混一歷代國都疆理地圖 (*Хониль ёктэ кукто канни чидо*, XVI в.). Она опиралась на минские карты и не включала описания Европы, Африки, арабских стран, несмотря на то, что об их существовании было известно; Япония и Окинава были представлены в виде небольших кругов, уступавших Корейскому полуострову (выполнен в виде треугольника) по размерам. Хан Ёну, анализируя аналогичные карты, предполагает, что при помощи размера подчеркивался статус «близости» Чосона к «Срединному государству», «цивилизованность»⁸⁷.

Мы считаем, что не проникновение европейских сочинений, а именно новые цинские *дифан чжи* сыграли роль «катализатора» в процессе составления собственных корейских сочинений этого жанра. С. Уайтмэн объясняет внимание цинских правителей к *дифан чжи* тем, что для легитимации маньчжурского наследования престола требовалось интегрировать «культурный центр и варварскую периферию» и основать новую империю в духе единения «внутреннего» и «внешнего»⁸⁸. Для этого правители Цин прибегли к символическому изменению центра мира: начиная с 1680-х гг., гора Тайшань 泰山,

⁸⁷ Han Young-Woo, Ahn Hwi-Joon, Bae Woo Sung. P. 22-23.

⁸⁸ Whiteman Stephen. Op. cit. P. 34.

где, согласно китайской мифологии, обитали боги и бессмертные, в проводимых императором ритуалах была потеснена горой Чанбайшань 長白山, мифической родиной предков маньчжур.

Для Кореи, которая с 1644 г. оказалась в вассальной зависимости от империи Цин, подобное смещение центра было невозможно принять по той причине, что гора Чанбайшань в корейских летописных и историко-географических сочинениях фигурировала под названием «Пэктусан» 白頭山 и была тесно связана с корейской историей и культурой. Как отмечает современный корейский историк Ян Богён, после того, как в XVII в. участились пограничные разногласия между Чосоном и Цин, а маньчжуры стали проводить ритуалы на этой горе, ее роль как «священного места» стала возрастать⁸⁹.

Пикантность ситуации состояла и в том, что Чанбайшань / Пэктусан был родиной не только для предков маньчжур, но и для предков основателя династии Чосон: Ли Сонге родился в провинции Хамгён, расположенной у подножия Пэктусана. Соответственно, при помощи письменного слова – географических и литературных сочинений – требовалось «закрепить» гору за собой.

Вплоть до конца XVII в. корейцы надеялись на возвращение Мин. Пытаясь определить свое место в новом мире, с XVII в. корейские географы стали рисовать атласы «Карта Поднебесной» 天下圖 (Чхонхадо). Мир на них был представлен в виде круга, в центре которого расположен материк, с четырех сторон окруженный морями. На нем отчетливо видны Китай и Корея, южнее по матерiku – Азия и Африка, вокруг материка – отдельные острова, среди которых Япония и Рюкю, удаленные от центра. На периферии – названия государств и племен, часто не существующих (например, «страна волосатых людей», «страна одноглазых людей» и др.) и восходящих к «Каталогу гор и морей»⁹⁰. Как замечает Дж. Шорт, «...атласы, охватывающие значительные территории, описывали

⁸⁹ Yang Bo-Kyung. Perception of Nature in the Joseon period. Anthology of Korean Studies, Volume 5. Korean History: Discovery of Its Characteristics and Developments. Noh Tae Don et al, Korean National Commission for UNESCO. Hollym International Corp., 2004. P. 265.

⁹⁰ Подробное описание «Карты Поднебесной» и примеры атласов см.: Short J.R. Korea: A Cartographic History. – Chicago: The University of Chicago Press, 2012. P. 86-94.

только Корею и окружающие ее страны. Нет ни одной карты Европы или другой части мира. Мир отражен через стилизованные *чхонхадо* и карты Китая и Кореи. К этому времени география “внешнего мира” была более-менее известна, но эти атласы по-прежнему представляли синоцентричный мир, где Корея было заранее отведено определенное место»⁹¹.

Эти карты были распространены в XVII-XVIII вв., но уже ко второй половине XVIII в. стали появляться «Карты Поднебесной», на которых был изображен только Чосон – карта могла представлять отдельные провинции, города. Так, например, в Сеульском историческом музее хранится ксилограф «Карта Поднебесной: карта Сеула» 天下圖 – 漢陽圖 (*Чхонхадо* – *Ханяндо*), созданный в 1822 г. на основе карты 1770-ых годов⁹².

Соответственно, мы можем сделать вывод, что ко второй половине XVIII в. у корейцев изменилось восприятие пространства и своего места в нем. «Поднебесной» стал Чосон, взяв на себя функции «цивилизованного центра», который должен был сохранять и распространять свою культуру, а также культуру прежде живших совершенномудрых – в первую очередь легендарных ханьских китайских правителей и философов.

А.Ф. Троцевич упоминает, что в XVII-XVIII вв. одним из основных направлений поэтического жанра *каса* 歌詞 стали путешествия, – исследовательница отмечает, что «описания земель, созданные чиновниками на службе в провинциях, отличаются детальными географическими и этнографическими описаниями»⁹³.

В этом мы видим желание корейских чиновников, владеющих словом, зафиксировать границы территории и указать на отличие корейских обычая и культуры от цинских, «варварских». При этом трактологи избивали отсылками к минской истории и культуре. Так, например, это «Жэхэйский дневник»

⁹¹ Ibid. P. 92-93.

⁹² Подробнее см. каталог коллекций Сеульского исторического музея и Музея университета Корея «Сеул. Небо-Земля-Человек» (*Соуль. Ханыль-тан-сарам*). Сеул: Самгванса, 2002. Р. 99, 258.

⁹³ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 166-167.

熱河日記 (*Ёрха ильги*, 1780-ые гг.) крупнейшего философа позднего периода Чосон Пак Чивона 朴趾源 (1737-1805), в котором автор открыто выражает свое недовольство господством Цин⁹⁴.

Аналогично в «Описании избранных деревень» отразилось желание образованных корейцев, к которым относился и Ли Джунхван, «культурно делегитимировать» маньчжурскую династию Цин (1644-1912), доказывая, как мы предполагаем, несостоятельность ее попыток наследовать великой культурной традиции Китая и всего дальневосточного культурного ареала.

1.2. «Описание избранных деревень»: от многообразия к единству

По содержанию «Описание...» в рамках традиционной классификации безусловно может быть отнесено к жанру историко-географических описаний *чубанджи* 地方志 (кит. *дифан* *чжи*), поджанру *чиджи* 地志 (кит. *цзи* *чжи*), разряду *минчхан* 民撰.

На протяжении полутора столетий, с момента создания во второй половине XVIII в. и до момента публикации в 1912 г., «Описание избранных деревень» распространялось благодаря анонимным копиистам. Примерное число сохранившихся списков – 80; именно столько мы обнаружили во время своего сплошного обследования в августе 2013 г., июле-августе 2014 г., июле 2016 г. в Сеуле в библиотеке Международного Института корееведения Кюджангак Сеульского национального университета, библиотеках университетов Ёнсе, Корё и Женского университета Ихва. Кроме того, некоторые копии находятся в частном владении, и их существование возможно отследить только благодаря Интернет-ресурсам и редким объявлениям о купле-продаже раритетных изданий.

В связи с многообразием версий «Описания...», доступных для изучения, перед исследователями остро встал вопрос, какую версию считать «основной».

⁹⁴ Подробнее см.: Наставление царю цветов. Высокая проза Кореи XI-XVIII веков. Золотой фонд корейской литературы, V. / пер. с кит. СПб.: Гиперион, 2010. С.157-158.

Кроме того, хотя «Описание...» представляет собой сочинение в один *квон*⁹⁵, число его листов варьируется от 40 до 93, что напрямую отражается на объеме и содержании текста. В 1963 г. были опубликованы первые научные статьи, в которых упоминалось произведение Ли Джунхвана: «Введение в исследование “Описания избранных деревень” (*Тхэнниджи*)» 挿里志研究序說 Со Суина⁹⁶ и «Разъяснение о подходящих для жизни землях в “Описании восьми земель” (*Пхарёкчи*)» 八域誌可居地解說 Но Дояна⁹⁷ - оба ученых использовали разные рукописи, отличные и заглавием, и порядком глав в них, и это не могло не сказаться на усложнении научной коммуникации и несогласованности при анализе материала.

В 1970-ые гг., дабы избежать разногласий и споров, большинство ученых сосредоточило свое внимание на публикации Чхве Намсона, вышедшей в издательстве «Общества блестящей литературы Кореи» 朝鮮光文會 (*Чосон Кванмунхве*) в 1912 г.

Публикация «Описания...» в начале XX в. – результат интереса корейских просветителей к своей родной культуре в условиях усиливающегося японского господства на полуострове. Как пишет А.А. Гурьева, «просветителей остро волновала проблема сохранения нации в аннексированной стране, ими был выдвинут лозунг за сохранение своей национальной культуры, призывающий заниматься языком и знать родную историю»⁹⁸.

Изучив ряд различных списков «Описания...», Чхве Намсон привел свой текст к «оптимальному варианту». Пэ Усон в одном из своих исследований

⁹⁵ Среди исключений: «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) в двух книгах в архиве Института корееведения Кюджангак № 古 915.1-Y58t-v.1-2; «Описание избранных деревень», сжатое в одну главу антологии неофициальной истории «Незначительное собрание Дальнего Востока» 大東稗林 (*Тэдон Пхэрим*), vol.28. Рукопись. 951-508 библиотеки университета Ёнсе.

⁹⁶ Со Суин. Введение в исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) 挿里志研究序說 (*Тхэнниджи ёнгу сосоль*) // География (Чирихак). Вып.1, т.1. Сеул, 1963. Р. 83-90.

⁹⁷ Но Доян. Разъяснение о подходящих для жизни землях в “Описании восьми земель” (*Пхарёкчи*) 八域誌可居地解說 (*Пхарёкчи кагоджи хэсолль*) // География (Чирихак). Вып.1, т.1. Сеул, 1963. Р. 91-96.

⁹⁸ Гурьева А.А. Книга как часть культуры Кореи в колониальный период (1910-1945) // Письменные памятники Востока, 2 (15). СПб: Наука, ИФ «Восточная литература», 2011. С. 234

называет его «стандартом» *пхёджунхён* 標準型⁹⁹, и мы будем придерживаться этого термина.

«Описание...» Чхве Намсона состоит из четырех глав. «Рассуждение о четырех типах людей» 四民總論 (*Самин чхоннон*); «Рассуждение о восьми провинциях» 八道總論 (*Пхальдо чхоннон*) – сюда входят также введение и описание восьми провинций; «Рассуждение о выборе правильного места» 占居總論 (*Покко чхоннон*) – сюда включено также введение, «География» 地理 (*Чири*), «Материальная польза» 生利 (*Сэнни*), «Человеческие помыслы» 人心 (*Инсим*), «Горы и реки» 山水 (*Сансу*); «Общие рассуждения» 總論 (*Чхоннон*).

«Рассуждение о четырех типах людей» идет вначале, вслед за ним – «Рассуждение о восьми провинциях» и «Рассуждение о выборе правильного места для жилища», и последняя часть – «Общие рассуждения».

Однако этот вариант неполон. Помимо указанных глав, в некоторые манускрипты также входят предисловие и заключение, среди авторов которых Ли Ик 李灝 (1681-1763), Ли Бонхван 李鳳煥 (1685-1754?), Чон Оню 鄭彥儒 (1687-1764)¹⁰⁰, Мок Сонгван 睦聖觀 (1691-?), Мок Хвегён 睦會敬 (1698-?), Чон Ягён 丁若鏞 (1762-1836) и сам Ли Джунхван.

Чхве Намсон не включал комментарии современников Ли Джунхвана к рукописи, однако подавляющее большинство существующих списков их содержит: одно, два или все сразу. Таким образом, комментарии являются дополнением к «стандарту», но при этом продолжают играть важную роль в возможности датировки текста, и ими нельзя пренебрегать.

У «стандарта» есть и другие особенности. Есть случаи объединения в одном разделе разных тем, деления параграфов на более узкие подразделы, создание новых подзаголовков.

⁹⁹ Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (*Тхэнниджи*): сравнительное исследование (*Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон пигёёнгу-рыль чунсим-ыро*). Р. 216.

¹⁰⁰ Чон Оню 鄭彥儒 (1687-1764) – гражданский чиновник, почти двадцать лет (1726-1744) прослуживший в Министерстве ритуала 禮曹 в шестом ранге *чваран* 佐郎 и следивший за соблюдением церемоний у могилы вана Танджона (端宗大王, 1441-1457) в провинции Канвон.

В Приложении к настоящей диссертации мы приводим «Таблицу №2», где сравниваем некоторые из имеющихся у нас рукописей по объему, порядку и наличию глав, взяв за основу «стандарт» Чхве Намсона. Рукописи были отобраны нами случайным образом: учитывалась их доступность для изучения, размер, разница в заглавиях. На первом этапе изучения, результаты которого отражены в таблице, мы рассматривали только структуру рукописей. Полученные данные позволяют согласиться с Чхве Намсоном в выборе глав: нами обнаружен лишь один список, в котором есть глава, отличная от «стандарта» - это «Торговля и логистика» в «Живописном обозрении земель Востока» (고 4790-38), размер которой не превышает трех листов. Что касается содержания текста и его редакции, то, как мы рассмотрим далее, Чхве Намсон внес существенные изменения в терминологию и описание тех или иных событий, чем исказил исторические факты. В рамках настоящей работы мы, однако, не планируем подробно сравнивать лексические особенности нарратива XVIII и XX вв.

Первая глава «стандарта» – «Рассуждение о четырех типах людей» – повествует о первоначальных причинах социальной дифференциации *садэбу*¹⁰¹ 士大夫 и других сословий. Ли Джунхван обращает внимание читателя на сложность сохранения облика «благородного мужа» и тот факт, что статус чиновника не делает человека априори «благородным мужем».

Часть «Рассуждение о восьми провинциях» делится на две. В первой: описание горных цепей в период Чосон, имеющих начало в горах Куньлунь, а также провинций; присутствует краткая историческая характеристика земель, начиная с правления Тангуна и до возникновения государства Корё, т.к. *садэбу* выделились именно в период Корё; также есть отсылки к другим произведениям. Сразу за Введением следует объяснение, посвященное восьми провинциям. Во второй части: обжитые земли, характеристика экономической ситуации, история

¹⁰¹ *Садэбу* 士大夫 (кит. *шидафу*) - чиновные кланы. *Са* (ши) – чиновник, благородный муж. В корейской истории появление термина относится к XIII-XIV вв., и им была охарактеризована новая социальная группа, состоявшая по большей части из провинциальной аристократии, действовавшей в оппозиции к находящимся у власти «сильным кланам» *квонмун сега* 權門勢家. Позднее *садэбу* стали основой чосонского общества, и в Чосоне термин «садэбу» стал символизировать высокое происхождение. Подробнее см.: *Duncan J.B. The Origins of the Choson Dynasty*. Washington: University of Washington Press, 2014. P. 86-89.

провинции и сведения об известных личностях, с провинцией связанных. Ли Джунхван использует исторические анекдоты, включает в повествование написанные им или иными авторами поэтические произведения. Подобный подход характерен для традиционных географических описаний Дальнего Востока.

Третья глава – «Рассуждение о выборе правильного места» – является основным отличием «Описания...» от аналогичных произведений средневекового периода. Содержание части «О выборе правильного места» соотносится по смыслу со второй половиной части «Рассуждение о восьми провинциях», так как, согласно пояснению Ли Джунхвана, география, плодородность земли, настроения в обществе, ландшафт – все это основа для грамотного расположения дома. Для землевладельцев важно знать и успешность развития сельского хозяйства (продуктивность), и товарооборот. Хотя Пэ Усон риторически замечает: «Другой вопрос, разбирались ли *садэбу*, и Ли Джунхван в том числе, в товарообороте»¹⁰². К местам, где хороши «человеческие помыслы», Ли Джунхван причисляет те, где люди отличаются прямодушием, наивностью, простотой, но затем перечеркивает это утверждение внезапным выводом: для *садэбу* хорошее место то, где нет других *садэбу*, а значит, нет партийной борьбы.

Последняя часть главы называется «Горы и реки», и, в отличие от части «География», здесь Ли Джунхван непосредственно описывает природу родной страны, восхваляя ее и обращая внимание читателя на ее своеобразие. Основное содержание раздела - это горные гряды, речные потоки и связанные с ними исторические события. Можно выделить несколько отдельных тем, волнующих Ли Джунхвана: известные горы *мёнсан* 名山, известные храмы *мёнчхаль* 名刹, поселения *тэын* 都邑, отшельничество *ындун* 隱遁, подводные горы *хэсан* 海山, речные поселения *канго* 江居, поселения у горных ручьев *кего* 溪居 и др. Известными горами названы двенадцать, берущие начало с гор Кымгансан, где

¹⁰² Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (*Тхэнниджи*): сравнительное исследование (*Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон пигёнгу-рыль чунсим-ыро*). Р. 217.

особенно много *покчи* 福地 – «счастливых земель». Также упомянуты известные буддийские храмы в горах; поселения, где комфортно жить; уединенные места, где можно предаваться аскезе; известные места, где людям тяжело жить; острова. От известных гор до отдельных островов – всему дается описание, пояснение критериев, подходящих для выбора места жительства *садэбу*, однако сам по себе раздел «Горы и реки» парадоксален. В нем дается прямое указание на то, что невозможно верно выбрать подходящее для жизни место, опираясь только на характеристику ландшафта.

Заключительная глава «Общие рассуждения» коротко подводит итог всему сочинению. Ли Джунхван сожалеет о том, что с исторической точки зрения в Чосоне никогда не было истинных *садэбу*, критикует фракционную борьбу, высказывает свою позицию по отношению к жизни *садэбу* и делится выводами о мучительном поиске места для жизни. Мы полагаем, что негативная оценка Ли Джунхвана обусловлена состоянием сельского хозяйства; отсутствием необходимых и частых торговых контактов не только с другими странами, но и между отдельными уездами и провинциями; а также господством у власти одной партии «стариков» *норон* 老論, «которое обрекало на бездействие и истощение остальные партии»¹⁰³.

Адресовано произведение было образованным чиновникам-интеллектуалам *садэбу*. Этот вывод мы делаем на основе используемых Ли Джунхваном цитат из «Суждений и бесед» Конфуция, «Мэн-цзы» Мэн-цзы и др. Сохранившийся в некоторых рукописях комментарий, к которому мы обратимся в третьей главе диссертации, – единственное повествование от первого лица во всем произведении – доказывает также, что Ли Джунхван не был ортодоксальным неоконфуцианцем и интересовался буддизмом и даосизмом. Мы считаем, что содержание рукописи также было ориентировано на неортодоксальных конфуцианцев, многие из которых в середине XVIII в. оказались в опале.

¹⁰³ Кюнер Н.В. Корея во второй половине XVIII века (машинопись) // Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН, ф.91 ед.хр.3. №42. Л.7.

Работая с оригинальными списками в архивах и библиотеках Республики Корея, мы обнаружили, что некоторые копии «Описания...», по-видимому, создавались не одним человеком, а группой лиц. Об этом свидетельствует включение в текст одних и тех же глав, но записанных разными почерками и отличных по объему. Отдельные абзацы повторяют сказанное в иных частях сочинения, – это может быть вызвано тем, что они были записаны до того, как копиист познакомился с основным текстом. Известен один из переписчиков «Описания...» - гражданский чиновник Юн Чихый 尹致羲 (1797-1866). В своем дневнике он вспоминает:

«В старой коробке я нашел манускрипт, названный «Трактат о выборе [гаданием] места для жилища» 卜居說 (Поккосоль). Боясь, что потеряю его, я переписал, назвав «Широкое собрание записей» 博綜誌 (Пакчхонджи). <...> Позднее я нашел «Человеческие помыслы» 人心 (Инсим) из «Записей о проживании на Востоке» 東寓誌 (Тонгуджи) и скопировал ее [в «Пакчхонджи»]»¹⁰⁴.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что переписчиков привлекало содержание текста, а отдельные цитаты, абзацы и главы могли быть скопированы в другой список, объединены с аналогичными сочинениями.

Изменение порядка глав связано, вероятно, с интересами копииста. В приложении к настоящей диссертационной работе «Таблице №2» отражены две основные тенденции: 1) «прямой порядок», начинающийся с «Рассуждения о четырех типах людей» и заканчивающийся «Общими рассуждениями»; 2) «обратный порядок», начинающийся с «Рассуждения о выборе подходящего места» и заканчивающийся описаниями восьми провинций Чосона (чаще столичной Кёнгидо). В одной из рукописей («Описание восьми земель Восточного государства») перечисление провинций, наоборот, начинается с Кёнгидо, что, как мы считаем, связано с целями копииста, сосредоточившегося

¹⁰⁴ Yoon Inshil Choe. Early-Period T'aengniji Manuscripts // University of Hawaii Press, Korean Studies, Vol. 37. Hawaii, 2013. P. 240.

только на истории и географическом положении провинций Чосона и, соответственно, начавшего обзор с центрального региона.

Большинство рукописей не включают в себя комментарии Ли Джунхвана или его читателей, также во многих рукописях Ли Джунхван не указан в качестве автора сочинения, не указано имя переписчика, нет дат.

Таким образом, мы считаем справедливым для анализа текста обратиться вслед за корейскими исследователями к «стандарту» Чхве Намсона.

Благодаря сплошному обследованию мы смогли также выявить 20 наименований, под которыми произведение Ли Джунхвана может фигурировать в архивах и библиотеках, упоминаться в литературных сочинениях (Приложение: Таблица №1).

Как утверждает Пэ Усон, заглавие «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) дал сочинению двоюродный дед Ли Джунхвана, один из выдающихся ученых XVIII в. Ли Ик 李灝 (1681-1763) в 1752 г¹⁰⁵. Первые читатели рукописи, Мок Сонгван 隋聖觀 (1691-?) и Мок Хвегён 隋會敬 (1698-?) называли его так же. С другой стороны, в 1753 г. другие комментаторы – Чон Оню 鄭彦儒 (1687-1764) и Ли Бонхван 李鳳煥 (1685-1754?) – использовали название «Места восьми земель, подходящие для жизни» 八域可居處 (*Пхарёк кагочхо*), и мы предполагаем, что именно так была озаглавлена рукопись, направленная им автором. Большинство обнаруженных рукописей, в том числе подписанных «Ли Джунхван», названы «Описание избранных деревень», поэтому это название в настоящее время принято в качестве «официального». Мы полагаем, что отказ от первоначального «Места восьми земель...» был вызван прямолинейной простотой, акцентирующй именно географический аспект. Как пишет Хон Исон, «название связано с географией определенных селений, но на самом деле цель Ли Джунхвана не состояла в том, чтобы представлять географию идеальных мест для жизни»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг (*Токсо-ва чисик-ый пхунгён*). Р. 180.

¹⁰⁶ Hong I-Söp. Yi Chung-hwan's Geographical Thought in T'aengniji // Korea Journal, Vol.14, No.3, March 1974. P. 41.

Заглавие «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) состоит из трех иероглифов: «выбирать» 擇 (*тхэк*); «деревня», «родной край» 里 (*ли*); «описание» 志 (*чи*). Его перевод варьируется от близких к оригиналу («Book for Choosing Settlements»¹⁰⁷) до более вольного («The Ecological Guide to Chosŏn Korea»¹⁰⁸, «Geographical Record of the Eight Provinces»¹⁰⁹). Некоторые ученые название не переводят¹¹⁰.

В настоящей работе нами принят перевод, предложенный Л.Р. Концевичем в его курсе «Источниковедение», прочитанном в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (ИВКА РГГУ) в 2012 г.¹¹¹, – «Описание избранных деревень».

Заключение

В первой главе, открывющей наше исследование, было рассмотрено значение историко-географических трудов в культуре Китая и Кореи, отдельное внимание было обращено на изменения пространственных представлений в XVII в. в Китае и Корее. В частности, спор о горе Пэктусан / Чанбайшань. Опираясь на дошедшие до наших дней корейские географические карты, мы сделали вывод об отражении в них пространственных представлений средневековых интеллектуалов.

Рассмотрены цели создания географических сочинений и их классификация. Сделан вывод о сохранении традиций китайских географических сочинений в аналогичных корейских трудах.

Во второй части главы представлен непосредственно изучаемый нами источник – историко-географический литературный памятник «Описание

¹⁰⁷ Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements. Sydney: Wild Peony Pty, 1998. Preface.

¹⁰⁸ The Institutional Basis of Civil Governance in the Chosŏn Dynasty. Compiled and translated by Duncan John B., Lee Jung Chul, Lee Jeong-il, Ahn Michael, Davey Jack A. The Academy of Korean Studies, 2009. P. 140.

¹⁰⁹ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era. P. 251.

¹¹⁰ Yoon Hong-key. The culture of fengshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. P. 108.

¹¹¹ На сайте Российской ассоциации университетского корееведения (РАУК) выложена программа прочитанного Л.Р. Концевичем курса, где предложены переводы упомянутым в курсе корейским источникам: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_jdownloads&Itemid=4&view=viewdownload&catid=6&cid=3874&lang=ru

избранных деревень». Охарактеризована проведенная работа со списками источника в архивах Республики Корея; сделан вывод о возможности опираться на первую публикацию «Описания...» при изучении текста, так как она действительно является некой «усредненной» версией существующих списков. Предложен краткий пересказ содержания произведения (по главам). Высказано предварительное предположение о том, что адресовано сочинение было широкому кругу интеллектуалов, принадлежащих к неортодоксальным неоконфуцианским чиновникам, многие из которых в XVIII в. оказались в опале и не могли реализовать себя на службе. Также поднят вопрос о заглавии произведения и причинах изменения текста в сохранившихся списках.

ГЛАВА 2.

«ОПИСАНИЕ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ»: ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В XVIII-XX ВВ.

«Начинать – всегда трудно.

Начинать с нуля – еще трудней»

Питер Ли (1929-), пионер корееведения на Западе¹¹².

Историю знакомства ученых с сочинением Ли Джунхвана можно условно разделить на три периода: поверхностное упоминание о существовании текста, цитирование отдельных частей в научных работах, изучение истории создания и особенностей самого литературного памятника. В Корее первые упоминания «Описания избранных деревень» относятся уже ко второй половине XVIII в., в Европе – к концу XIX в.

Так можно выделить хронологические рамки для указанных периодов. Первый период, как мы полагаем, условно длился с XVIII в. / XIX в. до начала XX в. В Корее он развивался самостоятельно, в европейских странах – через корейские и японские труды. Второй период: в Корее – 1963-1995 гг.; в Европе, США и России – с середины XX в. по наши дни. Третий период изучения, то есть работа с историей самого текста и его внешним и внутренним смыслами, в настоящее время происходит, в основном, в Республике Корея, и также выполняется южнокорейскими учеными, проживающими в других странах. Некоторые исследования проходят и в Японии: в 2006 г. был опубликован современный перевод «Описания...» на японский язык, осуществленный Макото

¹¹² Pioneers of Korean Studies. Seoul, 2004. Р. 483. На русский язык переведено: Питер Ли: Предвидение будущего корейской литературы в глобальном конспекте – пер. на рус.яз. Чеснокова Н. // Изучение Кореи на Западе: От первого лица. Сборник интервью и эссе. Пер. с английского. под научн. ред. Симбирцевой Т.М. М.: Издательство РГГУ, 2011. С. 5.

Хираки¹¹³, – однако в мировом корееведении результаты этих исследований практически не упоминаются, и изучение «Описания...» происходит только на самих островах. Степень изученности произведения в Китае и Японии – тема для отдельного исследования, которое требует непосредственного знакомства с архивами этих стран, в настоящий момент невозможное.

Предложенное нами деление на периоды условно и призвано упорядочить известные нам на настоящий момент наиболее крупные труды, посвященные «Описанию...».

Основная трудность, с которой столкнулись первые исследователи «Описания...» в России, Европе и США, – это отсутствие теоретической базы, на которую можно было опереться. Лишь в последние несколько десятилетий корееведческая лаборатория обогатилась различными справочными материалами, статьями, монографиями, междисциплинарными трудами; получила доступ к корейским архивам и средневековым рукописям, которые позволяют под иным углом взглянуть на сочинение Ли Джунхвана и его время. Однако наличие новых материалов и исследований не означает упрощение работы. Напротив, именно сейчас стала видна многомерность текста, возможность его изучения с исторической, географической, культурологической, лингвистической точек зрения.

Занимаясь историографическим исследованием «Описания...», мы прибегали к помощи отечественных и зарубежных изданий (написанных как на английском и немецком, так и на корейском, японском языках). С некоторыми из них мы познакомились в рамках исследовательской работы в России, с другими – во время научной работы в библиотеках университетов Южной Кореи (Сеул) и Германии (Бонн), с третьими – благодаря наличию их отсканированных версий в Интернет-архивах, упоминанию в электронных библиографических списках библиотек или чьем-либо частном владении.

¹¹³ Хираки Макото (*Hiraki Makoto*). Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*): географическое сочинение периода Чосон (*Чосон* 抨里志 近世朝鮮の地理書 / *Takurishi* : kinsei Chōsen no chirisho). Токио: Heibonsha, 2006.

Настоящая глава является нашей попыткой систематизации известной информации для определения места произведения и посвященных ему работ в мировом корееведении. Процесс исследования мы начинали с отдельных упоминаний памятника в российских трудах второй половины XX в., затем обратились к корейским трудам, и, в конце концов, - к европейским исследованиям, косвенно затронув также изучение «Описания...» в Японии.

После анализа полученных нами данных, нам кажется возможным выделить два основных направления изучения «Описания...» в мире в настоящий момент. Это, с одной стороны, корейская традиция, которая рассматривает произведение как источник сведений о культурной и экономической географии полуострова, а также как важную книгу о геомантии, корейской теории *пхунсу чири*. Американские и европейские исследователи, напротив, видят основную ценность «Описания...» в сохранении исторических фактов, позволяющих пролить свет на исторические события, социальную структуру, экономику и систему управления в период Чосон. Геомантия в «Описании...» исследователей из Европы и США привлекает значительно реже. В российском корееведении «Описание...» до настоящего времени не становилось отдельным объектом изучения.

На основании популярности «Описания...» в определенные периоды времени (начало японской колонизации полуострова и образовательная националистическая политика президента Пак Чонхи) нам представляется возможным объединить обе традиции. На наш взгляд, культурологическое изучение «Описания...» может помочь выявить в тексте «символы» идентичности корейского народа, истоки которых лежат в истории, географии, культуре страны.

Для определения актуальности нашего исследования и объема уже известных сведений, обратимся к существующим исследованиям, следуя указанной нами в начале главы периодизации.

2.1. Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в Корее

2.1.1. Первый период: распространение и цитирование «Описания избранных деревень» в XVIII - начале XX вв.

С момента своего создания в XVIII в. и до начала XX в. «Описание...» распространялось благодаря анонимным копиистам с некоторыми изменениями в организации текста и содержании. Так, например, Инсиль Юн (Чхве) отмечает, что во многих текстах начала XIX в. появилась история о Пак Суне 朴淳 из Хамхына, которой нет в более ранних манускриптах¹¹⁴.

Кроме того, Инсиль Юн (Чхве) предполагает, что содержание отдельных частей «Описания...» использовалось в других средневековых сочинениях, среди которых «Дополненное “Лесоводство”¹¹⁵» 增補山林經濟 (*Чунбо саллим кёндже*) Ю Чуннима 柳重臨 (1705-1771) и «Очерк о лесоводстве» 林園經濟志 (*Имвон кёнджеджи*), также известном как «Шестнадцать записей о лесоводстве» 林園十六志 (*Имвон симнюкчи*) сирхакиста Со Югу 徐有榘 (1764-1845)¹¹⁶.

Пэ Усон также находит следы «Описания...» в произведении «Классификация десяти тысяч вещей [природы]» 萬物類聚 (*Манмуль ючхи*) мыслителя Ан Джонбока 安鼎福 (1712-1791)¹¹⁷. «Описание...» читал и выдающийся ученый Чон Ягён 丁若鏞 (Тасан 茶山, 1762-1836), и свидетельством этого является его комментарий к одной из рукописей¹¹⁸.

Вместе с тем данный период не предполагал изучение «Описания...» как отдельного литературного памятника. Если комментарий Чон Ягёна напоминает рецензию на рукопись, то фрагменты «Описания...» в произведениях Ан Джонбока, Со Югу, Ю Чуннима – это цитирование текста Ли Джунхвана в своих

¹¹⁴ *Yoon Inshil Choe. Early-Period T'aengniji Manuscripts.* P. 225

¹¹⁵ По-видимому, имеется в виду произведение «Лесоводство» 山林經濟 (*Саллим кёндже*), составленное в 1715 г. сирхакистом Хон Мансоном 洪萬選 (1643-1715). В специальных разделах речь идет о земледелии, огородничестве, садоводстве, цветоводстве, скотоводстве, фармакопее, диете, скорой помощи, избавлении от вредных насекомых. Подробнее см. Воробьев М.В. Указ. соч. С. 139.

¹¹⁶ *Yoon Inshil Choe. Early-Period T'aengniji Manuscripts.* P. 226.

¹¹⁷ Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг. Р. 181.

¹¹⁸ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*). / пер. на кор. Ли Иксон. Р. 234.

собственных трудах. Однако вместе с тем ни его имя, ни точное название рукописи не были известны широкому кругу читателей, и распространение содержания «Описания...» происходило путем прямого заимствования.

В конце XIX в. «Описание избранных деревень» вышло за пределы страны. В 1881 г., на 14-м году правления императора Мэйдзи, оно под названием «Описание восьми земель [государства] Чосон» 朝鮮八域誌 (*Chosen hachikishi* (кор. Чосон пхарёкчи)) было впервые опубликовано на иностранном языке (японском). Переводчиком стал врач-дипломат **Кондо Масуки** 近藤真鋤 (1840-1892¹¹⁹)¹²⁰, отправившийся в 1870 г. в составе дипломатического посольства¹²¹ на службу в Корею (г. Пусан) 釜山領事. В 1887 г. он занял третий по рангу чин в дипмиссии Японии в Корее, что соответствовало должности поверенного в делах 代理公使¹²². Точная дата перевода «Описания...» неизвестна. На сайте Национального института японской литературы автором рукописи, которую перевел Кондо Масуки, указан «Чхонхва санин» 青華山人¹²³ – один из псевдонимов Ли Джунхвана.

Начало периода правления императора Мэйдзи 明治天皇 (1852-1912, прав. 1868-1912) – постепенный переход Японии в эпоху модернизации, знакомство с иными странами: их историей, культурой, достижениями. Корея же в 1870-е гг. все еще была под сильным конфуцианским влиянием, и с 1868 г., с наступлением эпохи Мэйдзи, между двумя странами стала нарастать напряженность. Одна из причин крылась в системе средневековых отношений между Кореей и Японией, которые назывались *кёрин* 交隣 – «отношения между соседями». Они были

¹¹⁹ В библиографическом каталоге The Asami Library (ссылка ниже) даты жизни указаны как 1840-1872, это неверно.

¹²⁰ *Fang Chaoying. The Asami Library: A Descriptive Catalogue.* – ed. by Huff Elizabeth. California: University of California Press, 1969. P. 177-178.

¹²¹ Традиционно в японском дипломатической миссии «Японском доме» могли быть глава миссии, дипломат-юрист, несколько торговцев, врач, переводчики, секретари и ремесленники. Подробнее см. *Deuchler M. Confucian gentlemen and barbarian envoys: The Opening of Korea (1875-1885)*. Seattle, London: University of Washington Press (published for the Royal Asiatic Society Korea Branch), 1983 (переизд. 1977). P. 4.

¹²² Статья о Кондо Масуки в электронном японском словаре [Электронный ресурс]

URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%BF%91%E8%97%A4%E7%9C%9F%E9%8B%A4-1076377> (дата обращения 22.08.2015).

¹²³ Сайт Национального института японской литературы. [Электронный ресурс] URL: <http://base1.nijl.ac.jp> (Дата обращения: 22.08.2015)

оформлены как даннические, и «старшей» в них выступала корейская сторона¹²⁴. У японской же политической элиты, как пишет отечественный японовед А.Н. Мещеряков, с VIII в. «сформировалось стойкое убеждение, что Корея должна принадлежать Японии»¹²⁵.

В мае 1868 г. японские власти захотели пересмотреть свое «подчиненное» положение в отношениях с Кореей, но «Великий князь» Хынсон-тэвонгун 興宣大院君 (Ли Хаын 李是應 1820-1898, прав. 1863-1873), регент при малолетнем ване Коджоне 高宗 (1852-1919, прав. 1863-1897, имп. 1897-1907), отказался даже встретиться с дипломатами на том основании, что документы были оформлены не по надлежащему образцу¹²⁶. За период 1868-1872 гг. Япония посыпала четыре миссии, но тэвонгун не принял ни одну, чем вызвал раздражение японской элиты, некоторые представители которой требовали немедленно перейти к «вооруженной дипломатии»¹²⁷. С 1873 г. многие японские дипломаты выдвигали идею о «завоевании Кореи» *сейканрон* 征韓論, преследуя ряд целей, среди которых были установление дипломатических отношений по новому образцу, стабилизация обстановки в Японии (объединение самураев ради общей цели, единого врага, предупреждение их возможной атаки против государства), «сплочение нации» (и формирование ее на основе военных действий), превращение Кореи в источник рабочей силы, минеральных ресурсов и зерна¹²⁸. В 1873 г. война не началась лишь по той причине, что Япония на тот момент не могла гарантировать себе победу, но это не означало, что страна отказалась от идеи подчинить себе Корейский полуостров.

Перевод «Описания...» на японский язык, а затем и публикацию его в Японии в 1881 г. можно рассмотреть в нескольких аспектах. Во-первых, как способ ближе познакомиться с Кореей и ее географическими особенностями, знать которые требуется как для ведения военных действий, так и для

¹²⁴ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 74.

¹²⁵ Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. (Серия «Восточная коллекция»). С. 293.

¹²⁶ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 77.

¹²⁷ Deuchler M. Confucian gentlemen and barbarian envoys: The Opening of Korea (1875-1885). Р. 6.

¹²⁸ Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. С. 294-295.

осуществления торговых контактов. Во-вторых, для изучения корейской истории, на основе которой японское правительство могло проводить международную политику. Вплоть до 1876 г., когда между Кореей и Японией был подписан Канхваский договор, – первый дипломатический договор в корейской истории, – японцы видели Корею через открытые портовые города, преимущественно через г. Пусан, где находился «Японский дом». «Описание...», завершенное чуть более века ранее, позволяло выделить основные географические, исторические и культурные особенности страны.

Японское правительство проявляло большой интерес к корейской литературе как в доколониальный период, так и в течение него. А.А. Гурьева отмечает, что первые комментарии к корейским памятникам появились в период после объявления протектората в 1905 г.¹²⁹. «Описание избранных деревень» / «Описание восьми земель [государства] Чосон» не было откомментировано, но существование его опубликованного перевода уже в 1881 г. свидетельствует о значимости, которую видели в книге японцы. К этому времени Кондо Масуки был еще жив, однако причина, побудившая его выбрать для перевода именно данное сочинение, осталась неизвестна. Хон Испол утверждает, что перевод Кондо Масуки – «небольшая книжечка в 50 страниц» – использовалась для сбора информации о стране перед ее колонизацией, поэтому упор в содержании делался на вопросах перевозки, экономике (производство и торговле), обычаях в провинциях и истории¹³⁰.

Большую роль в изучении «Описания...» сыграл и другой японец – профессор геологии **Кото Бундзиро** 小藤 文次郎 (1856-1935). В 1903 г. он опубликовал свое англоязычное исследование «Очерки рельефа Кореи» (*An Orographic Sketch of Korea*)¹³¹, ставшее популярным в странах Европы.

¹²⁹ Гурьева А.А. Книга как часть культуры Кореи в колониальный период (1910-1945). С. 236.

¹³⁰ Hong I-Sōp. Op.cit. P. 44.

¹³¹ Koto B. An Orographic Sketch of Korea // Journal of the College of Science. Tokyo: Imperial University, Vol. XIX., Article 1, 1903. P. 1-86.

Научная статья, в которой подробно описывались горные массивы и плоскогорья Кореи – «Италии Восточной Азии»¹³², как называл ее ученый, – опиралась на полевое исследование, проведенное Кото в 1900-1901 гг., а также 1901-1902 гг., общей сложностью в четырнадцать месяцев, а также на немецкие и русские научные труды конца XIX в. Упоминалось в статье и «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) как «Описание восьми земель [государства] Чосон» (*Чосон пхарёкчи*) *Chyo-syön-phal-yök-chi* 朝鮮八域誌¹³³. Судя по всему, Кото использовал перевод Кондо Масуки в своей работе, хотя ссылок на данное издание нет.

Кото высоко оценивал научную значимость содержания «Описания...»: «Век назад в Корее был хороший географ, так же как много их было в Китае в прежние дни»¹³⁴ и «Об этом [едином горном хребте, проходящем через Лядунский полуостров – Н.Ч.] век назад заявил корейский географ, и теперь его слова подтверждены [экспедицией] доктора Шолнохи [Dr. Eugen von Cholnoky]»¹³⁵.

Кото процитировал «Описание...» и при упоминании цепи значительных горных кряжей и вершин, называя их *the Korean Range*¹³⁶. Ныне этот термин по-корейски звучит как *Пэкту тэган* 白頭大幹 – «Большой Пэктусанский ствол», который начинается со священной для корейцев горы Пэктусан и затем, проходя через все провинции полуострова и участвуя в формировании их естественных границ, оканчивается на юге горой Чирисан, самой высокой, после Пэктусана, горой материковой части Кореи. Однако Кото был убежден, что в Корее не одна горная система, а две. Более того, весь полуостров возможно поделить на «северную» и «южную» части не только по географическому признаку, но и согласно истории развития расположенных на нем государств, характеру жителей,

¹³² Ibid. P. 1.

¹³³ Ibid. P. 6.

¹³⁴ Ibid. P. 5-6.

¹³⁵ “This has been asserted a century before by a Korean geographer whose statement is now reaffirmed by Dr. E. v. Cholnoky”. Ibid. P. 39. В сносках упоминается, что «корейский географ» – это Ли Джунхван (*I-Chyung-hoan* 李重煥).

¹³⁶ Ibid. P. 6-7.

культурным особенностям селений¹³⁷. Стремление Кото «разделить» Корею до сих пор неоднозначно воспринимается современными корейскими исследователями, которые видят в этом следы политической ангажированности ученого¹³⁸.

Любопытно, что на с.51, рассуждая в Заключении о горе Пэктусан, Кото привел в сносках цитату, похожую на аналогичную из «Описания...», не указывая на само произведение: «... та самая гора, которая в «Каталоге гор и морей» 山海經 (*Шань хай цзин*) называется Pan-hien-chan”, - тут, вероятно, ошибка в написании», добавил он после¹³⁹. Ранее, на с.6 он уже использовал данную цитату, но с верным написанием горы в «Шань хай цзин» (*Pul-ham-san*, 不咸山). Таким образом, можно предположить, что в некотором произведении есть либо похожая фраза, либо прямое заимствование из «Описания...» с ошибкой. В сноске Кото указал сочинение архимандрита Палладия (1817-1878) «Экспедиция через Монголию» (*Expedition through Mongolia*, 1872)¹⁴⁰ в переводе Эдварда Делмара Моргана, но в данной статье нам не удалось найти указанную цитату. Обнаружение источника цитаты требует дальнейшего изучения, выходящего за рамки нашей диссертации.

Важной вехой в истории «Описания...» стала публикация рукописи «Обществом блестящей литературы Кореи» 朝鮮光文會 (*Чосон Кванмунхве*) в 1912 г. Общество было основано молодым литератором Чхве Намсоном 崔南善 (1890-1957) в 1910 г., в год превращения Кореи в японскую колонию. Согласно Уставу, «Целью данного Общества является сбор, переиздание и издание

¹³⁷ Ibid. P. 7-14.

¹³⁸ Подробнее см. Sohn Heejeong. Pre-colonial Construction of “Landscape” or “Geo-body” of Korea: A Comparative Study on the American Protestant Mission and the Japanese Cartographic Project // The Association for Korean Studies in Europe. Prague, 2017. P. 123.

¹³⁹ “... in the Chan-hai-king (山海經), or book treating of seas and mountains, it is called Pan-hien-chan” (This seems to be misspelled). Ibid. P. 51

¹⁴⁰ Archimandrite Palladius. Expedition through Mongolia. – trans. by Delmar Morgan // Proceedings R.G.S. (Royal Geographic Society), 1872. Автор благодарит члена Королевского географического общества проф. Роберта Винстэнли-Честерса (Dr. Robert Winstanley-Chesters) за предоставление возможности ознакомиться с данной статьей.

наиболее значительных <...> из сохранившихся памятников Кореи, а также распространение наиболее ценных произведений»¹⁴¹.

Необходимо отметить, что в колониальный период в Корее возросло внимание к книге как к хранилищу письменного слова, родного языка, информации о стране, ее культуре и «вечных ценностях». Происходило начало формирования крупных коллекций книг, включавших как новые издания, так и письменные памятники более раннего времени. Ученых интересовали все возможные рукописи: сборники документов, художественная литература, песенные сборники, религиозная литература, научные трактаты. Одна из самых больших коллекций, принадлежащая частному лицу, - это собрание ученого-литератора Чо Юндже 趙潤濟 (1904-1976), насчитывавшее 3594 старые книги¹⁴².

Просветителей в аннексированной стране волновала проблема сохранения нации, а потому ими был выдвинут лозунг за сохранение национальной культуры, призывающий заниматься языком и знать родную историю¹⁴³. Сохранение и распространение письменного наследия было одним из способов решения этих задач. Помимо «Общества блестящей литературы Кореи», публикацией занимались также издательства, среди которых «Издательство книг во всему Востоку» 匯東書館 (*Хведон согван*, 1908-1937) и «Новое литературное издательство» 新文館 (*Синмунгван*, 1907-1922). Примечательно, что «Новое литературное издательство» и «Общество блестящей литературы Кореи» оба были организованы Чхве Намсоном и располагались в одном и том же месте, имея сходные задачи и функции. За годы существования данных издательств было выпущено свыше 60 произведений популярной традиционной прозы, а также были опубликованы шесть различных журналов.

¹⁴¹ Ли Джуюн. О серии «Юкчон сосоль» издательства Синмунгван (*Синмунгван канхэн Юкчон сосоль ёнгу*) // Исследование классической литературы (*Коджон мунхак ёнгу*). Вып. 11. Общество исследователей Корейской традиционной литературы. Сеул, 1996. Р. 428.

¹⁴² Гурьева А.А. Книга как часть культуры Кореи в колониальный период (1910-1945). С. 231-232.

¹⁴³ Там же. С. 234.

Корейские просветители, осуществляя отбор произведений для публикации, в первую очередь руководствовались качеством и популярностью текста и обращали внимание на «идеологическую ценность».

«Описание избранных деревень» было первым географическим сочинением, опубликованным «Обществом блестящей литературы Кореи»¹⁴⁴. Всего Чхве Намсон запланировал для публикации 22 географических сочинения¹⁴⁵. Среди них «Описание географии Восточного государства» 東國地理志 (*Тонгук чириджи*, 1615) Хан Бэkkёма 韓百謙 (1552-1615), «Описание Севера» 北漢志 (*Пукханджи*, 1715) монаха Соннына 聖能, сборник «Заметки о Восточной столице» 東京雜記 (*Тонгён чапки*¹⁴⁶) Мин Джумёна 閔周冕 (1629-1670), «Сокращенные записи о Северной границе» 北塞記略 (*Пуксэ гиряк*) Хон Янхо 洪良浩 (1724-1802), «Исследование территории нашего государства» 我邦疆域考 (*Абан канёкко*) Чон Ягёна 丁若鏞.

Как видно, все произведения были написаны в разное время разными авторами и повествовали о разных частях Корейского полуострова. Также обращает на себя внимание, что все они написаны после Имджинской войны 壬辰倭亂 (1592-1598).

Вторая половина периода Чосон – это постепенный рост интереса к собственной корейской, отличной от китайской, истории и культуре. Поэтому неудивительно, что произведения именно этого периода заинтересовали просветителей «Общества...». Выбор «Описания избранных деревень» для публикации – свидетельство важности текста для сохранения и передачи национальной культуры.

Однако на данном этапе в Корее не происходило отдельное изучение этого произведения, хотя оно неоднократно издавалось. Например, в 1923-1924 гг. «Описание...» было опубликовано Книжным обществом «Приют любителей

¹⁴⁴ Син Гёнджун. Описание гор (*Сангёнпхё*) / пер. на кор.яз. Пак Ёнсо. Сеул, Чопхан инсве, 1990. Р. 16.

¹⁴⁵ Пэк Сунджэ. Корейская библиография периода реформации (*Кэхваги-ый хангук соджи*). Сеул, Тонбанхакчи, Вып.11, Ёнседэ тонбанхак ёнгусо, 1970. Р. 687.

¹⁴⁶ Имеется в виду г. Кёнджу.

словесности» 友文館書會 (Умунгван сохве) под названием «Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон» 朝鮮八道秘密地誌 (Чосон пхальдо пимиль чиджси)¹⁴⁷. Произведение было написано смешанным письмом и разделено на главы.

Таким образом, можно сделать вывод, что в первый период изучения «Описания...» в Корее в XVIII – начало XX в. как такового изучения не происходило. Рукопись распространялась вначале путем частичного заимствования, цитирования, позднее была опубликована в 1912 г. просветительским обществом.

С другой стороны, «Описание...» в этот период заинтересовало японскую интеллектуальную элиту. Это было связано с «открытием» страны и, вероятно, с подготовкой военного вторжения.

Единственное *научное* исследование того периода, в котором фигурировало «Описание...» – это опубликованная в Токио англоязычная статья японца Кото Бундзиро, который опирался на изложенные в произведении географические факты для доказательства своей теории, подтверждая, однако, что Ли Джунхван был знатоком географии родной страны и его сочинение имеет научную ценность. Также Кото впервые ввел в научный оборот понятие *the Korean Range*, позднее известное как *Пэкту тэган* и являющееся одним из основных элементов корейского этнического самосознания. Как мы увидим позднее, статья Кото оказала влияние на европейские исследования «Описания...», однако в самой Корее она не стала популярной, что, вероятно, было связано с тем, что Кото утверждал «неоднородность» корейской земли и корейского народа.

¹⁴⁷ Ли Джунхван. Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон 朝鮮八道秘密地誌 (Чосон пхальдо пимиль чиджси). Сеул, Умунгван сохве 友文館書會, 1924.

2.1.2. Второй период: изучение и распространение «Описания избранных деревень» в 1970-1990-х гг. в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике

После Корейской войны 1950-1953 гг. на Корейском полуострове были сформированы два разных государства: находящаяся на севере полуострова и протягивающаяся до 38-й параллели Корейская Народно-Демократическая Республика и расположенная южнее 38-й параллели Республика Корея.

Рассмотрим, как в обоих этих государствах происходило изучение и распространение «Описание...» в указанный период, начиная с Республики Корея.

2.1.2.1. Изучение «Описания избранных деревень» в Республике Корея в 1963-1995 гг.

В 1963 г. в Республике Корее к власти пришел президент Пак Чонхи (1963-1979), утверждая политику, направленную на идеи государства и нации. Позднее он закрепил свои цели в провозглашенной 5 декабря 1968 г. «Хартии народного образования» 國民教育憲章. Документ изобиловал такими выражениями как «дух первооткрывательства», «дух сотрудничества», «гражданский дух», «возрождение нации», «антикоммунистический демократический дух», «разделенное со всем человечеством процветание», «общественная польза и порядок», «будущее объединенного Отечества», «развитие возможностей»¹⁴⁸.

Именно в правление президента Пак Чонхи в Республике Корея начинается научное изучение «Описания...», что подтверждают первые статьи «Корейского географического общества» 大漢地理學會, существующего с 1945 г. и выпустившего в 1963 г. первый сборник, в который вошли восемь отдельных научных исследований. Два из них были посвящены «Описанию...»: «Введение в исследование “Описания избранных деревень (Тхэнниджи)”» 指里志研究序說 Co

¹⁴⁸ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.2: Двадцатый век / Корея: 1905-1945 гг. (Тихонов В.М.); Южная Корея: 1945-1992 гг. (Кан Мангиль) / Ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Симбирцевой Т.М.; Под общ. ред., примеч. Тихонова В.М. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41). М.: Наталис, 2011. С. 383.

Суина¹⁴⁹ и «Разъяснение о землях, подходящих для жизни, в “Описании восьми земель” (*Пхарёкчи*)» 八域誌可居地解說 Но Дояна¹⁵⁰. Обе статьи, предлагая краткий (в несколько абзацев) пересказ текста, рассматривали произведение с разных сторон: Со Суин высказывал свою точку о зрения о месте «Описания...» среди других географических сочинений, Но Доян классифицировал упомянутые в «Описании...» земли по их «функциям»: подходящие для жизни, для отшельничества, для укрытия во время войн, для временного уединения и др. Оба исследователя также знакомили читателя с краткой биографией Ли Джунхвана (а именно: примерные годы жизни, обстоятельства ссылки). Известные на тот момент сведения не позволили обоим авторам определить время создания «Описания...» кроме того, что оно было завершено в период ссылки Ли Джунхвана.

В 1970-ые гг. заметен резкий рост научного интереса к «Описанию...», что подтверждают многочисленные переводы произведения на современный корейский язык. Первый из них был сделан Но Дояном в 1969 г. (переизд. 1972, переизд. 1977). Вслед за ним вскоре свой перевод предложили и другие исследователи: Ли Иксон (1971), Ли Ёнхэк (1975), Чон Ёнхак (1975) (см. Таблицу №3 в Приложении). Также в это время была опубликована первая диссертация, посвященная «Описанию...». Ее автором был Пак Ёнхан 朴英漢, а называлась она «Идеи о географии Ли Джунхвана, корейского культурного географа XVIII в.» (1977)¹⁵¹ и можно говорить о том, что произведение, наконец, стало полноценным объектом научного изучения.

В чем же причина внезапно пробудившегося интереса к «Описанию избранных деревень» у южнокорейских ученых середины XX в.? По мнению Чин Джонхона, «ландшафт и его отражение в культуре сыграли отчетливую

¹⁴⁹ Со Суин. Введение в исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) 指里志研究序說 (*Тхэнниджи ёнгу сосоль*). Р. 83-90.

¹⁵⁰ Но Доян. Разъяснение о подходящих для жизни землях в «Описании восьми земель» (*Пхарёкчи*) 八域誌可居地解說 (*Пхарёкчи кагоджси хэсолль*). Р. 91-96.

¹⁵¹ Пак Ёнхан 朴英漢. Geographical Thoughts of Yi Chung-hwan, Korean Human Geographer in the Eighteenth Century [Электронный ресурс] URL: <https://www.mysciencework.com/publication/show/6000425/geographical-thoughts-of-yi-chung-hwan-korean-human-geographer-in-the-eighteenth-century> (Дата обращения: 01.08.2015).

интегрирующую роль в формировании коллективной идентичности корейского народа, переработали и трансформировали его средневековое культурное сознание в представления, свойственные современной нации»¹⁵².

«Описание...», содержащее ценные сведения об истории, географии и Кореи, ее выдающихся деятелях и фольклоре, соответствовало, как нам кажется, направлениям новой политики. Несмотря на то, что с понятием «нация» Корея познакомилась лишь в начале XX в.¹⁵³, в «Описании...» присутствует «предчувствие нации»: Ли Джунхван акцентировал внимание читателя на том общем в государстве, что стоит выше политики и придворной борьбы и имеет силу даже спустя прошедшие века.

В 1976 г. Но Доян и Чан Боун вновь закрепили за «Описанием...» характеристику сочинения по культурной географии, данную произведению в 1912 г. Чхве Намсоном¹⁵⁴.

Помимо новых переводов на современный корейский язык и первых научных исследований, продолжалось и распространение текста «Описания...». Кроме публикации Чхве Намсона, существовала иная версия, записанная смешанным шрифтом и опубликованная Книжным обществом «Приют любителей словесности» в 1923-1924 гг.

В 1978 г. версия «Приюта...» была переиздана издательством «Общества по продвижению (распространению) культуры» 成進文化社 (*Сонджин мунхваса*) также под названием «Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон» 朝鮮八道秘密地誌 (*Чосон пхальдо пимиль чиджси*)¹⁵⁵. Помимо вступительного слова, данная версия состояла из 22 глав и заключения.

¹⁵² Jin Jong-Heon. The Role of Symbolic Landscape in the Construction of National Identity in Modern Korea. University of California at Los Angeles. x, 249 p. DAI 66, no.2 (Aug. 2005): 709-A; UMI 3164274. Автор благодарит американского библиографа Ф. Шульмана (Prof. Frank Joseph Shulman) за предоставленные сведения о данной диссертации.

¹⁵³ Guex S Overcoming the Frame of National History in South Korea // History at Stake in East Asia / ed. by Caroli Rosa and Souyri Pierre-Francois. Venezia, Cafoscariна, 2012. P. 132

¹⁵⁴ Но Доян, Чан Боун. Историческая и культурная география 歷史-文化地理學 (*Ёкса-мунхва чирихак*) // География (Чирихак). Сеул, вып.11, т.1, 1976 г. Р. 37.

¹⁵⁵ Ли Джунхван. Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон 朝鮮八道秘密地誌 (*Чосон пхальдо пимиль чиджси*). Сеул: Сонджин мунхваса, 成進文化社, 1978. В настоящее время некоторые экземпляры этой редкой книги хранятся в публичных библиотеках, в частности, в библиотеке университета Корё,

Основное сохраненное содержание книги – география. Тексту предшествовала приложенная карта Корейского полуострова и схематичное изображение *Пэкту тэган*. Исследования, посвященные данной версии «Описания...» как вторичной, на настоящий момент не проводились. Хотя, несомненно, издание может служить в качестве источника для изучения корейского языка середины XX в. и его особенностей, а также восприятия истории в тот период времени.

Сравнив текст «Секретных географических описаний...» с публикацией «Описания избранных деревень» (1912), мы обнаружили ряд интересных закономерностей. В первую очередь, обратимся к структуре текста: при близком рассмотрении главы «Секретных географических описаний...» преимущественно совпадают с главами «Описания...», что наглядно иллюстрирует таблица ниже:

«Описание избранных деревень» 1912 г.	«Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон» 1978 г. (переизд. 1923-1924 гг.)
---	Введение
«Рассуждение о четырех типах людей» 四民總論 (Самин чхоннон)	---
«Рассуждение о восьми провинциях» 八道總論 (Пхальдо чхоннон)	«Общие рассуждения» 總論 (Чхоннон)
«Провинция Пхёнан» 平安道 (Пхёнандо)	«Провинция Пхёнан» 平安道 (Пхёнандо)
«Провинция Хамгён» 咸鏡道 (Хамгёндо)	«Провинция Хамгён» 咸鏡道 (Хамгёндо), но есть указание, что текст не полон 下畧
«Провинция Хванхэ» 黃海道 (Хванхэдо)	«Провинция Хванхэ» 黃海道 (Хванхэдо)
«Провинция Канвон» 江原道 (Канвондо)	«Провинция Канвон» 江原道 (Канвондо)
«Провинция Кёнсан» 慶尙道 (Кёнсандо)	«Провинция Кёнсан» 慶尙道 (Кёнсандо)
«Провинция Чолла» 全羅道 (Чолладо)	«Провинция Чолла» 全羅道 (Чолладо)
«Провинция Чхунчхон» 忠淸道 (Чхунчхондо)	«Провинция Чхунчхон» 忠淸道 (Чхунчхондо)

где в августе 2013 г. нам удалось с одним из них поработать. Судя по всему, данная версия (1978) является прямым переизданием версии Книжного общества «Приют любителей словесности» (1923-1924): в тексте отсутствуют две последние главы «Рассуждения о домах и народе» и «Заключение», но вместо того, чтобы их добавить, составители версии 1978 г. просто указывают «окончание опущено» 下畧.

«Провинция Кёнги» 京畿道 (<i>Kёнгидо</i>)	«Провинция Кёнги» 京畿道 (<i>Kёнгидо</i>)
«Рассуждение о выборе правильного места» 卜居總論 (<i>Покко чхоннон</i>)	«Рассуждение о выборе правильного места» 卜居總論 (<i>Покко чхоннон</i>)
«География» 地理 (<i>Чири</i>)	«Дома живых» 陽宅 (<i>Ян тхэк</i>)
«Материальная польза» 生利 (<i>Сэнни</i>)	«Управление землей» 土理 (<i>Txo pu</i>); «Реки» 江河 (<i>Канха</i>)
«Человеческие помыслы» 人心 (<i>Инсим</i>)	«Люди» 人物 (<i>Инмуль</i>)
«Горы и реки» 山水 (<i>Сансу</i>): - «Общее рассуждение о горах и реках» 山水總論 (<i>Сансу чхоннон</i>); - «Горы» 山 (<i>Сан</i>); - «Формы гор» 山形 (<i>Санхён</i>); - «Подводные горы» 海山 (<i>Хэсан</i>); - «Красоты гор и рек» 山水之勝 (<i>Сансу-чи сын</i>); - «Горы и реки четырех округов» 四郡山水 (<i>Сагун сансу</i>); - «Проживание у рек» 江居 (<i>Канго</i>); - «Проживание у ручьев» 溪居 (<i>Кего</i>).	«Рассуждение о двенадцати знаменитых горах и крупных буддийских монастырях» 十二名山斗大刹論 (<i>Сиби мёнсан-гва тэчхаль нон</i>); «Общее рассуждение о столице» 國都概論 (<i>Кукто кэрон</i>); «Рассуждение о [крупных и мелких] островах» 島嶼論 (<i>Тосо нон</i>); «Рассуждение о достопримечательностях земель Ёндон» 嶺東勝地論 (<i>Ёндон сынчи нон</i>); «Рассуждение о четырех округах Тан[ян], [Ён]чхун, [Чхонпхун, Чечхон] [провинции Чхунчхон]» 丹春四郡論 (<i>Танчхун сагун нон</i>); «Рассуждение о землях, где не было пожара войны» 兵火不入之地論 (<i>Пёнхва пуринчиджи нон</i>); 21) «Рассуждение о [землях у] воды, где можно жить» 水可居論 (<i>Сугаго нон</i>). Есть указание, что текст не полон 下畧. Так как «Горы и реки» («Описание избранных деревень», 1912) содержит дополнительную информацию, то можно предположить, что две недостающие главы представляли собой переложенное на смешанное письмо окончание текста.
«Общие рассуждения» 總論 (<i>Чхоннон</i>)	---

Второй особенностью текста является его редакционная правка. Чхве Намсон внес ряд корректиров в рукопись при публикации, которые в том числе отражали исторические процессы на Корейском полуострове, а именно ослабление Китая и окончание периода *садэ* в конце XIX в.: изменены некоторые термины, представлен иной взгляд на отношения между Китаем и Кореей. В

версии «Секретных географических описаний...» 1978 г. (переиздание 1923-1924 гг.) роль Китая в корейской истории еще более редуцирована. Например, из главы «Общие рассуждения» (1978) полностью вырезан сохраненный Чхве Намсоном эпизод, в котором танский Китай помогает государству Силла в войне против государств Пэкче и Когурё¹⁵⁶. Редакторов не смущил тот факт, что исправление привело к исчезновению важного события в истории Кореи – образованию государства Объединенное Силла, существовавшего вплоть до конца IX в.

Также, например, если Чхве Намсон сохранял словосочетание Ли Джунхвана «наша страна» *агук* 我國, то в «Секретных географических описаниях...» оно заменено на «*Ли гук*» 李國 – «государство [династии] Ли»¹⁵⁷. Эти и подобные им многочисленные исправления наглядно демонстрируют, что текст не является точной копией первого издания «Описания...», и был написан в другое время, при другом политическом режиме. В задачи настоящей диссертационной работы не входит сравнение данной версии с публикацией Чхве Намсона, однако, как нам кажется, использование данной книги может существенно помочь в определении значимости исправлений, сделанных Чхве Намсоном в рукописи, сохранившей реалии XVIII в.

«Секретные географические описания...» сами по себе не являлись исследованием «Описания...», но служили для сохранения и распространения текста, что подтверждает нашу гипотезу о том, что для читателя второй половины XX в. было важно содержание произведения.

После смерти Пак Чонхи в 1979 г. интерес к «Описанию избранных деревень» среди ученых уменьшается, хотя продолжают выходить научные статьи, цитирующие «Описание...». Это, например, известное «Исследование истории сельского хозяйства в поздний период Чосон» историка, профессора университета Ёнсе Ким Ёнсона¹⁵⁸ (1984).

¹⁵⁶ Ли Джунхван. Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон (*Чосон пхальдо пимиль чиджси*) (1978). Р. 2.

¹⁵⁷ Ibid. Р. 2.

¹⁵⁸ Ким Ёнсон 金容燮. Исследование истории сельского хозяйства в поздний период Чосон 朝鮮後期農業史研究 (*Чосон хуги нононса ёнгу*). Тэджон: Тэджон мунхвахве, 1984. Р. 170, 399, 418.

В 1985 г., спустя восемь лет после выхода в свет переиздания «Описания...» Но Дояна, свой перевод произведения публикует **Ли Чхан** 李燦, специалист по корейской истории и географии¹⁵⁹.

В начале 1990-х гг. появились посвященные «Описанию...» первые статьи в корейских научных энциклопедиях. Мы предполагаем, что первая из них – это короткая, длиной всего в один абзац, статья в «Новом словаре корейской истории» (1990)¹⁶⁰:

«Описание избранных деревень» (*Tхэнниджи*) 挿里志 – географическое описание *чиджи* 地誌 в 1 чхэк. Написано в 1714 г. (Сукчон, 40) Ли Джунхваном 李重煥. Подробно описываются ландшафт 地形, климат, обычаи, транспортные связи каждого региона нашей страны для выбора наиболее подходящего для жизни района. Также даны комментарии об исторических событиях и персоналиях. Первоначальное название рукописи не сохранилось, но Ли Гынъик 李肯翊¹⁶¹ указывал, что это «Описание выбора [гаданием] земель [подходящих для жилища среди] восьми провинций» 八域卜居志 (*Пхарёк поккоджи*) или, сокращенно, «Описание восьми земель» 八域誌 (*Пхарёкчи*), а «Описание...» - название более позднее, созданное потомками. Также много других названий, среди них «Описание восьми земель, подходящих для жизни» 八域可居志 (*Пхарёк кагоджи*) и «Обширное собрание записей об описаниях гор и рек» 博綜誌山水錄 (*Пакчонджи сансурок*)¹⁶².

К сожалению, статья не была тщательно выверена специалистами, и поэтому в ней допущена ошибка: произведение датировано 1714 г., 40-м годом правления вана Сукчона. Это неверно, так как оно было написано после восшествия на престол сына Сукчона – Ёнджо, и датируется, по мнению большинства ученых, 1751 г. Примечательно, что даты жизни Ли Джунхвана в словаре и основные вехи его биографии указаны правильно¹⁶³. Эта же ошибка

¹⁵⁹ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Tхэнниджи*) / пер. на кор. Ли Чхан. Сеул, Тарагвон, 1985.

¹⁶⁰ Ли Хонджик. Новый словарь корейской истории (*Сэ гукса саджон*). Сеул, Кёхакса, 1990. Р. 1406.

¹⁶¹ Ли Гынъик 李肯翊 (1736-1806, псевдоним Ёллёсиль 燐藜室) – сирхакист, писатель-историк, автор неофициальных исторических хроник *яса* 野史 «Записки Ёллёсиля» 燐藜室記述 (*Ёллёсиль кисуль*).

¹⁶² Ibid. Р. 1406.

¹⁶³ Ibid. Р. 1072.

(как и основное содержание словарной статьи) повторится в «Большом национальном корейском словаре»¹⁶⁴.

В 1991 г., в крупнейшей «Энциклопедии корейской народной культуры», выпускаемой с 1979 по 2001 гг. и составляемой корейскими учеными – специалистами в области родной истории и культуры, была напечатана более подробная статья. Ее автором выступил Ли Чхан. В статье были представлены наиболее известные названия рукописи, история ее создания, содержание текста¹⁶⁵. Данная статья суммировала все известные на тот момент сведения об «Описании...»: историю его создания, внутреннюю структуру, существующие версии и названия. Был уточнен год написания – 1751, подчеркнута важность как первого произведения в области культурной географии в Корее.

2.1.2.2. Изучение «Описания избранных деревень» в Корейской Народно-Демократической Республике в 1970-2000-х гг.

Не имея возможности воспользоваться архивами Корейской Народно-Демократической Республики, при написании данного раздела исследования мы использовали материалы крупнейших северокорейских энциклопедий: фундаментального «Обзора географической литературы»¹⁶⁶, любезно предоставленного нам корееведом, специалистом по корейской истории Т.М. Симбирцевой, а также многотомное издание «Энциклопедия [государства] Чосон [Северной Кореи]»¹⁶⁷, выпускающееся в КНДР с 1995 г., с которым мы познакомились во время научной командировки в Германию (Рейнский Боннский университет Фридриха Вильгельма) с великодушного разрешения профессора Альбрехта Хюве (Dr. Albrecht Huwe).

¹⁶⁴ Большой корейский национальный словарь (*Хангук минсок тэсаджон*). Минджок мунхваса, вып. 2, 1991. Р. 1447.

¹⁶⁵ Энциклопедия корейской народной культуры 韓國民族文化大百科事典 (*Хангук минджок мунхва тэбэква саджон*). Сеул, Унджин чхульпхан, 23, 1991. Р. 115-116.

¹⁶⁶ Обзор корейской библиографии (*Чосон соджихак кэгван*). Пхеньян, Государственная центральная библиотека, 1955. 139 pp.

¹⁶⁷ Энциклопедия Северной Кореи (*Чосон тэбэква саджон*). Пхеньян, Пэкквасаджон чхульпханса, Вып. 22, 2001. Р. 444-445.

Конечно, наша исследовательская база не полна, но, к сожалению, в настоящий момент расширить ее не представляется возможным. Однако и на основании двух энциклопедических статей можно сделать вывод о том, что в КНДР, по сравнению с РК, «Описание избранных деревень» изучено меньше.

Для подтверждения наших слов обратимся к обеим статьям. Первая, в «Обзоре географической литературы», была написана в 1955 г., спустя два года после окончания Корейской войны (1950-1953) и через семь лет после образования Корейской Народно-Демократической Республики (1948). Таким образом, можно предположить, что она преимущественно опирается на факты, известные в начале XX в. Статья, а вернее – описание книги, – сравнительно коротка:

Долгое время корейские географические труды писались в соответствии с правилами *кванчхан* 官撰¹⁶⁸. Это, например, «Исторические записи Трех Государств» 三國史記 (*Самгук саги*)¹⁶⁹, «История [государства] Корё» 高麗史 (*Korё са*)¹⁷⁰, «Дополнения к “Географической энциклопедии Кореи”» 新增東國輿地勝覽 (*Синджын Тонгук ёджи сыннам*)¹⁷¹. Позднее от подобной формы описания отступили. Сохранилось и географическое сочинение, напоминающее по изложению современные географические труды. Это «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) 挿里志, написанное человеком по имени Ли Джунхван 李重煥 в период правления вана Сукчона. Несмотря на то, что «Описание...» не до конца отказывается от физиографических идей, опирающихся на теорию *пхунсу* 風水地相學, это сочинение – культурная география, повествующая об окружающей природе, положении каждой провинции, климате, торговых отношениях, истории каждого округа. Известно также как «Описание восьми земель» 八域誌 (*Пхарёкчи*), «Описание гор и рек» 山水錄 (*Сансурок*), «Обширное собрание записей» 博綜誌 (*Пакчонджи*), «Живописное обозрение земель Востока» 震維勝覽 (*Чиню сыннам*),

¹⁶⁸ Кванчхан 官撰 – географические сочинения, составляемые по приказу государя.

¹⁶⁹ «Исторические записи Трех Государств» 三國史記 (*Самгук саги*) – исторические хроники, составлены чиновником по имени Ким Бусик 金富軾 (1075-1151) в 1145 г.

¹⁷⁰ «История [государства] Корё» 高麗史 (*Korё са*) составлена чиновником по имени Чон Инджи 鄭麟趾 (1396-1478) в 1451 г.

¹⁷¹ «Дополнения к “Географической энциклопедии Кореи”» 新增東國輿地勝覽 (*Синджын Тонгук ёджи сыннам*) составлены (дополнены) в 1530 г. чиновником по имени Ли Хэн 李荐 (1478-1534).

«Собрание ценностей» 總貨 (Чхонхва). Опубликовано «Обществом блестящей литературы» (Чосон кванмунхве)¹⁷².

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в 1955 г. в КНДР известно о существовании различных рукописей «Описания...», а также иных вариантах названий. Однако верная датировка не уточнена. Кроме того, заметна критика традиционной корейской географии *пхунсу*.

Другая доступная нам статья, опубликованная в 22 томе «Энциклопедии [государства] Чосон [Северной Кореи]», написана 46 лет спустя (2001 г.)¹⁷³. Как и в «Энциклопедии корейской народной культуры», статья начинается с многообразия названий рукописи. При этом любопытно, что из названий, предложенных в энциклопедиях Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики, совпадает лишь одно – «Описание восьми земель» (*Пхарёкчи*)¹⁷⁴, остальные пять (РК) и четыре (КНДР) названия отличны. Однако так как по манускриптам, хранящимся в архивах Республики Корея, нам удалось выявить более двадцати названий, из которых в словарной статье представлено только шесть, будет поспешным считать, что в архивах КНДР не хранятся рукописи, одноименные тем, что находятся в Республике Корея. Привлекает внимание также тот факт, что словарная статья в «Энциклопедии Чосон» характеризует «Описание избранных деревень» только по публикации Чхве Намсона (количество глав, их последовательность и краткое содержание). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в КНДР фактическое изучение «Описания...» не проводилось, хотя само произведение известно и читаемо («является драгоценным национальным наследием»). Критика теории *пхунсу* нами не отмечена, и, более того, *пхунсу* является, согласно мнению составителей статьи, одной из особенностей «Описания...».

¹⁷² Обзор корейской библиографии (Чосон соджихак кэгван). Р. 155-156.

¹⁷³ Энциклопедия Северной Кореи (Чосон тэбэкква саджон). Р. 444-445.

¹⁷⁴ Также в обеих энциклопедиях есть словарная статья «Описание восьми земель» (*Пхарёкчи*), которая отсылает к «Описанию избранных деревень» (*Тхэнниджи*), как к основной статье.

2.1.3. Третий период: научное изучение «Описания избранных деревень» в Республике Корея (1995 – 2010-ые гг.)

До настоящего момента, помимо ряда статей на японском языке, научное изучение «Описания...» происходило только в Республике Корея, или же им преимущественно занимались рожденные в Корее ученые, ныне живущие в других странах. В данном разделе исследования обращается внимание на основные современные научные или научно-популярные известные в Республике Корея труды, посвященные «Описанию...».

Первый и пока единственный (и, увы, частичный) перевод произведения на европейский язык (английский) был осуществлен в 1998 г. новозеландской исследовательницей **Инсиль Юн (Чхве)**, родом из Кореи. Как она сама пишет в предисловии к книге: «С “Описанием избранных деревень” (*Тхэнниджи*), как классическим корейским сочинением, я познакомилась в начальной школе, а затем колледже. В университете я занималась им серьезнее – как примером корейского труда о культурной географии, написанной корейцем. Но лишь став странницей, покинувшей Корею ради Соединенных Штатов, а затем переехавшей в Новую Зеландию, где обзавелась семьей, я, наконец, сумела лучше понять Ли Джунхвана, автора “Описания...”, который стал странником, будучи сосланным и разжалованным»¹⁷⁵.

Рассмотрим детальнее проведенную Инсиль Юн (Чхве) работу с памятником. Книга «“Описание избранных деревень” (*Тхэнниджи*) Ли Джунхвана: Корейское классическое произведение о выборе местожительства» (*Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements*)¹⁷⁶ включает в себя частичный перевод произведения (переведены описания четырех из восьми провинций: Пхёнан, Хамгён, Кёнсан и Чолла), краткую биографию Ли Джунхвана, историческую справку о создании произведения. Перевод сделан на основе отредактированной публикации Чхве Намсона. Позднее, в 2013 г., исследовательница уточнит, что манускрипты «Описания...» различны в

¹⁷⁵ Yoon Inshil Choe. *Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements*. Sydney: Wild Peony Pty, 1998. Preface, p. 1.

¹⁷⁶ Yoon Inshil Choe. *Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements*.

деталях¹⁷⁷. Для самопроверки Инсиль Юн (Чхве) опиралась на переводы «Описания...» на современный корейский язык Но Дояна (1969, 1977) и Ли Иксона (1971)¹⁷⁸.

Опубликованный новозеландской исследовательницей перевод является продолжением ее диссертации «Изучение и перевод “Описания избранных деревень” (*Тхэнниджи*)» (*A Study and Translation of T'aengniji*. PhD thesis, The University of Auckland, 1996). Представленная библиография преимущественно – южнокорейские исследования, также использован ряд японских и англоязычных трудов (существенная часть которых написана корейцами).

В предисловии Инсиль Юн (Чхве) пишет, что «старалась переводить дословно, сохраняя, если возможно, порядок слов и стиль Ли Джунхвана»¹⁷⁹. К наиболее трудным для понимания терминам или историческим событиям, которые Ли изначально не комментирует, даны сноски с пояснениями. Вместе с тем, как нам кажется, ее перевод не всегда корректен. Например, обратимся к главе «География» 地理 (*Чири*). Данный термин – *чири* – означает буквально именно «география»¹⁸⁰, однако исследовательница переводит его как «геомантия» (*geomancy*), имея в виду, судя по всему, традиционную корейскую географию *пхунсу* 風水, «теорию ветров и вод», о которой идет речь в главе. Такое понимание справедливо – в «Большом корейском национальном словаре» термины «география» и «пхунсу» указаны как взаимозаменяемые¹⁸¹, однако, как нам кажется, перевод «геомантия» в данном случае не совсем верен. *Пхунсу* – традиционная корейская география, и, вероятно, можно было назвать главу именно этим словом, если делать акцент на культурной значимости. Термин же «геомантия» для европейского человека значит нечто иное. Здесь нам кажется уместным привести цитату Чхве Чханджо: «Геомантия – это западный способ предсказывания. Умение специалиста-предсказателя состоит из верного

¹⁷⁷ *Yoon Inshil Choe. Early-Period T'aengniji Manuscripts*. P. 225-249.

¹⁷⁸ *Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements. Translator's Note*. P. 1.

¹⁷⁹ *Ibid.*

¹⁸⁰ Китайско-русский словарь / под ред. Ошанина И.М. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 712.

¹⁸¹ Большой корейский национальный словарь (*Хангук минсок тэсаджон*). Р. 1308.

наблюдения и объяснения определенного явления. Например, геомантия описывает трещины в засохшей грязи; пиромантия – образы, возникающие в пламени; литомания – формы камней или валунов; гидромантия – потоки воды или формы волн. Но *пхунсу* – это не способ предсказания. Корейцы выбирают земли для дома или могилы, опираясь на определенные “геомантические” наблюдения. Но в данном случае “геомантические” наблюдения означают аналогичную технику выбора определенного места. Вернее, имеющую собственную эмпирическую логику»¹⁸².

Таким образом, как нам кажется, перевод корейского термина «география» европейским термином «геомантия» приводит к недопониманию. То, что Ли Джунхван называл «география» и объяснял физическими законами, для европейского читателя, напротив, обретает почти мистический смысл. Инсиль Юн (Чхве) намеренно акцентирует внимание читателя на геомантии в «Описании...», считая ее «одной из наиболее важных идей книги»¹⁸³, отступая от избранной стратегии следования оригинальному тексту. С другой стороны, используя слово «геомантия» в переводе главы «География», Инсиль Юн (Чхве) предупреждает незаданный вопрос читателя о разнице между главами «География» и «Горы и реки» 山水 (*Scenery*).

Для Инсиль Юн (Чхве) особенный интерес в «Описании...» представляет именно теория *пхунсу*. Изучению ее важности исследовательница посвятила отдельное изучение (опубликованный доклад «*The significance of geomancy in understanding T'aengniji*»)¹⁸⁴. Вывод о важности *пхунсу* сделан ей на основе структуры текста¹⁸⁵: упоминание «геомантии» первой в списке критерииев, указываемых Ли Джунхваном для выбора подходящего для дома места; включение «геомантии» в другие главы; структуру «геомантического» описания

¹⁸² Чхве Чханджо. Основное разъяснение об определении удачи и несчастья согласно теории чхвахян *пхунсу* (*Пхунсусоль чвахяннонсан-ый кильхюн пхандан-е кванхван вихакчок хэсоль*) // География (Чирихак), Вып. 26, 1982. Р. 108.

¹⁸³ Yoon Inshil Choe. The significance of geomancy in understanding T'aengniji // Sydney, The University of Sydney, KSAA, Global Korea Proceedings, 2009. P. 324.

¹⁸⁴ Ibid. P. 324-329.

¹⁸⁵ Не соглашаясь с верным переводом «чири» 地理 как «геомантия», мы, тем не менее, в данном абзаце будем придерживаться терминологии Инсиль Юн (Чхве).

Кореи и провинций – от большего к меньшему, – совпадающую с тем, как места описывались в геомантических книгах; цитирование географических трудов в тексте описания провинций относительно их положения по отношению к *Пэкту тэган*.

На наш взгляд, «геомантия», несомненно, составляет значительную часть «Описания...», но при этом ее невозможно рассматривать вне исторического контекста. Теория *пхунсу* – это традиционная корейская география, и ее включение в «Описание...» служило практической цели: объяснению положения провинций, характеристике земель. Кроме того, через *пхунсу*, а именно связь *Пэкту тэган* и гор Куньлунь, Ли Джунхван описывал преемственность Кореи по отношению к Китаю. Таким образом, как нам кажется, *пхунсу* необходимо рассматривать в культурном и историческом контекстах и в связи с другими факторами.

«Описание избранных деревень» является ценным источником сведений о государственном устройстве Кореи, ее истории, географии, культуре, сельском хозяйстве, экономике. Изложенные в произведении факты легли в основу различных глав монографий и статей. Отдельно хотелось бы выделить, например, исследования «Структура политической власти *саримов* 士林 во время [правления] династии Чосон» **Чан Сиксона**¹⁸⁶; «Культура фэншуй в Корее: исследование геомантии Восточной Азии» **Юн Хонги**¹⁸⁷, «История Пэкту тэган» **Чан Сонгю**¹⁸⁸.

В 2006 г. **Син Бёнджу** опубликовал свою монографию «Выдающиеся произведения периода Чосон», в которой представил четырнадцать наиболее ярких сочинениях периода Чосон с XIV по XX вв. Восьмую главу он посвятил «Описанию избранных деревень», ставя таким образом сочинение Ли Джунхвана в один ряд с корейскими королевскими летописями и династийными хрониками. Син Бёнджу так характеризует вклад «Описания...» в корейскую культуру:

¹⁸⁶ Chan Sik Song. Power Structure of Sarim 士林 Polities in the Chosön dynasty // The Institutional Basis of Civil Governance in the Chosön Dynasty. P. 139-158.

¹⁸⁷ Yoon Hong-key. The culture of fengshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. 2006.

¹⁸⁸ Чан Сонгю. История Пэкту тэган (Пэкту тэган-ый ёкса). Пхаджу, Хангук хаксульчонпо, 2008. – 309 pp.

«Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) ломает форму географического сочинения, сделанного по приказу государя, или энциклопедии. В нем новым взглядом описываются природные условия и жизнь людей нашей страны. Этим книга необычна. Исключая провинции Чолла и Пхёнан, Ли Джунхван исследовал всю страну и в произведении отразил личные впечатления, наблюдения. Другой отличительной чертой книги является тот факт, что можно понять с разных сторон природные условия, в которых жили люди и происходили исторические события¹⁸⁹.

Исследование же самого произведения – проблемы возможных датировок рукописей, место данного литературного памятника в истории и культуре Чосона, лингвистические особенности оригинального текста, – связано с именем **Пэ Усона**. Знаток *ханмуна*, Пэ обращает внимание на «правильность» чтения рукописи: обнаруженные заимствования, различия в ряде рукописей, комментарии современников Ли Джунхвана. «Описанию избранных деревень» посвящена и его диссертация (2002 г.), легшая в основу научной статьи «К вопросу об историческом методе работы над “Описанием избранных деревень (*Тхэнниджи*)”: сравнительное исследование»¹⁹⁰. Другой важной его работой, которая посвящена не только «Описанию…», а повествует обо всех наиболее значимых сочинениях периода Чосон и том, «как» их нужно читать, является «Атмосфера знаний и книг»¹⁹¹.

Пэ Усон одним из первых современных исследователей заявил о различиях между оригинальным текстом «Описания…» и редакцией Чхве Намсона, однако не рассматривал причины разнотений¹⁹². Обращая свое внимание на труды *сирхакистов* Чосона, Пэ Усон в настоящее время не занимается отдельно «Описанием…», однако произведение неизменно упоминается в его научных трудах.

¹⁸⁹ Син Бёнджу. Выдающиеся произведения периода Чосон (*Чосон чхвего-ый мёнджодыль*). Р. 174.

¹⁹⁰ Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (*Тхэнниджи*): сравнительное исследование (*Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон пигёёнгу-рыль чунсим-ыро*). Р. 213-246.

¹⁹¹ Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг (*Токсо-ва чисик-ый пхунгён*). Пхаджу, Токпегэ хангукхакчонсо, 2015.

¹⁹² Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (*Тхэнниджи*): сравнительное исследование (*Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон пигёёнгу-рыль чунсим-ыро*). Р. 214, 219.

2.2. Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в Европе и США

2.2.1. Первый период: распространение и цитирование «Описания избранных деревень» в XIX в. - начале XX в. в европейских и американских трудах

«Описание...» стало известно западным путешественникам в конце XIX в.

Предположительно, одним из первых, кто познакомился с произведением, был канадец, сотрудник американской Северной пресвитерианской миссии **Джеймс Гейл** (1863-1937), работавший в Корее в 1888-1923 гг.¹⁹³. Он сослался на «Описание...» в своей статье «Ханян (Сеул)» (1902), назвав сочинение Ли Джунхвана «книгой о геомантии»: «擇里誌 *Tak-ni-ji: A book on geomancy*»¹⁹⁴. Джеймс Гейл был одним из основателей Корейского отделения Азиатского королевского общества – Royal Asiatic Society – Korea Branch (RAS-KB). Общество действует и сейчас, и является одним из старейших научных обществ в Корее. Основано оно было в Сеуле 16 июня 1900 г. с санкции императора Коджона¹⁹⁵. Встречи Общества были нерегулярны, и собиралось оно каждый раз, когда у кого-то из его членов был готов доклад для презентации, и на эти встречи приглашались все желающие. Позднее доклады печатались в «Трудах Отделения» («Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch»), выходивших ежегодно. Поэтому вероятно, что доклад о Сеуле сначала прозвучал для членов Общества, а затем был опубликован, чтобы с ним мог ознакомиться любой читатель. На «Описание...» Гейл сослался в докладе единожды, описывая «геомантическую характеристику» расположения Сеула.

Миссионеры были первыми, кто говорил о важности теории *пхунсу* / геомантии для восточного человека. Почти за три десятилетия до Гейла (в 1873 г.) китайскую геомантию описал западному читателю английский миссионер и

¹⁹³ Young Ick Lew. Contributions by Western Scholars to Modern Historiography in Korea, with Emphasis on the RAS-KB // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch. Seoul, Vol.80, 2005. P. 10.

¹⁹⁴ Gale James S. Han-Yang (Seoul) // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch, Vol.2, Part 2, 1902. P. 1-43. [Электронный ресурс] URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> (дата обращения 29 июля 2015 г.).

¹⁹⁵ Подробнее см.: Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 177-184.

синолог Эрнест Айтель (1838-1908)¹⁹⁶, охарактеризовавший ее как «иное обозначение естественной науки»¹⁹⁷.

Также важен вклад в распространение сведений о *пхунсу* среди западных интеллектуалов американского миссионера, врача Эли Барра Лэндиса (1865-1898), работавшего в Корее в 1890-1898 гг. и старавшегося как можно ближе познакомиться с корейской культурой. Лэндис выучил корейский и китайский языки и, знакомясь с первоисточниками, написал немало статей, две из которых, вышедшие в Китае и Корее в 1896 и 1898 гг., были посвящены *пхунсу*¹⁹⁸. Лэндис справедливо писал: «геомантия, известная в Китае как “теория о ветре и водах” 風水, в Корее называется “теорией гор и рек”¹⁹⁹»²⁰⁰. Также в статье он описал «благоприятные и неблагоприятные» направления, определяемые по геомантическому компасу.

Поэтому неудивительно, что Джеймс Гейл включил в свой доклад характеристику Сеула с точки зрения теории *пхунсу*, на первый взгляд чуждой западному человеку. В других своих более ранних работах он критиковал *пхунсу*, видя поиск «благоприятного места», из-за которого процесс похорон обычно задерживался, как рожденное конфуцианством препятствие, мешавшее прохождению «Света Жизни» («Light of Life»)²⁰¹. Тем не менее, он не отрицал глубину проникновения теории *пхунсу* в культуру Кореи, отмечая ее важность для корейца²⁰². Поразительно, что из всех тем, поднятых в «Описании...», Гейла привлекла именно теория *пхунсу*, однако благодаря ей произведение впервые было зафиксировано в западных трудах.

¹⁹⁶ Eitel E. Feng-shui, or the Rudiments of Natural Science in China. Hong-kong; London, 1873. На русском языке: Айтель Э. Фэншуй – наука китайской древности // Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию. – сост., вст. ст., пер., примеч. и указ. Ермакова М.Е. СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2003. С. 15-63.

¹⁹⁷ Айтель Э. Фэншуй – наука китайской древности. С. 19.

¹⁹⁸ Landis E.B. Korean Geomancy.// China Review, 1896. P. 9; Landis E.B. Geomancy in Korea // Korean Repository V. 1898. P. 41-46.

¹⁹⁹ Очевидно, Э.Б. Лэндис имел в виду понятие «сансу» 山水, дословно переводящееся как «горы и реки».

²⁰⁰ Landis E.B. Geomancy in Korea // Korean Repository V. 1898. P. 41.

²⁰¹ Gale James S. Korean Sketches. Chicago, Fleming H. Revell Company, 1898. P. 16.

²⁰² Подробнее см. Чеснокова Н.А. Отвергнуть или понять? – Взгляд западных миссионеров конца XIX – начала XX в. на корейскую геомантию // Вестник российского корееведения, 7. М., Наука – Восточная литература, 2015. С. 131-149.

Помимо миссионеров, в Корею прибывали и ученые-географы, и путешественники из США и Европы. Среди них хотелось бы отметить экспедиции 1897-1899 гг. геолога В. Кнохенхауера (?-?), разработавшего собственную схему орографии Кореи²⁰³. В своих исследованиях Кнохенхауэр опирался на некий корейский географический трактат: позднее немецкий географ Герман Лаутензах заключил, что это была рельефная «Карта земель Великой Восточной страны» 大東輿地圖 (*Тэдон ёджидо*)²⁰⁴. Также большой вклад в европейское корееведение внесли поездки первой женщины-члена Королевского географического общества Великобритании, английской писательницы Изабеллы Бёрд Бишоп (1831-1904), совершившей в 1894-1897 гг. четыре длительных путешествия по Корее и записавшей свои наблюдения о стране. Писала Бишоп и о геомантии, относясь к ней, однако, негативно, как к суеверию²⁰⁵.

В конце XIX в., когда Корея только перестала быть «страной-отшельницей» и открыла границы для кораблей, имели место и другие европейские и американские экспедиции и поездки, однако в рамках настоящей диссертационной работы мы не будем останавливаться на них подробно.

2.2.2. Второй период: исследование «Описания избранных деревень» во второй половине XX в. и начале XXI в.

В первой половине XX в. мир сотрясли две войны, повлекшие за собой огромное число жертв и разрушений. В конце Второй мировой войны, в 1945 г., был опубликован монументальный труд «Корея. Исследование региона на основе собственных путешествий и литературы» **Германа Лаутензаха** (1886-1971). Работа была завершена в 1942 г.²⁰⁶, но из-за войны публикация стала возможна

²⁰³ Зайчиков В.Т. Корея. М.: Географгиз. 2-е изд., исправленное и дополненное. 1951. С. 77.

²⁰⁴ Lautensach Hermann. Korea: a geography based on the author's travels and literature / transl. by Eckart and Katherine Dege. Berlin: Springer Verlag, XVII, 1988. P. 39.

²⁰⁵ Bird Isabella L. Korea and her neighbors; a narrative of travel, with an account of the recent vicissitudes and present position of the country. New York, Chicago [etc.] F.H. Revell Co., 1898. P. 62, 263, 288, 403, 428, 444.

²⁰⁶ Lautensach H. Korea. Eine Landeskunde auf Grund eigener Reisen und der Literatur. Leipzig, 1945. В 1988 г. книга была переведена на английский язык: Lautensach H.: Korea: a geography based on the author's travels and literature. – transl. by Eckart and Katherine Dege. Berlin: Springer Verlag, XVII, 1988.

лишь три года спустя. В наши дни эта работа в Европе по-прежнему «остается самым подробным исследованием по географии всего полуострова»²⁰⁷.

Среди источников и исследований, на которые опирался Лаутензах, было исследование Кото Бундзиро «Очерки рельефа Кореи», и в самом тексте «Корея. Исследование региона...» также присутствует упоминание «Описание восьми земель Чосона» (*Чосон пхарёкчи*). Лаутензах отмечал, что, судя по приведенным Кото цитатам, Ли Джунхван имел представление о связи горных гряд полуострова, а также тех, что пролегают между ним, Китаем и Манчжурией²⁰⁸. Он выделял Ли Джунхвана как автора, который не сосредотачивался на простом перечислении гор, рек и городов Кореи, в отличие от своих современников²⁰⁹.

На данном этапе трудно говорить об отдельном исследовании «Описания...», однако постепенно произведение становится известным среди корееведов. Большую роль в изучении сочинения Ли Джунхвана сыграла передача в дар колледжу Помона (Калифорния, США) фонда «The McCormick Korean Collection», в котором есть 70-страничная рукопись «Описания избранных деревень», доступная для исследования²¹⁰. Также рукопись «Описания восьми земель» (*Пхарёкчи*), состоящая из двух *квонов*, сейчас хранится в Калифорнийском университете (США) в фонде «The Asami Collection»²¹¹.

Одним из первых научных исследований, целиком посвященных «Описанию...», стала магистерская работа «“Описание избранных деревень” (*Тхэнниджи*): корейская география поселений» (*Taekni-ji: A Korean Settlement Geography*. MA thesis) **Юн Хонги**, защищенная им в Университете Бригама Янга (Юта, США). Упоминание этой работы мы обнаружили в монографии «Земля и жизнь: Историко-географическое исследование Кореи»²¹², ближе нам не удалось с ней познакомиться.

²⁰⁷ Lautensach H.: Korea: a geography based on the author's travels and literature. P. XIV.

²⁰⁸ Ibid. P. 37.

²⁰⁹ Ibid. P. 38.

²¹⁰ Информация о коллекции фонда «The McCormick Korean Collection». [Электронный ресурс] URL: <http://libraries.claremont.edu/sc/collections/mccormick.asp> (Дата обращения: 01.08.2015)

²¹¹ Оцифрованная рукопись «Пхарёкчи» (два *квона*), хранящаяся в Asami Collection. [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/paryokchikwon008800> (Дата обращения: 01.08.2015).

²¹² Choe Yong-jun. Land and Life: A Historical Geographical Exploration of Korea. – trans. Kim Sarah. Fremont, Jain Pub Co, 2006. P. 332.

Ни в США, ни в европейских странах на настоящий момент нет отдельного исследования-монографии, посвященной «Описанию...», хотя оно цитируется в различных трудах. Среди, которых, например: «Первоисточники корейской цивилизации» одного из пионеров корееведения на Западе **Питера Ли**²¹³. Составленная Ли в 1996 г. книга поделена на смысловые части: политика позднего Чосона, предложенные реформы, встречи с Западом, общество, культура и национальная идентичность, конфуцианство и др. Каждая из частей – компиляция соответствующих корейских трудов, переведенных целиком или частично на английский язык. Информация, представленная в «Описании...», используется в главах «Политика»²¹⁴ и подразделе «Рабство» главы «Общество»²¹⁵. Комментарий к «Описанию...» дан **Дональдом Бэйкером**²¹⁶.

«Описание...» также цитируется в монографии «Культура и государство в поздний период чосонской Кореи»²¹⁷, написанной крупнейшими корееведами Европы и США под редакцией **Мартины Дойхлер, Ким Джакён Хабош** (1941-2011).

Высоко оценивает «Описание...» **Гари Ледъярд**. Хотя он не занимался отдельным изучением этого произведения, в интервью, которое он дал в 2003 г. для книги «Pioneers of Korean Studies», заметно его уважение к труду Ли Джунхвана:

Многие годы одной из моих любимых корейских книг (хотя в научном плане я подробно ее пока не изучал) остается «Тхэнниджи», написанная в XVIII в. Ли Джунхваном. У него было потрясающее чувство формы и энергетики ландшафта (*хёнсе*²¹⁸), а также того, как они влияют на экономическую жизнь и другие аспекты корейской истории. Я только жалею, что не начал читать ее до того, как стал путешествовать. Тогда я мог бы лучше оценить те места, которые посещал²¹⁹.

²¹³ Lee Peter H. Sourcebook of Korean Civilization, Vol 2. New York: Columbia University Press, 1996.

²¹⁴ Ibid. P. 36-39.

²¹⁵ Ibid. P. 192-194.

²¹⁶ Ibid. P. 36.

²¹⁷ Culture and the State in Late Choson Korea. – ed. *Kim Haboush JaHyun, Deuchler M.*, eds. Cambridge, Massachusetts and London, 1999 (Harvard-Hallym Series on Korean Studies, 182).

²¹⁸ Хёнсе 形勢 – геомантическое понятие, связанное с толкованием «облика гор и исходящей от них энергии».

²¹⁹ Интервью: Гари Ледъярд: Как Корея пришла в мою жизнь. – пер. Бочарова Е. et al // Изучение Кореи на Западе: От первого лица. Сборник интервью и эссе. С. 49.

Таким образом, в Европе и США «Описание...» до сих пор не становилось отдельным объектом изучения и, следовательно, его исследование не перешло на определенный нами «третий уровень». В то же время необходимо признать, что с произведением работали и работают крупнейшие корееведы, используя его в своих научных трудах в качестве источника.

2.3. Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в России

2.3.1. Первый период: Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в России в конце XIX в. – начале XX в.

Формирование корейских рукописных фондов в России относится к концу XIX в. Связано это было с началом преподавания в 1897 г. корейского языка в Санкт-Петербургском Императорском университете, а также приобретением коллекций корейских книг, собранных российскими дипломатами, которые были на службе в Корее в 1880-х – 1890-х гг.²²⁰.

Среди сочинений, хранящихся в фондах, есть немало и историко-географических. Это, например, «Описание Пхеньяна» 平壤志 (*Пхёнанчи*), «Описание Сонгёна»²²¹ 松京志 (*Сонгёнджи*), хранящиеся в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета²²², «Описание Пхеньяна» 平壤志 (*Пхёнанджи*), «Описание округа Тонънэ» 東萊邑誌 (*Тоннэ ыпчи*), «Описание Намсонъя» 南城誌 (*Намсонджи*) из рукописного отдела Института восточных рукописей Российской академии наук²²³.

²²⁰ Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск 1: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 8.

²²¹ В указ. выше соч. название приводится как «Описание Сонъгёнъя», что связано с иной системой транслитерации.

²²² Подробнее о рукописях см. Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск 1: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. С. 115-121.

²²³ Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С.6. Подробнее о рукописях см. С. 135-143.

В условиях становления официальных отношений России с Кореей, о географии которой в 1880-х гг. было известно очень мало, российские дипломаты (К.И. Вебер, П.А. Дмитревский) в первую очередь обращали внимание на карты полуострова, отдельных провинций и округов, сделанные как в Корее, так и в Японии. В одном из писем К.И. Вебера, отправленного 20 марта 1884 г. из Тяньцзина, сохранилось следующее: «Я с утра до позднего вечера занимаюсь своими картами и дорожу каждою секундою, оставляя все остальное, не относящееся до Кореи, в стороне»²²⁴. Вебер собирал карты Кореи и отдельных провинций, планы и описания столицы и крупных городов. Позднее он подарил свою коллекцию Санкт-Петербургскому университету.

Кроме этого, журналист С.Н. Сыромятников приобрел в Корее учебник «География Кореи» 朝鮮地誌全 (Чосон чиджиджон), а П.А. Дмитревский перевел на русский язык сочинение «Географическое описание Кореи», предположительно составленное неким корейцем во время династии Мин²²⁵, оба издания также хранятся сейчас в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета.

Большой вклад в формирование в России представления о Корее – ее географии, истории, экономике и культуре страны, – внес востоковед **Николай Васильевич Кюнер** (1877-1955). Он также был первым, кто ввел «Описание избранных деревень» в научный оборот в отечественном корееведении, упомянув в 1912 г. это произведение в своем крупнейшем исследовании «Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен»²²⁶ при сравнении современного описания «Главного корейского хребта» *Пэкту тэгган* 白頭大幹 с традиционным корейским:

²²⁴ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 154.

²²⁵ Подробнее см. Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск 1: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. С. 15-16.

²²⁶ Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Владивосток, 1912. Т.1-2. – 656 стр. Циосен – так в транскрипции начала XX века записывалось самоназвание Кореи того времени – этноним Чосон. Подробнее см.: Чеснокова Н.А. Памяти Н.В. Кюнера (1877-1955). «Очерк Кореи» (1912 г.) – к столетию со дня публикации и в связи с переводом на корейский язык // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 16. – отв.ред. Курбанов С.О. СПб., 2014. С. 7-27.

…уже в начале XIX стол. один корейский географ, И Чхунъхан 李重煥 в сочинении Чіосён-пхал'ёкчи 朝鮮八域誌, точно таким же образом и совершенно правильно изображал под общим именем Корейской цепи направление Главного хребта от Пэктусан на юго-востоке с побережной цепи Сіочянъбэксан [совр. Со Чанбэксан 小長白山脈 – Н.Ч.], затем на юго-западе и далее на юге в качестве цепи Тчхёллёнъ [совр. Чхоллён 鐵嶺] и Кымгансан 金剛山 к цепи Тхэбэксан 太白山 в северном углу Кёнсандо 慶尙道…²²⁷.

«Статистико-географический очерк Кореи» Н.В. Кюнера, основанный на последних достижениях мировой науки, подводил итог изучению географии Кореи русскими и европейскими картографами и военными, которые вели эту работу на протяжении всего XIX в., начиная с 1797 г., когда корейское побережье впервые посетила экспедиция английского капитана Вильяма Броутона²²⁸. Одновременно Н.В. Кюнер вводил в научный оборот и японские сведения, которые были до того времени мало или полностью неизвестны. Как писал историк: «Японские данные самого разнообразного содержания являются ныне для Кореи не только самыми полными, но и наиболее современными, простираясь до настоящего момента (1912), что объясняется той особенной ролью, которая выпала на долю Японии на корейском полуострове за последние 25 лет и которая завершилась несколько более одного года тому назад присоединением его к территории японской империи под одной верховной властью. Исключительное положение, занятое Японией в Корее, побуждало самих японцев уделять значительное внимание делу научного и практического изучения этой страны и обусловило появление на японском языке многочисленных сочинений, описывающих Корею с разных сторон ее природных условий и экономического и культурного быта ее населения и выясняющих способы и цели деятельности японцев в этой части азиатского материка»²²⁹.

²²⁷ Там же. С. 107.

²²⁸ Hoare J.E. Britain and Korea. 1797-1997. 200 лет со дня встречи корейцев и англичан (Хан-ён маннам 200 чунён). Сеул: Чухан-ёнгук тэсагван, 1997. Р. 4-5.

²²⁹ Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосен. Т.1, С. III.

Одним из японских исследований, на которые опирался Н.В. Кюнер, вновь были «Очерки рельефа Кореи» Кото Бундзиро, и, таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что именно через это исследование Николай Васильевич познакомился с «Описанием восьми земель Чосона» и концепцией «Главного корейского хребта» *Пэкту тэган* и ввел их в научный оборот в российском корееведении.

Необходимо отметить, что в период 1885-1904 гг. русские ученые имели доступ в Корею и за этот сравнительно небольшой срок достигли значительных научных результатов. Как писал географ В.Т. Зайчиков (1909-1975), «особенно продуктивными в отношении издания в России работ по Корее были годы перед русско-японской войной, когда общественный интерес к этой стране наиболее возрос. Лишь за один 1904 г. в России было напечатано более 25 работ по Корее»²³⁰. Подавляющее большинство этих работ опирались на факты, полученные в результате многочисленных научных экспедиций²³¹. В том числе экспедиция члена Русского Географического общества А.Г. Лубенцова в 1895 г., по итогам которой была разработана схема орографии Северной Кореи и даны названия всем важнейшим горным хребтам Северной Кореи (Граничный, Туманский, Капсанский, Тэдонский), прочно вошедшие в географическую литературу²³².

2.3.2. Второй период: исследование «Описания избранных деревень» в СССР и России во второй половине XX в. и начале XXI в.

Рукопись «Описания...» в России в фондах Институтов или научных библиотек пока отсутствует, в связи с этим изучение произведения возможно либо вторичное (через уже существующие труды в мировом корееведении), либо в рамках научной работы в архивах и библиотеках Республики Корея, Корейской Народно-Демократической Республики. При написании настоящей диссертации мы использовали оба вида исследования: как непосредственное изучение

²³⁰ Зайчиков В.Т. Корея. С. 76-77.

²³¹ Подробнее см. Там же. С. 45-79.

²³² Там же. С. 59-60.

манускриптов «Описания...» в архивах (Республика Корея), так и цитирование труда в российских и зарубежных научных работах. Если же говорить об изученности «Описания...» в России, то следует заметить, что вплоть до настоящего времени отечественные ученые знакомились с произведением только через иные монографии и исследования.

Первым, кто после Н.В. Кюнера упомянул «Описание...», стал, предположительно, **Л.Р. Концевич**. Он, опираясь на северо-корейские труды, не исследовал произведение отдельно, но включил его в число других корейских географических сочинений в своей статье в сборнике «Топонимика Востока. Новые исследования». Л.Р. Концевич назвал произведение «Описание избранных селений» 挿里志²³³.

В России в 1970-ые гг. выходят две книги, посвященные истории Кореи, в которых упоминается произведение Ли Джунхвана: «Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма» Г.Д. Тягай (1922-2006)²³⁴ и созданная коллективом авторов «История Кореи: с древнейших времен до наших дней»²³⁵.

Г.Д. Тягай впервые в российском корееведении уточнила, что Ли Джунхван был внуком выдающегося сирхакиста Ли Ика 李灝 (1681-1763), и верно указала год его рождения – 1690. В отличие от Н.В. Кюнера и Л.Р. Концевича, Г.Д. Тягай назвала Ли Джунхвана автором сочинения «Пхальекчи»²³⁶ («Описание восьми провинций»)²³⁷, что свидетельствует о том, что при написании «Общественной мысли Кореи...» Галина Давыдовна использовала другой источник, но, предположительно, это были северокорейские материалы.

В «Истории Кореи» Ли Джунхвану также посвящено только одно предложение: «Важнейшие данные об отдельных районах Кореи содержатся в книге Ли Джунхвана (1690-1753) “Тхэнниджи” (“Описание избранных

²³³ Концевич Л.Р. Материалы для диахронического изучения корейской топонимии // Топонимика Востока. Новые исследования. М., Наука, 1964. С.55-73. По Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. С. 229.

²³⁴ Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., Наука, ГРВЛ, 1971.

²³⁵ История Кореи с древнейших времен до наших дней: научное издание. Т. 1 / ред. Ванин Ю.В. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1974. – 470 с.

²³⁶ Пхарёкчи 八域誌 – совр. транскрипция Л.Р. Концевича.

²³⁷ Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. С. 96.

деревень”»²³⁸. Однако, как следует из приведенной цитаты, исследователи опирались на источник, отличный от того, который использовала Г.Д. Тягай, что позволило впервые в российском корееведении связать Ли Джунхвана со словом «Тхэнниджи», ныне считающимся официальным названием рукописи²³⁹.

Многообразие известных российским корееведам названий произведения Ли Джунхвана, с одной стороны, расширяло возможности изучения корейской традиционной географии, но, с другой, вызывало путаницу. Так, например, в «Очерках Кореи» М.В. Воробьев (1922-1995), опиравшегося, в числе других исследований, и на «Общественную мысль Кореи...», и на «Историю Кореи с древнейших времен...», Ли Джунхван оказался автором двух географических сочинений. Тем не менее, именно описание, данное произведению М.В. Воробьевым, было наиболее полно:

Его [Ли Ика] ученики много сделали для развития отечественной географии. Ли Чжунхван создал «Описание восьми провинций» («Пхалёнчжи»), на которые делилась Корея, как образцовую географию Кореи...»²⁴⁰;

«...Одним из ранних трудов этой эпохи является «Тхэнничжи» Ли Чжунхвана. Это сочинение уже не напоминает географические регистры-перечни географических названий в официальных летописях и географических описаниях первой половины XV в. Это научная география в подлинном смысле слова, хотя и покоящаяся частично на теории инь-ян. В сущности, это первая подлинная демография, оснащенная теоретическими рассуждениями о четырех типах населения и о восьми провинциях (всей Кореи). Теория четырех типов населения устанавливала связь населения с географической средой, подчеркивала естественное равенство всех людей, существующие же различия в способах обитания объясняла социальными факторами. Описание восьми провинций – это, в сущности, общая география Кореи. О каждой из восьми провинций даются подробные сведения – местоположение, естественная среда, история всех производств, климата. Географическое описание провинций включает физическую и описательную

²³⁸ История Кореи с древнейших времен до наших дней: научное издание. Т. 1 / ред. Ванин Ю.В. С. 295.

²³⁹ Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг. Р. 180.

²⁴⁰ Воробьев М.В. Очерки культуры Кореи. С. 146. Книга вышла уже после смерти М.В. Воробьева.

географию. Эта книга – вершина географической науки Кореи до освоения европейских географических сочинений [курсив мой – Н.Ч.]²⁴¹.

Позднее «Описание избранных деревень» как географический труд XVIII в. упоминалось в обширном исследовании «Владыки старой Кореи» Т.М. Симбирцевой²⁴². Также в этой книге век спустя после издания «Статистико-географического и экономического очерка Кореи» Н.В. Кюнера российскому читателю была представлена концепция *Пэкту тэган*²⁴³.

В российском корееведении «Описание...» традиционно рассматривается как географический труд, средневековый трактат о социально-экономической географии. Культурный же пласт информации остается забытым. Во-первых, это связано с тем, что манускрипт как таковой не был исследован до нынешнего времени. Во-вторых, традиционная корейская география *пхунсу*, составляющая значительную часть «Описания...» и более десяти веков играющая важную роль в культурно-социальной стороне жизни корейского народа, стала интересовать отечественных корееведов сравнительно недавно. Это связано с тем, что в советское время *пхунсу* считалась суеверием, пережитком прошлого, от которого корейцы, однако, не хотят отказываться.

Среди российских исследований *пхунсу* нам хотелось бы выделить три монографии, к которым мы обращались в работе над диссертацией.

«Очерки культуры Кореи» М.В. Воробьева, где термин *пхунсу* введен именно в связи с корейской географией, а никак не религией, как он часто встречается в трудах европейских ученых²⁴⁴. М.В. Воробьев также выделял важность *пхунсу* в строительстве тех или иных сооружений, составлениях географических трактатов. «Очерки культуры Кореи» были одной из первых работ, в которых мы обнаружили научный подход к *пхунсу* и попытку охарактеризовать роль *пхунсу* в жизни корейца.

²⁴¹ Там же. С. 146-147.

²⁴² Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 61.

²⁴³ Там же. С. 322-325.

²⁴⁴ Воробьев М.В. Указ соч. С. 55.

Иной подход к *пхунсу* – культурологический – демонстрирует обширное исследование Ю.В. Ионовой «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: середина XIX – начало XX в.»²⁴⁵. В данной монографии *пхунсу* выступает в качестве неотъемлемой культурной жизни корейца и определяет его быт, образ жизни, играет важную роль в подготовке проведения церемоний (пр.: похоронные обряды, вступление в брак).

Вышеупомянутая монография «Владыки старой Кореи» Т.М. Симбирцевой также дает важную информацию о *пхунсу*, включая как географическую, так и культурологическую стороны изучения. Т.М. Симбирцева приводит примеры использования *пхунсу* при строительстве дворцов, расположении корейских королевских гробниц; объясняет основную суть теории и ее связь с географией.

На наш взгляд, *пхунсу*, являясь традиционной корейской географией, играет значимую роль в представлении о мире и месте в нем человека. Изучение «Описания...» способно прояснить аспекты восприятия *пхунсу* средневековым образованным корейцем.

Заключение

В настоящей главе были рассмотрены: 1) особенности некоторых из существующих рукописей «Описания избранных деревень» и структура «стандарта» сочинения, созданная Чхве Намсоном; также были определены 2) хронологические рамки изучения «Описания...» в Корее (Чосон), Республике Корея, Корейской Народно-Демократической Республике, странах Европы, США и России (также в СССР) и были определены основные направления изучения и уровень изученности произведения на данный момент.

Было обнаружено, что несмотря на многочисленные упоминания «Описания...» в трудах корееведов, лишь сравнительно недавно произведение стало самостоятельным объектом изучения, но исследуется преимущественно учеными в Республике Корея или корейскими учеными, живущими заграницей.

²⁴⁵ Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: середина XIX-начало XX в. М., Наука, 1982. – 232 с.

Кроме того, прослежены особенности и направления изучения «Описания...». Выявлено, что изучаемая нами тема – отражение пространственных представлений и самосознания культуры в XVIII в. в «Описании...» - до сих пор не поднималась в мировом корееведении, за исключением отдельных упоминаний в научных исследованиях.

Таким образом, наше изучение «Описания избранных деревень» является, с одной стороны, продолжением уже существующих трудов по данной теме, и, с другой стороны, попыткой выделить новое направление исследования.

ГЛАВА 3

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ «ОПИСАНИЯ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ»

«... так о текстах вообще справедливо утверждать,
что только в процессе понимания происходит
обратное преобразование мертвых следов смысла
в живой смысл...»²⁴⁶

Х.Г. Гадамер (1900-2002), немецкий философ

Изучение содержания «Описания избранных деревень» невозможно без изучения самого исторического периода: событий, произошедших к моменту создания рукописи; биографии Ли Джунхвана и влияния ее на смысл текста; назревающих перемен в обществе.

В настоящей главе рассматриваются основные вехи биографии Ли Джунхвана в связи с исторической обстановкой в Корее в XVII-XVIII вв., а также выдвигаются две гипотезы о причинах, подтолкнувших Ли Джунхвана к созданию «Описания...»: «пассивная критика», характерная для отшельника в культуре Дальнего Востока, либо «присоединение» к облику «старшего» через ритуал поднесения сакрального предмета.

До составления «Описания...» Ли Джунхван был неизвестен в широких кругах корейской интеллектуальной элиты. Однако, пользуясь представленной корееведом С.О. Курбановым терминологией, мы можем сказать, что воздействие личности Ли Джунхвана на исторический процесс было «отложенным во времени»²⁴⁷: так как только спустя годы и века после его смерти «Описание...»

²⁴⁶ Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 214-215.

²⁴⁷ Термин «отложенный во времени» применительно к воздействию личности на исторический процесс С.О. Курбанов противопоставляет «синхронному». В статье рассматривается биография корейского патриота Ким Гу, однако мы считаем возможным использовать термин и по отношению к жизни и творчеству Ли Джунхвана. Подробнее см. Курбанов С.О. Ким Гу и его судьба в контексте проблемы роли личности в истории Кореи // Корейский полуостров накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29-30 марта 2012 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 247.

оказалось вовлечено в происходившие на Корейском полуострове исторические процессы в качестве материального объекта, сохранявшего и передававшего знания об истории и культуре страны²⁴⁸.

Примечательно, что «Описание...» представлено как итог странствий Ли Джунхвана по родной стране, после того как он был (возможно, несправедливо) изгнан из столицы за участие в партийной борьбе и заговоре против правителя. «Описание...» позволило Ли Джунхвану проявить свой литературный дар и озвучить собственные соображения о будущем страны: указать на проблемы эпохи и предложить способы их решения, отразить основные представления о мире образованной конфуцианской элиты второй половины периода Чосон, обратить внимание интеллектуалов на «вечные ценности». Как мы увидим позднее, можно говорить о том, что обстоятельства судьбы Ли Джунхвана позволили ему без его на то желания стать исторической личностью, так как были реализованы следующие условия, суть которых была описана в статье Г.В. Плеханова: «Во-первых, <...> талант [человека] должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи. <...> Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время»²⁴⁹.

«Описание...» содержит большой пласт исторической информации о Корее XVI–XVIII вв., а также сохраняет и передает мифы о легендарных героях страны, в т.ч. первопредке корейского народа Тангуне. Помимо этого очевидного историко-культурного пласта, «Описание...» также представляет собой поучение, назидание читателям и печальное размышление автора – Ли Джунхван упрекает своих современников в отходе от традиционных конфуцианских канонов ради личной выгоды.

²⁴⁸ Здесь мы подразумеваем распространение копий «Описания...», публикацию памятника, создание многочисленных переводов и дополнений как попытку корейцев сохранить свою национальную культуру, историю, особенно в период японской колонизации. Предпринятые корейцами усилия в распространении «Описания...» свидетельствуют о важности текста, актуального не только в момент создания, но и в последующие века. Кроме того, «Описание...» оказало влияние на ряд других научных работ позднего периода Чосон (подробнее о них см. Главы 1-2).

²⁴⁹ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 тт. Т.2. М., 1956. С. 327.

Для того, чтобы лучше понять причины такой критичной оценки, мы считаем целесообразным изучить события, предшествующие созданию «Описания...» и происходившие как в самой стране, так и в жизни Ли Джунхвана. Исследование данных аспектов поможет также представить читателя, к которому обращается Ли Джунхван, – степень его образованности, положение в обществе, обязательства перед семьей и государством.

3.1. Корея в XVII-XVIII в.: история периода и его особенности

В XVII в. Корея вошла разоренной и опустошенной Имджинской войной (1592-1598). Хотя в результате войны не изменились территории и статус страны, но был нанесен колоссальный ущерб экономике и культурным достояниям; усилилась социальная и имущественная дифференциация, сократилась площадь обрабатываемых земель. Уменьшилась численность населения – одни были убиты, другие – увезены в плен в Японию. Сословная система практически распалась: богатые крестьяне получили возможность покупать родословные *янбан*²⁵⁰ и причислять себя к ним, в то время как обедневшие *янбаны*, среди которых было много тех, кто принадлежал к проигравшим в политической борьбе и отстраненным от государственного аппарата чиновниччьим кланам, теряли свой статус и вели жизнь как простолюдины. Но развивались литература на корейском языке, народный театр и музыка; военное дело и техника. В то же время торговля и предпринимательство оставались по-прежнему непопулярными «подлыми» занятиями для «благородного мужа», и практически никаких шагов по их развитию сделано не было.

Имджинская война доказала, что существующее в стране пренебрежение к военным делам и отсутствие военных знаний и интересов у чиновников-конфуцианцев, оставаясь неизменным, может привести страну к гибели. Однако проблема военной подготовки по-прежнему не становилась основной темой обсуждений. До нападения Японии корейцы пребывали в уверенности, что отношения между Минским Китаем и Кореей как «старшего» и «младшего» в

²⁵⁰ Янбан 両班 – общее название для правящего сословия; чиновничьи кланы, аристократия

системе дипломатических отношений *садэ* 事大²⁵¹ гарантируют безопасность и автоматически избавляют Корею от любой угрозы извне. Поэтому при высоком уровне бюрократической культуры, наличии одной из самых высокоорганизованных систем управления на Дальнем Востоке, Корея оставалась в военном отношении слабейшим государством региона.

Во многом это определялось засильем чиновничьих кланов в бюрократическом аппарате, не позволявшим продвигаться представителям иных кланов, «школ». Подобные группировки в корейской историографии принято называть «партиями», хотя, как отмечает А.Н. Ланьков, между «партиями» в Корее в XVI-XVIII вв. отсутствовали «не только различия в политическом курсе, но и, собственно говоря, политический курс как таковой»²⁵². Различались эти группировки по философским взглядам, по географическому положению (месту проживания большинства ее представителей, расположению конфуцианских учебных заведений – *совонон* 書院, объединявших *янбан* одной «партии»). Формального же где-либо зафиксированного списка участников или программы не было.

Принадлежность к «партии», придворной группировке, определяла возможность продвижения по карьерной лестнице, успех или провал предложенной реформы, а порой и семейную жизнь конкретного человека.

Как пишет В.М. Тихонов, с одной стороны, члены «партий» были заинтересованы в том, чтобы выявить у соперников случаи коррупции и неэффективности, поэтому взаимный контроль групп облегчал функционирование государственного аппарата. Кроме того, влияние группировки при дворе предотвращало концентрацию власти в стране в руках одного государя и злоупотребление своими полномочиями. С другой же стороны, по причине передачи «принадлежности» к той или иной «партии» по наследству, отстранение одной из «партий» от власти означало серьезный удар по значительной группе

²⁵¹ Садэ 事大 – «почитание старшего [государства]», основа конфуцианского миропорядка.

²⁵² Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995. С. 93.

чиновничьих семей²⁵³. К концу XVII в. засилье придворных группировок и их постоянная борьба превратились в основное препятствие для поступательного развития страны.

Становление первых «партий», придворных группировок, ученые соотносят с событиями начала 1570-х гг., когда между чиновниками Ким Хёвоном 金孝元 (1542-1590) и Сим Йигёном 沈義謙 (1535-1587) разгорелся конфликт из-за должности заведующего кадрами *чоллан* 銓郎 в министерстве чинов²⁵⁴. Эта невысокая должность считалась ключевой, так как заведующий кадрами рекомендовал чиновников для назначений. В 1575 г., когда Ким, уходя с должности, отказался рекомендовать брата препятствовавшему ему прежде Сима в качестве своего преемника, конфликт перерос в открытый скандал. Сторонниками Ким Хёвона были преимущественно обладатели низших и средних чинов, и их стали называть «восточными», так как дом Кима находился на восточной окраине Сеула. Сим Йигён же жил западнее, ближе к дворцу государя, и его сторонники, среди которых большинство занимали высокие чины, стали именоваться «западными». Кроме того, Ким Хёвон был учеником Ли Хвана 李滉 (1502-1571) и «Ённамской научной школы» Ённам хакпха 嶺南學派, а Сим Йигён – учеником Ли И 李珥 (1537-1584) и представителем «научной школы Центральной провинции» Кихо хакпха 畿湖學派. При этом, как отмечает в главе «Человеческие помыслы» Ли Джунхван, Ли И пытался урезонить обе стороны и даже настаивал на отставке Сим Йигёма. По мнению Ли Джунхвана, это доказывает, что сам Ли И, хотя и был виноват в расколе, но не принадлежал ни к одной из группировок²⁵⁵.

К концу XVI в. «восточные» разделились на две «партии»: умеренных «южан» и радикальных «северян» - названия вновь происходили из географического расположения резиденций лидеров групп. (В задачи настоящей диссертации не входит подробное описание политической борьбы периода Чосон,

²⁵³ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 311.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / ред. Чхве Намсон. С. 58.

а также выдвигаемые партиями идеи, так как это не имеет прямого отношения к заявленной теме и жизни Ли Джунхвана, созданию «Описания...». Поэтому мы ограничимся только упоминанием основных этапов межпартийной борьбы, повлиявшей на жизни и творчество Ли Джунхвана).

Помимо внутренних проблем, одной из которых являлась борьба между придворными группировками, Корея в XVII переживала также духовный кризис, связанный со сменой правящей династии в Китае в 1644 г.

Глубокий внутренний кризис Минской династии в 30-40-е гг. XVII в. привел сначала к одному из самых затяжных в истории Китая народному восстанию 1628-1644 г., а затем, в 1644 г., - к захвату власти маньчжурами. Отечественные синологи, среди которых А.В. Меликsetов, разделяют четыре этапа завоевания Китая маньчжурами, последний из которых заканчивается в 1683 г.²⁵⁶, хотя именно в 1644 г. произошла коронация малолетнего сына маньчжурского хана Хун Тайчи (1592-1643, правление 1626-1643) в качестве императора Китая, и с этой даты начинает отсчет династия Цин (1644-1912).

Смена «старшего» в системе отношений *садэ*, существовавших между Китаем и Кореей, воспринималась как удар по всей системе ритуала. Более того, к власти пришел не новый легитимный правитель, но «варвары», захватившие трон, а потому выступавшие в качестве «нарушителей гармонии». Это также сыграло свою роль в усилении интереса корейцев к собственной истории, географии, литературе, попытке утвердить себя в качестве «последнего оплота конфуцианства» и «Малого Китая» (идея *соджунхва* 小中華).

До падения Минской династии правители Чосона, кроме Кванхэгунда 光海君 (1575-1641, правление 1608-1623), велевшего корейским солдатам уклоняться от активного участия в китайско-маньчжурских боях и старавшегося избавить Корею от нового иноземного нашествия²⁵⁷, помогали Китаю ценой благополучия своей страны. Кванхэгун же, которого поддерживала только одна из группировок «северян», получившая название «большая северная партия», был сослан и не

²⁵⁶ Меликsetов А.В. История Китая. 4-е изд. М., Оникс, 2007. С. 266.

²⁵⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 338-339.

получил посмертного имени за отказ помочь «старшему». Поддерживавшие Кванхэгуна «северяне», среди которых было много философов и литераторов, отрицательно относились к неоконфуцианству, сформировавшемуся в Китае в XI в. В своих работах они обращались к традиционной китайской классике – «Книге перемен»²⁵⁸, «Книге песен»²⁵⁹, «Канону исторических описаний»²⁶⁰ и др., – утверждая, что сторонники неоконфуцианства, увлекшись управлением страной, забывают о самодисциплине и саморазвитии²⁶¹.

Пришедший на смену Кванхэгуну ван Инджо 仁祖 (1623-1649) выдвинул лозунг поддержки династии Мин в борьбе с маньчжурами, хотя Корея все еще переживала последствия разрушительной Имджинской войны. Инджо поддерживали «западные» и, в меньшей степени, «южане» и «малая северная партия». Однако борьба между придворными группировками привела к тому, что ван в 1624 г. был вынужден бежать из столицы в провинцию. Проводившаяся же Инджо жесткая антиманьчурская политика привела к двум (1627 г. и 1636 г.) маньчурским нашествиям, в результате которых в 1636 г. Корея была вынуждена признать свой вассалитет по отношению к новой династии Цин и разорвать все отношения с Минами. Однако «западные» и после этого подпольно продолжали собирать боеприпасы и вооружение для наступления на Цин, что приводило к новым экономическим затруднениям.

С приходом Инджо к власти, в Чосоне усилились позиции неоконфуцианства. Те интеллектуалы, кто, как и «северяне», критиковали его, были объявлены «врагами конфуцианства» *самун нанджок* 斯文亂賊. Это, однако, привело к тому, что многие интеллектуалы стали уходить со своих должностей в знак протеста, чтобы позднее сформировать движение «За древние знания» *кохак*

²⁵⁸ «Книга перемен» *易經* (кит. *И цзин*) – наиболее ранний из древних китайских философских текстов. Входит в состав «Пятикнижия» *五經* (кит. *У цзин*).

²⁵⁹ «Книга песен» *詩經* (кит. *Ши цзин*) – один из древних китайских литературных памятников, содержащий 305 народных песен и стихотворений различных жанров, написанный, предположительно, в XI-VI вв. до н.э. Входит в состав «Пятикнижия».

²⁶⁰ «Книга истории» *書經* (кит. *Шу цзин*) – содержит документы по древнейшей истории Китая, редакция которых приписывается Конфуцию. Входит в состав «Пятикнижия».

²⁶¹ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era / translated by Hahn Chaibong. P. 231.

古學, к коему присоединились многие «северяне» и проживавшие близ столицы «южане».

С другой стороны, именно в период правления Инджо корейцы впервые познакомились с европейцами и европейской культурой. В 1628 г. у берегов Кореи потерпел крушение корабль голландских моряков, трое из которых впоследствии были взяты на службу в Управление боевой учебы как эксперты по артиллерию. В 1630 г. корейский посол встретился в Китае с жившими там иезуитами и привез домой некоторые переведенные иезуитами на китайский язык трактаты, среди которых были как религиозные, так и научные - астрономические и географические. Кроме того, он привез европейскую пушку, будильник и подзорную трубу, но конфуцианское общество не заинтересовалось «варварскими» предметами. В 1644 г. в Корею вернулся сын Инджо, принц Сохён 昭顯世子 (1612-1645), познакомившийся в Цинском Китае с иезуитами и заинтересовавшийся европейской культурой. С собой он привез глобус, доказавший, что земля представляет собой шар, а не является плоскостью, но конфуцианцы вновь не проявили интерес к «варварским» достижениям. Вскоре после возвращения принц скончался в результате неудачной операции, супруга по приказу Инджо приняла яд, и два сына вместе со всеми приближенными были сосланы на отдаленный остров Чеджудо и там умерщвлены.

Мы предполагаем, что виной всему было не только предвзятое отношение к «варварам», но и боязнь элиты, опиравшейся на синоцентричную модель мира, потерять власть через утрату своей легитимности. Ведь если земля представляет собой шар, то у него нет центра, и нет «Срединного государства», который утверждает монарха в Корее и на порядки которого должно равняться.

Несмотря на общее негативное отношение к привезенным знаниям, среди корейских интеллектуалов, преимущественно «южан», потесненных «западными» от рычагов правления, рос интерес к новым идеям. Продолжало развиваться сформировавшееся в XVI в. «движение за реальные знания» *сирхак* 實學. Сирхакисты видели межпартийную борьбу и социальные изменения в обществе

как препятствия, мешающие справедливому управлению страной и сохранению облика «благородного мужа». Их идеалами были правители легендарной династии Ся (2070-1765 гг. до н.э.), государства Шан (1600-1027 гг. до н.э.), государства Чжоу (1045-221 гг. до н.э.), а также мифические корейские правители. Деятели *сирхак* не получали поддержки государства и часто не состояли на службе, избрав для себя уединенный образ жизни в родных краях. Так они могли видеть проблемы государства «изнутри» и следовать «путем “благородного мужа”», не участвуя в межклановой придворной борьбе.

После смерти Сохёна Инджо наследовал второй сын – Хёджон 孝宗 (1619-1659, правление 1649-1659). При нем власть концентрировалась у «западных» и чхунчхонских *янбан*, лидером которых был воспитатель Хёджона Сон Сиёль 宋時烈 (1607-1689). Хёджон тщательно подбирал сторонников, и все министры, которые так или иначе поддерживали Цин, были смешены с должностей²⁶². Сон Сиёль продвигал идею «похода на Север» *пукполь* 北伐 – выступление в союзе с поддерживающими Мин китайскими войсками на маньчжурскую империю с завоеванием последней. «Южане» выступали с критикой *пукполь*, видя в ней, как и в развитии торговых отношений, бескомпромиссном усилении позиций неоконфуцианства, урон для простого люда: упадок сельского хозяйства, финансовый кризис и общественные беспорядки. Несмотря на сложность реализации плана, Хёджон велел подготавливать войска. По иронии судьбы в 1654 и 1658 гг. эти отряды воевали на стороне Цин в вооруженных столкновениях между маньчжурской армией и русскими казачьими отрядами в Приамурье, известных как *насон чонбёль* 羅禪征伐 «усмирение России»²⁶³.

После Хёджона к власти пришел его сын Хёнджон 顯宗 (1641-1674, правление 1659-1674), при котором между «южными» и «западными» происходили т.н. «дискуссии об этикете» *есон* 禮訟. Причиной дискуссий было желание каждой из «партий» монополизировать высшие уровни государственной

²⁶² Ibid. P. 186.

²⁶³ Подробнее см. Симбирцева Т.М. Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 // Традиционная культура Востока Азии: сб. статей. Вып. 3. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2001. С. 179-188.

власти, а поводами становились отдельные элементы придворного ритуала, важного, с точки зрения существовавших представлений, для гармонии в обществе и «космосе». Так, одна из дискуссий касалась срока траура матери скончавшегося государя по сыну, если тот был вторым сыном. Другая же затрагивала вопрос о том, может ли чиновник отказаться от выполнения государственного долга из-за долга семейного, т.е. может ли, например, чиновник отказаться от приема (или участия в приеме) цинских послов, если в его семье были пострадавшие во время цинских нашествий (1627 и 1636 гг.). В первой дискуссии Хёнджон поддержал Сон Сиёля, настаивавшего на годовом трауре вместо трехгодичного. Во второй же ван встал на сторону «южан», утверждавших главенство служебных обязанностей над принципом «сыновней почтительности». После третьей дискуссии (1674 г.), в которой рассматривался срок траура матери Хёджона по скончавшейся невестке, группировка Сон Сиёля оказалась потеснена «южанами». Вопрос о «походе на Север» чиновниками более не рассматривался, как и внутренние проблемы страны, среди которых – голод и эпидемии (1662, 1663, 1668 гг.).

Период правления вана Сукчона 肅宗 (1661-1720, правление 1674-1720), на который приходится время становления Ли Джунхвана, – это пик межпартийной борьбы, сопровождавшейся радикальными «переменами власти» *хвангук* 換局 – сменами партий, и, соответственно, жестокими «чистками» в отношении побежденных. Так как взросление Ли Джунхвана и приобретение им первых знаний о мире и поиск себя приходится большей частью именно на этот период, мы считаем целесообразным остановиться на правлении Сукчона подробнее.

Ван Сукчон пришел к власти в 14 лет, и к началу его правления функционировали две «партии»: «западная» и «южная», игравшие в тот момент значительную роль в корейской политической жизни. В результате третьей «дискуссии об этикете» власть сосредоточилась в руках «южной партии», но вскоре подросший Сукчон стал видеть в гегемонии «южан» угрозу, и, воспользовавшись доносами, устроил «генеральную чистку»: видные представители фракции были казнены, иные отправлены в ссылку. На смену

«южанам» пришли «западные», однако уже в 1682-1684 гг. они раскололись на две противоборствующие группы: «фракцию стариков» *норон* 老論 и «фракцию молодых» *сорон* 少論.

«Старики», возглавляемые Сон Сиёлем, почитали Чжу Си и причисляли «южан» к «еретикам» и «хулиелям священных текстов» уже за малейшие сомнения последних в правильности чжусианских комментариев²⁶⁴. «Молодые» же, ведомые бывшим учеником Сон Сиёля Юн Джыном 尹拯 (1629-1714), занимали примирительную позицию и считали возможным выдвижение «южан» на определенных условиях.

В народе в тот момент бытовало множество горьких шуток, появившихся как отклик на постоянную межпартийную борьбу. Одна из них приводится писателем Пак Тусе 朴斗世 (1650~1733) в произведении «Ночная беседа в Ёровоне» 要路院夜話記 (*Ёровон яхваги*): «Когда богатый янбан спрашивает бедного, обучил ли он уже своего младшего сына счету, показал ли ему стороны света, тот отвечает, что счету, мол, обучил, а вот стороны света не стал показывать: “Теперь и без того слишком хорошо знают восток, запад, юг и север. И стоит ли опасаться, что дети не узнают это сами?”»²⁶⁵.

К концу 1680-х гг. межпартийные разногласия и борьба за власть усилились. Причиной тому было отсутствие у Сукчона наследника от законной жены: официальной первой женой Сукчона была поддерживаемая партией «стариков» королева Инхён 仁顯王后 (1667-1701), но на протяжении 20-летнего брака королеве так и не удалось родить.

В 1688 г. сына от Сукчона понесла наложница Чан Хыйбин 張禧嬪 (1659-1701), чью семью поддерживали «южане». Умерла королева-мать Чаннёль 莊烈王后 (1624-1688), двоюродная прабабка Сукчона, поддерживавшая «стариков» и не желавшая, чтобы сын наложницы Чан становился наследником, и Сукчон выслал королеву Инхён из дворца.

²⁶⁴ Там же. С. 346.

²⁶⁵ Пак Тусе. Ночная беседа в Ёровоне (*Ёровон яхваги*). Пхеньян, 1956. Р. 53. Цит. по: Елисеев Д.Д. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). М., Главная редакция Восточной литературы, Наука, 1977. С. 151.

В 1689 г. за отказ признать сына Сукчона от наложницы Чан, будущего вана Кёнджона 景宗 (1688-1724, правление 1720-1724), законным наследником, и «старики», и «молодые» полностью были отстранены от власти: более 100 человек, в том числе Сон Сиёль, – казнены и сосланы. К власти вернулись «южане».

В 1694 г. Сукчону родила сына, будущего вана Ёнджо 英祖 (1694-1776, правление 1724-1776), другая наложница – служанка, ведавшая выносом помоев, а потому занимавшая одну из самых низких статусных ступеней в дворцовой иерархии, Чхве Сукпин 崔淑嬪 (1670-1718). В противовес «южанам», Ёнджо (до коронации – принц Ённгун 延礪君) поддерживали «западные» («старики» и «молодые»). Партия «молодых» в это время по-прежнему рекомендовала Сукчону лишить наложницу Чан королевского титула и вернуть из изгнания законную королеву. Сукчон, который также не хотел усиления «южан» при дворе, прислушался к их словам. Наложница Чан была обвинена в планировании преступлений против королевской семьи и лишена королевского титула. Многие «южане», поддерживавшие ее, были казнены. Оставшихся отстранили от власти, и они никогда более не могли к ней вернуться. Политическая гегемония окончательно перешла к «западным», среди которых наиболее успешно действовали «старики», аккуратно устранивая конкурентов и помогая единомышленникам занимать выгодные посты.

Борьба между «западными»: «стариками» и «молодыми» - продолжилась. Однако вскоре при дворе практически сформировалась «однопартийная диктатура» «стариков», ослаблявшая государственную власть и препятствовавшая продвижению представителей других придворных группировок по карьерной лестнице. Теперь даже при успешной сдаче экзамена без поддержки этой «партии» было невозможно занять должность, что приводило янбанские семьи к разорению. Победа «стариков» привела к «ускоренному разложению сословной системы: побежденные в борьбе группировки практически лишились основной

привилегии господствующего сословия, т.е. права на чиновничью карьеру и участие в политической жизни»²⁶⁶.

В 1701 г. вновь начались «чистки»: наложница Чан была обвинена в смерти королевы Инхён. Сама наложница и все, кто был с ней связан (в том числе оставшиеся в живых «южане»), были обвинены в заговоре и по приказу Сукчона выпили яд. С этого года начинается противостояние группировок «стариков» и «молодых»: Кёнджона стали поддерживать «молодые», а Ёнджо – «старики».

Эти события произошли до рождения Ли Джунхвана и в первые годы его жизни. Его род поддерживал «южан», а не «западных»: именно в результате инцидента с наложницей Чан был убит его двоюродный дед Ли Джам 李簪 (1660-1706), старший брат Ли Ика, принявшего по этой причине решение полностью отказаться от чиновничьей карьеры и всю жизнь прожить отшельником в деревне Чхомсонни 瞻星里 (уезд Кванджу 光州 провинции Кёнгидо)²⁶⁷. Таким образом, можно говорить о том, что судьба Ли Джунхвана во многом была заранее предрешена: после того, как «южане» были отстранены от власти, их представители могли рассчитывать лишь на низкие должности в административном аппарате страны.

С другой стороны, в последние годы правления Сукчон постепенно начал проводить политику привлечения янбан на службу по способностям, а не из-за «партийной» принадлежности. Рассмотрим, как это сказалось на биографии Ли Джунхвана.

3.2. Биография Ли Джунхвана

Как пишет С.О. Курбанов, «исторической можно считать такую личность, информация о жизни которой не исчезает после ее смерти»²⁶⁸. Но, обратившись к биографии Ли Джунхвана, мы увидим, что и при жизни современникам о нем было известно мало. Один из многих чиновников, чье имя кануло бы в Лету, если

²⁶⁶ Тихонов В.М., *Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 346-347.

²⁶⁷ Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. С. 44.

²⁶⁸ Курбанов С.О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). С. 101.

бы не внезапное желание составить «Описание избранных деревень», обретшее популярность.

Родился Ли Джунхван в г. Конджу 公州 (провинция Чхунчхондо) в 1690 г. Он принадлежал к роду Ли из Ёджу 驪州 (провинция Кёнгидо). «Взрослое имя» Ли Джунхвана – *ча* 字 – Хвиджо 輝組; литературный псевдоним *хо* 號 – Чхондам 清潭, Чхонхва санин 靑華山人 и Чхонхваджа 靑華子²⁶⁹.

Отцом Ли Джунхвана был чиновник младшего второго ранга (уровень замминистра) *чхамхан* 參判 Ли Джинхю 李震休 (1657~1710), который в 1701 г. служил губернатором провинции Чхунчхондо²⁷⁰ или, как считают другие исследователи, – работал в Министерстве ритуала²⁷¹. Двоюродным дедом Ли Джунхвана (по общему прадеду) был крупнейший ученый Ли Ик (1681-1763), интересовавшийся буквально всеми областями знаний, от астрономии и всемирной географии до медицины и математики, изучал европейскую литературу, переведенную на китайский язык²⁷². Среди наиболее известных предков Ли Джунхвана также были корейский поэт Ли Гюбо 李奎報 (1168-1241) и ученый Ли Онджок 李彦迪 (1491-1553)²⁷³, сторонник «просвещенной монархии»²⁷⁴. Также одним из известных предков Ли Джунхвана был Ли Саный 李尙毅 (1550-1624), чиновник из «северной партии», потерявший свое положение после прихода Инджо к власти в 1623 г.²⁷⁵. Сам Ли Джунхван по материнской линии относился к группе «южан».

²⁶⁹ Псевдонимы Ли Джунхвана можно перевести как «Прозрачный омут», «Отшельник с горы Чхонхвасан», «Сын [гор] Чхонхва». Гора Чхонхвасан, топоним который был избран Ли, расположена на границе между современными провинциями Чхунчхондо и Кёнсан-Пукто.

²⁷⁰ *Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / пер. Ли Иксон.* С. 3.

²⁷¹ *Koishi Akiko. Ri Ju-kan to Takurishi (Yi Chung-hwan and the T'aengniji). Shosen Gappo, Vol. 115 (1985). P. 33.* Цит. по *Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements.* P. 5.

²⁷² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 359-360.

²⁷³ *Kim Cheng-sim. Исследование «Описания избранных деревень» (Тхэнниджи) Ли Джунхвана (Ли Джунхван-ый Тхэнниджи-е кванхан ёнгу).* Seoul, Sungmyong Women's University, MA thesis, 1982. P. 3. Цит. по *Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements.* P. 6.

²⁷⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 306.

²⁷⁵ Син Бёнджу. Взгляд Ли Джунхвана на историю через «Описание избранных деревень» (Тхэнниджи): описание людей и событий (Тхэнниджи-рыль тхонхэ бон Ли Джунхван-ый ёксайнсик. Инмуль-гва сагон кирог-ыль чунсим-ыро) // Тонгук сахак, Вып. 58. Сеул, Тонгук ёксамунхва ёнгусо, 2015. Р. 3.

Мы полагаем, что род Ли Джунхвана не был знатен: вероятнее всего, Ли из Ёджу – бывшие крупные землевладельцы, которые в поздний период Корё (935-1392) смогли, успешно сдав экзамены на чин, занять невысокие чиновничие должности, а потом благодаря своим заслугам стали продвигаться по карьерной лестнице. Мы делаем этот вывод на основе электронных материалов, в том числе информации с сайта клана Ли из Ёджу²⁷⁶. Джон Дункан, изучая «сильные дома» и влиятельные рода периода Корё и начала Чосона, также не упоминает Ли из Ёджу²⁷⁷ ни в одной из составленных им статистических таблиц. Позднее, возможно, благодаря заслугам в службе и выгодным бракам с «сильными домами», положение представителей клана улучшилось. Сам Ли Джунхван пишет в заключении «Описания...», что Ли из Ёджу – потомки китайских поселенцев, перешедших границу в XII-XIII вв.²⁷⁸.

О жизни Ли Джунхвана до двадцати лет на данный момент нет подробных сведений, кроме того, что Ли Ик учил его ханмуну и высоко оценивал способности в сочинении стихов и прозы²⁷⁹. При этом мы хотим обратить внимание, что разница в возрасте между Ли Джунхваном и Ли Иком составляла всего девять лет, и, судя по дальнейшим событиям, вплоть до последних дней Ли Джунхвана оба мужчины тесно общались.

В 24 года (1713) Ли Джунхван успешно сдал государственные экзамены и получил место сотрудника в придворном Ведомстве дипломатической переписки *Сынмунвон* 承文院. С 1717 г. работал ревизором *чхальбан* 察訪 в уезде Кимчхон 金泉 в провинции Кёнсандо, а с 1719 г. – историком в Королевском секретариате *Сынджонвон* 承政院²⁸⁰.

²⁷⁶ Сайт клана Ли из Ёджу. [Электронный ресурс] URL: <http://www.leemisung.kr/html/main.html> (обращение 16-17 декабря 2016 г.)

²⁷⁷ Duncan J.B. The Origins of the Choson Dynasty. Washington, University of Washington Press, 2014. 408 pp.

²⁷⁸ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 87-88.

²⁷⁹ Син Бёнджу. Взгляд Ли Джунхвана на историю через «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*): описание людей и событий (*Тхэнниджи-рыль тхонхэ бон* Ли Джунхван-ый ёксаинсик. Инмуль-гва сагон кирог-ыль чунсим-ыро). Р. 3.

²⁸⁰ Королевский секретариат *Сынджонвон* ведал всеми документами, докладами и меморандумами и выступал посредником между правителем и учреждениями, чиновниками (кроме высших). Два сотрудника – *чусо* 注書 – были историками-сагванами и одновременно значились по Историческому управлению *Чхунчхугван* 春秋館 и принимали участие в составлении «истинных записей» *силлок* 實錄. Хотя ранги его сотрудников были невысоки

После женитьбы на дочери влиятельного чиновника Мок Имиля 睦林一 (1646-?)²⁸¹ Ли Джунхван сблизился с представителями этого клана, принадлежавшими к придворной группировке «молодых». Клан Мок, согласно книгам рода, происходил из города Сачхон 泗川, расположенного в провинции Кёнсандо, и вел свою историю с XIII в. Примечательно, что Ли Ик также женился на девушке из этого клана²⁸².

Другом тестя Ли Джунхвана был старший придворный геомант чигван 地官 Мок Хорён 睦虎龍 (1684-1724). Известно, что он несколько раз вместе с Ли Джунхваном выезжал осматривать территорию страны в поисках благоприятных для захоронений мест²⁸³. Так Ли Джунхван оказался приближен к королевскому двору.

В 1720 г. ван Сукчон скончался, оставив после себя двух потенциальных наследников. Старший сын Кёнджон был признан законным королем. Через два месяца был определен другой преемник, принц Ёнингун. По одной из версий, Сукчон, сомневаясь в способностях старшего сына, еще в 1717 г. намекнул лидерам «стариков» о том, чтобы Кёнджон не оставался у власти²⁸⁴.

«Молодые» не участвовали в процессе выбора наследника бездетному Кёнджону, и для них назначение принца представляло собой угрозу.

У Кёнджона было от рождения слабое здоровье, и, кроме того, его мать, наложница Чан, перед смертью пыталась убить сына, поэтому «молодые» опасались за его безопасность. Они даже следили за слугами, которые несли принца Ёнингуна на носилках, и преграждали его путь к Кёнджону, когда Ёнингун приходил узнать о его здоровье²⁸⁵.

(чусо – полный седьмой ранг), это была хорошая «стартовая площадка» для карьерного продвижения. Подробнее см. Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 265-266. Автор благодарит Т.М. Симбирцеву за консультацию по данной теме и многим другим, а также помочь с определением должности Ли Джунхвана в системе чинов.

²⁸¹ Син Бёнджу. Выдающиеся произведения периода Чосон (Чосон чхвего-ый мёнджодыль). Р. 159.

²⁸² Син Бёнджу. Взгляд Ли Джунхвана на историю через «Описание избранных деревень» (Тхэнниджи) (Тхэнниджи-рыль тхонхэ бон Ли Джунхван-ый ёксайнсик. Инмуль-гва сагон кирог-ыль чунсим-ыро). Р. 3.

²⁸³ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / пер. Хо Гёнджин. Пхаджу: Пхаджу чхульпханса, переизд. 2012. Р. 21.

²⁸⁴ Jackson Andrew D. The Causes and Aims of Yöngjo's Chöngmihwan'guk // Papers of the British Association of Korean Studies, Vol.13, 2011. Р. 24.

²⁸⁵ Ю Джонмун. Изложение содержания «Истинных записей (правления) династии Чосон» (Ияги-ро пхуроосын Чосон ванджо силлок). Сеул, Айтхэмбуксы, 2014. Р. 399.

Спустя 10 дней после восшествия Кёнджона на престол, «молодые» обвинили четырех министров из партии «стариков» – Ким Чханджипа 金昌集 (1648-1722), Ли Гонмёна 李健命 (1663-1722), Ли Имёна 李頤命 (1658-1722) и Чо Тхэчхэ 趙泰采 (1660-1722) – в заговоре, целью которого было свержение вана. Министры были сосланы, а пятьдесят других «стариков» – наказаны. Это стало первым актом «межпартийной» борьбы периода Кёнджона, получившей в истории название «массовые казни [годов] син-им» 辛壬士禍 – 1721-1722 гг., сыгравших решающую роль и в жизни Ли Джунхвана.

Но на данном этапе Ли Джунхван не принимал участия в борьбе придворных группировок, посвящая свободное время изучению поэзии. Так в 1721 г. вместе с друзьями-«южанами», все из которых происходили из знатных семей, он организовал общество любителей поэзии *cisa* 詩社²⁸⁶. Помимо Ли Джунхвана, туда входили Кан Пхильсин 姜必愼 (1687~1756), Ли Инбок 李仁復 (1683~1730), О Гванун 吳光運 (1689~1745), Кан Бак 姜樸 (1690~1742)²⁸⁷. Собрания общества проходили в храме Чонхоса 淨土寺 на холме Пэннёнбон 白蓮峰, поэтому позднее члены общества свой рукописный поэтический сборник озаглавили как «Записи [на холме] Пэннён[бон]» 白蓮錄 (*Пэннённок*).

Это было время, когда «молодые» смогли отстранить ослабленных «стариков» от власти и продвинуться по службе, воспользоваться новыми привилегиями. Это был их взлет и одновременно раскол: весной 1722 г. «молодые» разделились на умеренных *вансо* 緩少 и радикалов *чунсо* 埃少. Умеренные поддерживали опальных «стариков» и их политическую линию, радикалы же позиционировали себя как преданные сторонники Кёнджона, стремящиеся сохранить власть вана.

²⁸⁶ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. И вновь, что такое сирхак? (*Taci, сирхагиран муосинга*). Сеул, Халлим, 2007. Р. 224.

²⁸⁷ Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг (*Токсо-ва чисиг-ый пхунгён*). Р. 193.

Позднее, в том же 1722 г., Мок Хорён подал вану «Запись о чрезвычайном происшествии» 告變書²⁸⁸, в которой предупреждал Кёнджона о возможной опасности. В «Записи» говорилось о том, что ряд представителей «стариков», среди которых сыновья сосланных министров, планируют убийство или же низложение вана одним из следующих способов: с применением холодного оружия, яда или же написания порочащей Кёнджона песни *каса*²⁸⁹. По версии событий, предложенной Э. Джексоном, Мок Хорён выступал на стороне радикалов, и его «Запись» в первую очередь – политический ход²⁹⁰.

В результате «массовых казней [годов] син-им» было лишено жизни около 30 представителей фракции «стариков» (включая сосланных министров), 114 (включая родственников заговорщиков до четвертого колена) – сослано, 9 – принуждены к самоубийству, 173 – посажены в тюрьмы²⁹¹. «Молодые», соответственно, смогли вновь занять освободившиеся посты. Ли Джунхван, в частности, в 1722 г. получил назначение в Военное министерство на должность *чоннан* 正郎, которая соответствоваланому пятому рангу. Как утверждает корейский ученый Хон Исон, «эту должность обычно занимали те, кому было уготовано блестящее будущее»²⁹².

Вторая «волна» была угрозой не только для власти «стариков», но и для самого Ёнджо, который одного за другим терял имевших власть сторонников. «Молодые» радикалы утвердили свое влияние при дворе, и чаша весов склонилась в их и Кёнджона сторону. Партия «стариков» и умеренные «молодые» оказались значительно ослаблены, но в 11-м месяце 1723 г. «старики» подали вану доклад, в котором обвиняли «молодых» в фальсификации заговора.

Последовали новые казни и новые ссылки. Ли Джунхван (как близкий Мок Хорёну, а также в силу родственных связей – как принадлежавший к фракции «молодых» и «южан» человек) был схвачен и обвинен в пособничестве

²⁸⁸ Син Бёнджжу. Выдающиеся произведения периода Чосон (*Чосон чхвего-ый мёнджодыль*). Р. 159.

²⁸⁹ Ю Джонмун. Изложение содержания «Истинных записей (правления) династии Чосон» (*Ияги-ро пхуроэссын Чосон ванджсо силлок*). Р. 399-400.

²⁹⁰ Jackson Andrew D. The Causes and Aims of Yøngjo's Chøngmihwan'guk. Р. 25.

²⁹¹ Ibid.

²⁹² Hong I-Söp. Yi Chung-hwan's Geographical Thought in T'aengniji. Р. 41.

заговорщикам. Свое участие в заговоре Ли Джунхван отрицал, и прямых доказательств против него не было. Согласно «Истинным записям (правления) династии Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*), он обвинялся в том, что одолжил Мок Хорёну лошадь в период своей службы в Кимчхоне (1717-1719), хотя сказал, что потерял ее. Лошадь была найдена у заговорщика Ли Чхонги 李天紀 (?-1722)²⁹³. В 1723 г. Мок Хорён и Ли Джунхван были амнистированы, и расследование их участия в заговоре было завершено²⁹⁴.

Считается, что именно «массовые казни [годов] син-им» явились возможной причиной смерти слабого здоровьем Кёнджона²⁹⁵ (1724). Смерть его, по официальной версии, наступила в результате продолжительной болезни, но есть также предположение, что он был отравлен кушаньями, посланными ему Ёнджо²⁹⁶. Как также пишет К.В. Ермаков, «в глазах значительной части “политического истеблишмента” того времени фракция “стариков” в той или иной степени была причастна к его смерти»²⁹⁷.

К власти пришел Ёнджо, первые годы правления привлекавший «стариков» к управлению страной, так как они прежде поддерживали его. Однако очевидной целью «стариков» было окончательное уничтожение радикалов и абсолютная власть при дворе, что противоречило интересам монарха. Сразу после вступления на престол он издал закон, согласно которому разжигание групповых распрея стало приравниваться к измене и мятежу²⁹⁸. Кроме того, чтобы «успокоить» «стариков», Ёнджо вновь потребовал расследования событий годов син-им, поэтому все «молодые», так или иначе связанные с заговором, вновь были арестованы. Мок Хорён был казнен.

²⁹³ Истинные записи (правления) Кёнджона (*Кёнджон силлок*) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*). Кwon 12, день 11, месяц 5, 1723. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 22 февраля 2015 г.)

²⁹⁴ Истинные записи (правления) Кёнджона (*Кёнджон силлок*) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*). Кwon 13, день 2, месяц 9, 1723. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 22 февраля 2015 г.)

²⁹⁵ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 348.

²⁹⁶ Jackson Andrew D. The Causes and Aims of Yöngjo's Chöngmihwan'guk. Р. 25.

²⁹⁷ Ермаков К.В. Псевдонимы Чон Дасан (1762-1836) как вехи его биографии // Вестник российского корееведения, №3. М.: Восточная литература РАН, 2011. С. 41.

²⁹⁸ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 348.

В 1724 г. Ёнджо на освободившиеся посты назначал «умеренных» и «стариков», а также возвращал из ссылки тех, кто оказался там из-за событий 1721-1722 гг., однако обвинения с участников не были полностью сняты.

В 1725 г., пользуясь новыми наветами «стариков» на радикалов, Ёнджо ужесточил карательные меры в отношении тех, кто был замешан в «массовых казнях [годов] син-им» и имел отношение к Мок Хорёну. Расследование участия Ли Джунхвана было продолжено, хотя в летописи «Истинные записи (правления) Ёнджо» указано, что он не признавал своей вины и в связях с заговорщиками (кроме Мок Хорёна) замечен не был²⁹⁹. Против него использовали положительные оценки, которые давал его работе Мок Хорён, и родственные отношения с «южанином» Ли Джамом. Несколько раз Ли Джунхвана пытали.

В 1726 г. казнь Ли Джунхвана была заменена изгнанием, и он был сослан на небольшой удаленный остров 絶島³⁰⁰. Стоит отметить, что ссылка на остров, с точки зрения корейской мифологии, символизировала смерть человека для общества. Как пишет С. Хойслер, «нахождение кого-либо в замкнутом, круглом пространстве означает состояние смерти. Вероятно, поэтому в прошлом корейские тюрьмы имели круглую форму: подразумевалось, что заключенный во время пребывания в тюрьме был социально “мертв”, а выйдя из тюрьмы, “рождался” в новом качестве и начинал новую социальную жизнь»³⁰¹. А.Н. Ланьков замечает, что «по традиции, восходящей еще к древнему Китаю, в Корее было принято выделять “пять видов наказаний”… при династии Ли (1392-1910) к “пяти видам наказаний” относились (в порядке возрастания тяжести): 1) “малые палки”; 2) “большие палки”; 3) “ближняя ссылка”; 4) “ дальняя ссылка”; 5) смертная казнь»³⁰².

²⁹⁹ Истинные записи (правления) Ёнджо (*Ёнджо силлок*) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝 實錄 (*Чосон ванджо силлок*). Квон 3, дни 16-19, месяц 2, 1725. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 22 февраля 2015 г.)

³⁰⁰ Истинные записи (правления) Ёнджо (*Ёнджо силлок*) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝 實錄 (*Чосон ванджо силлок*). Квон 10, день 20, месяц 12, 1726. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 22 февраля 2015 г.)

³⁰¹ Хойслер С. Стихи в ответ кукушке в пустых горах – изучение Чагюса (XV в.) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 16., отв.ред. Курбанов С.О. СПб., 2014. С. 104.

³⁰² Ланьков А.Н. Быть корейцем… М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 367.

Ссылка на отдаленный остров, таким образом, для нас представляется символической «казнью» Ли Джунхвана и его бесповоротным отстранением от политической жизни. На острове, однако, он провел всего 10 месяцев.

В конце 1727 г. после пересмотра дела Ли Джунхван был амнистирован³⁰³. Из более поздних записей следует, что он был понижен в ранге (Военное министерство, шестой ранг, должность *чваран* 佐郎)³⁰⁴. Вероятно, это было связано с изменением целей Ёнджо: с 5-го дня 7-го месяца 1727 г. ван стал проводить новый политический курс, получивший название «переворот года чонми (1727)» 丁未換局. Он сместил больше 100 «стариков» с должностей и вернул из ссылок ряд «молодых» радикалов. Возвращение Ли Джунхвана не было долгим: в том же году он был сослан повторно в «отдаленный район» 遠地, точное место ссылки неизвестно³⁰⁵.

До самой своей смерти в, предположительно, 1756 г. (некоторые исследователи, как например, Ли Иксон, указывают 1752 г.³⁰⁶) Ли Джунхван странствовал. Это может означать, что из ссылки он был выпущен, однако по каким-либо причинам не смог вернуться в родной город и избрал для себя отшельничество. Как он сам писал, «я не видел лишь провинций Чолладо и Пхёнандо»³⁰⁷, т.е. самой южной и самой северной. Однако подробной информации о жизни Ли Джунхвана в этот период времени на настоящий момент не обнаружено. В «Описании избранных деревень» он не указывает ни даты посещений провинций или отдельных мест, ни дает сколько-нибудь четкого маршрута. Как поясняет Юн (Чхве) Инсиль, «единственное письменное свидетельство о жизни Ли Джунхвана после ссылки – это комментарий Мок

³⁰³ Истинные записи (правления) Ёнджо (Ёнджо силлок) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (Чосон ванджо силлок). Кwon 13, день 6, месяц 10, 1727. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 22 февраля 2015 г.)

³⁰⁴ Истинные записи (правления) Ёнджо (Ёнджо силлок) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (Чосон ванджо силлок). Кwon 13, день 7, месяц 12, 1727. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 22 февраля 2015 г.)

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / пер. Ли Иксон. Р. 5.

³⁰⁷ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / ред. Чхве Намсон. Р. 64.

Хвегёна 睽會敬 (1698-?), упомянувшего, что Ли скитается, не имея собственного жилья»³⁰⁸.

Сведений о том, что стало с его семьей, в летописных источниках нет. Мы предполагаем, что близкие Ли Джунхвана были либо казнены, либо сосланы, т.к. лишь в «Полном собрании основных законов» 大典通編 (*Тэджон тхонхён*, 1785), уточняющем законы XV в., мы обнаруживаем информацию об отмене ссылки всего семейства на границы и отмену казни жены бунтовщика³⁰⁹. Корейские исследователи указывают, что от брака с дочерью Мок Имиля у Ли Джунхвана было два сына и две дочери, а позднее родилась дочь от союза с представительницей старинного аристократического клана Мунхва Рю³¹⁰ из Синчхона в провинции Хванхэдо.

По сохраненным комментариям к «Описанию избранных деревень» и обнаруженным письмам, можно сделать вывод о том, что вплоть до своей смерти Ли Джунхван поддерживал отношения со своим двоюродным дедом Ли Иком, а также родственниками по линии жены: Мок Сонгваном 睽聖觀 (1691-?) и Мок Хвегёном. На стеле рядом с могилой Ли Джунхвана японский исследователь Коиси Акико обнаружил вырезанную Ли Иком эпитафию³¹¹. Также, вероятно, Ли Джунхван поддерживал дружеские отношения с Чон Оню 鄭彦儒 (1687–1764), гражданским чиновником, почти 20 лет (1726–1744) прослужившим в Министерстве ритуала 禮曹 в шестом ранге чваран 佐郎 и следившим за соблюдением церемоний у могилы вана Танджона 端宗大王 (1441–1457) в уезде Ёнволь 寧越郡 провинции Канвондо³¹², оставившим позднее собрание путевых

³⁰⁸ *Yoon Inshil Choe. Early-Period T'aengniji Manuscripts.* Р. 9.

³⁰⁹ Подробнее см. Кюнер Н.В. Корея во второй половине XVIII века (машинопись). Л.16.

³¹⁰ Син Бёнджу. Взгляд Ли Джунхвана на историю через «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*): описание людей и событий (*Тхэнниджи-рыль тхонхэ бон* Ли Джунхван-ый ёксайнсик: инмуль-гва сагон кирог-ыль чунсим-ыро). Р. 119.

³¹¹ *Koishi Akiko. Ri Ju-kan to Takurishi* (Ли Джунхван и «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*)), Shosen Gappo, Vol. 115, 1985. Р. 96. Цит. по *Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements.* Р. 9.

³¹² За выдающиеся моральные качества ван Ёнджо наградил Чон Оню, а также высоко оценил его работу в Министерстве ритуала. Вскоре после этого Чон Оню получил должность чампхан в Министерстве финансов 戶曹. Корейская энциклопедия онлайн. [Электронный ресурс]

URL: http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Index?contents_id=E0050572 (дата обращения: 23 марта 2016 г.)

песен «Напевы Тхамна (Чеджу)» 耽羅別曲 (*Тхамна пёльгок*). Вывод о близком знакомстве Ли и Чона мы делаем на основе обнаруженного вступительного слова Чона к одной из рукописей³¹³. Помимо Ли Ика, вступительное слово оставил только Чон, и так можно предполагать, что с Ли Джунхваном его связывала глубокая дружба, опирающаяся на взаимное уважение.

Так как «Описание избранных деревень» не включает ни элементы дневниковых записей, ни какую-либо личную информацию о жизни Ли Джунхвана, основным источником сведений являются летописи, среди которых «Истинные записи (правления) Кёнджона» (*Кёнджон силлок*) и «Истинные записи (правления) Ёнджо» (*Ёнджо силлок*), а также комментарии к рукописи – самого Ли, его друзей и родственников, – прямо или косвенно повествующих о его жизни до создания «Описания...». При этом, однако, анонимность автора не являлась препятствием для читателей – популярность произведения свидетельствует о том, что высказанные Ли Джунхваном идеи находили отклик у его современников.

3.2.1. «Описание избранных деревень»: созданное в отшельничестве

«Не мог бы ты, любезнейший хозяин
Беседок Сигёнджон и Сохадан,
Мне разъяснить мое недоуменье:
Так много радостей доступно нам –
Зачем же ты им всем предпочитаешь
Уединенье среди гор и рек?»³¹⁴

Чон Чхоль 鄭澈 (1536-1594), корейский поэт

«Разве это не милость государя?
Я изгнан был на реки и озера,

³¹³ Корейская онлайн-программа по установлению родственных связей доказывает также, что Ли Джунхван и Чон Оню состояли в родстве (насколько близко – определить невозможно, т.к. программа учитывает только преемственность по мужской линии). [Электронный ресурс] URL: <http://www.lnis.kr/> (дата обращения: 21 сентября 2017 г.)

³¹⁴ Одинокий журавль: из корейской поэзии XVI века: факс. кор. ориг. / Чон Чхоль; [поэт. пер. А. Л. Жовтиса; подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л.Р. Концевича; науч. пер. стихов со старокор. яз. Л.Р. Концевича, Н.Л. Ицковой]. – 2-е доп. изд. – М.: Наталис, 2009. С. 134.

*Но тосковал о государе
И ни единой мыслью, ни на миг не забывал»³¹⁵*
Пак Илло 朴仁老 (1561-1642), корейский поэт

«Описание избранных деревень» было адресовано представителям интеллектуальной элиты позднего Чосона – чиновничим кланам *садэбу*. При этом, как мы полагаем, целевая аудитория, к которой взывал Ли Джунхван, – это опальные чиновники, в том числе «южане» и «молодые», в меньшей степени «старики». Для того, чтобы понять послание Ли Джунхвана, необходимо представить не только исторические, но и культурные особенности периода, а также изучить условия, в которых «Описание...» было создано.

Ли Джунхван обращался к своим современникам, «благородным мужам», на чьих плечах лежало сохранение благополучия страны, так как мироустройство в период Чосон опиралось в первую очередь на ритуал и его соблюдение. Для сохранения гармонии в стране и мире «благородный муж» (кит. *цзюнь-цы*) должен был неустанно работать над собой, соблюдать предписанный кодекс поведения, проводить определенные церемонии, служить опорой правителю и всей стране, оставаясь почтительным сыном.

Фактически вся жизнь «благородного мужа» была подчинена соблюдению церемониала. Об этом Ли Джунхван размышляет в главе «Рассуждения о четырех типах людей»:

*Ши*³¹⁶ 士 – это те, кто обладал совершенномудростью 賢 и высокой нравственностью 德. Совершенствовать любое дело – путь *шидафу* <...> То, что передавалось [через] «Книгу песен» 詩經 (*Ши цзин*) и «Книгу истории» 書經 (*Шу цзин*), и то, над чем [требовалось постоянно] работать, – это гуманность *ин* 仁, справедливость *ый* 義, знание этикета *ли* 禮 и музыки *ак* 樂³¹⁷³¹⁸.

³¹⁵ Перевод стихотворения Пак Илло по: Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 157.

³¹⁶ *Шидафу* 士大夫 (кор. *садэбу*) – чиновные кланы. *Ши* (са) – чиновник, благородный муж.

³¹⁷ Знание церемониала и музыки было символом цивилизованного государства.

³¹⁸ Ли Джунхван. Тхэнниджи / ред. Чхве Намсон. Р. 10-11.

Истоки надлежащего поведения *садэбу* Ли Джунхван видит в китайской традиционной истории и культуре, и не случайно поэтому «Размышления о четырех группах людей» начинаются с экскурса в историю возникновения *шидафу* в Китае и причин разделения подданных на сословия.

В этой же главе Ли Джунхван определяет и возможное поведение «благородных мужей», опираясь на традицию и ритуал:

...те, кто был *шидафу*, либо странствовали, беседуя [с людьми], либо справедливо занимались государственными делами; либо удалялись от дел и справедливо противостояли “правителю десяти тысяч всадников”³¹⁹ 萬乘之尊; либо присоединялись к пахарям, пастухам, земледельцам, гончарам, торговцам, угольщикам, лекарям. Не было того, что они не знали. <...> Причиной того, что *шидафу* не утрачивали свою славу, было соблюдение законов прежде живших совершенномудрых...³²⁰.

Шидафу / садэбу предстают как образцы для подражания, конфуцианские ролевые модели: они высоконравственны, образованы, справедливы, соблюдают необходимые ритуалы и живут в согласии с традицией. Ведь, по Конфуцию, путь совершенного человека «состоит из жэнь, доброго отношения к людям, и вэнь, того слова в котором содержится непререкаемая правда, прежде всего правда древних»³²¹.

Какую же роль в таком случае оставил для себя Ли Джунхван, составляя «Описание...», в котором, помимо географических и исторических зарисовок, крылось назидание современникам и потокам? Здесь нам следует обратиться именно к образцам поведения «благородных мужей» и идее отшельничества, тому самому «противостоянию “правителю десяти тысяч всадников”» – единственному способу выражения своих взглядов, который был доступен Ли Джунхвану.

Отшельничество как традиционный способ демонстрации своей точки зрения, часто выражавшей несогласие с проводимой политикой, оставался частью образа «благородного мужа». Здесь мы имеем в виду именно

³¹⁹ Т.е. правителю государства.

³²⁰ Ibid.

³²¹ Эйдлин Л.З. Тао Юань-мин и его стихотворения. Минск, Издатель С.М. Ананьевич, 1994. С. 121.

конфуцианское, а не даосское отшельничество – отказ чиновника от занятия должности, опирающийся на внутренние мотивы.

Образ чиновника-отшельника происходил из культуры раннеимператорского Китая, в которой «благородный муж» хранил внутреннюю автономию, невзирая на возможный конфликт с социумом.

Отшельничество выступало как часть конфуцианской традиции: «Люди умные и нравственные удаляются от мира, когда во Вселенной царит беззаконие; другие удаляются из государства, объятого смутой, в государство, наслаждающееся покоем; другие удаляются от небрежного обращения; а другие удаляются из-за слов государя»³²².

Здесь мы видим прямое указание на позитивное отношение конфуцианства к отшельничеству, как и в другом суждении: «Искренне веруй и люби учиться, храни до смерти свои убеждения и совершенствуй свой путь. В государство, находящееся в опасности, не входи; в государстве, объятом мятежом, не живи; появляйся, когда во Вселенной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония. Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие»³²³.

Отшельничество в конфуцианской традиции – единственный верный способ поведения, когда государство раздираемо смутой и внутренними противоречиями, так как они являются по своей сути последствиями отхода правителя от праведного пути, нарушением гармоничного контакта между природой и человеком. Таким образом, участие в делах государства в период смуты равносильно вовлечению себя в процесс разлада и возможному следованию по пути к нарушению внутренней целостности. «Благородный муж» должен был избегать этого, по мнению Конфуция. Более того, демонстративный отказ от участия в политической жизни страны выступал как своеобразный «протест» против происходящих в государстве реформ, смены власти и др. При этом

³²² Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. П.С. Попова. СПб., Лениздат, Команда А, 2013. С. 138-139.

³²³ Там же. С. 78-79.

«благородный муж» полностью не исключал себя из общественной жизни: часто он продвигал свои идеи, занимаясь сочинительством или воспитанием учеников.

Отвернувшись от службы, *шидафу* / *садэбу* «культивировали отшельничество как положительный и самоценный идеал, символ всего правильного и истинного в жизни. Но они по-прежнему находились в русле традиции, и их отшельничество было не сколько позитивной социальной программой, сколько проекцией их политического положения в сферу культурного самосознания, не сколько фактом действительности, сколько жизненным кредо и общественным лицом»³²⁴.

Избранный образ «возвышенного отшельника», который не может проявить себя на службе из-за сложившейся обстановки во дворе, был изначально «задан» китайскими поэтами, среди которых Цюй Юань 屈原 (ок. 340-278 до н.э.) и Тао Юань-мин 陶淵明 (365-427): собственный выбор или отсутствие альтернативы.

Цюй Юань был оклеветан соперником-министром, отстранен от службы и выслан из столицы. Не имея возможности вернуться, он посвятил себя поэзии. Когда в 278 г. до н.э. столица государства Чу была захвачена циньскими войсками, Цюй Юань покончил с собой, утопившись. Таким образом, он до конца своей жизни ощущал себя верноподданным, думающим в первую очередь о родной стране и ее благополучии. Тао Юань-мин, напротив, отшельничество избрал сам, «уйдя к людям с простыми сердцами»³²⁵, но не потеряв окончательной связи с чиновным миром. Оба они оставили свой след в китайской и корейской культуре.

Циньский поэт Ван Кан-цюй 王康琚 (IV-V), противник даосского отшельничества, писал в своих стихах: «Малый отшельник уединяется в зарослях на холме, великий отшельник уединяется при дворе и на площади»³²⁶. Так мы видим различные варианты конфуцианского отшельничества, которые, однако, были сходны в одном: в отшельничестве благородный муж занимался

³²⁴ Малявин В.В. Империя ученых. М.: Европа, 2007. С. 274. Несмотря на то, что В.В. Малявин описывает отшельничество в китайской культуре, мы считаем, что корейское отшельничество обладало теми же свойствами, так как исконно Китай был для корейцев «центром мира» и образцом для подражания.

³²⁵ Эйдлин Л.З. Указ. соч. С. 88.

³²⁶ Там же. С. 349.

самосовершенствованием, оставаясь вдали от придворных интриг. Средневековый философ Линь Чжао-энь 林兆恩 (1517-1598) писал, что совершенным мудрецом, «горным человеком» 山人, является прежде всего тот, кому не нашлось места в обществе и кто вынужден был покинуть его и уйти в горы³²⁷.

Современный корейский ученый Пэ Усон в коллективной монографии «И вновь, что такое сирхак?», опираясь на стихи Ли Джунхвана в «Записях [на холме] Пэннён[бон]», доказывает, что Ли Джунхван был увлечен образом жизни и поэзией Тао Юань-мина, что позднее повлияло на его творчество³²⁸.

Среди корейских писателей, философов, поэтов и ученых, избравших по той или иной причине отшельничество, можно вспомнить произведения и биографию О Седжэ 吳世才 (1133-1195), Ли Илло 李仁老 (1152-1220), Ли Гюбо (1168-1241), Лим Чхуна 林椿 (?-?), Ли Сэка 李穡 (1328-1396), Со Гёндока 徐敬德 (1489-1546), Чо Сика 曺植 (1501-1572), Пэк Кванхуна 白光勳 (1537-1582), Чхве Гёнчхана 崔慶昌 (1539-1583), Ли Даля 李達 (1539-1612), Чон Джеду 鄭齊斗 (1649-1736), Ли Ика и др.

Как пишет В.М. Тихонов, появление в корейской конфуцианской традиции сильного акцента на моральную автономию личности и возможности сопротивления неэтичной власти стали «итогом противостояния между бюрократическим режимом и конфуцианской элитой»³²⁹.

Одно из наиболее ярких противостояний – это отказ ряда конфуцианских чиновников от своих должностей в 1454 г. после прихода к власти великого князя Суяна 首陽大君, вошедшего в историю как ван Седжо 世祖 (1417-1468, правил 1455-1468). Седжо узурпировал трон, принудил к отречению настоящего правителя – своего племянника вана Танджона 端宗 (1441-1457, правил 1452-1455), который затем в ссылке был убит. В тот момент значительное число

³²⁷ Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С. Срединное государство: Введение в традиционную культуру Китая. М.: ИД «Муравей», 1998. С. 211.

³²⁸ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Ор.сит. Р. 224-225.

³²⁹ Тихонов В.М. История Кореи: Т.1: С древнейших времен до 1876 года. М., «Муравей», 2003. С. 358.

землевладельцев, получивших конфуцианское образование и относящихся к группировке «*сарим*» 士林 – «лес ученых», стали заниматься воспитанием учеников и укреплением своего влияния на местах, отказавшись от должностей.

Одним из «основателей» *сарим* стал Киль Джэ 吉再 (1352-1419), служивший династии Ван (Корё) и отказавшийся служить сменившей ее династии Ли (Чосон). Киль Джэ вместе с Ли Сэком и Чон Монджу 鄭夢周 (1338-1392) вошли в историю как «Трое уединившихся в конце периода Корё» Ёмаль самын 麗末三隱³³⁰. Одним из псевдонимов Киль Джэ был «Кымо санин» 金魚山人 – «Отшельник с горы Кымо». Здесь мы видим сохранение «верности», «искренности» чхун 忠 по отношению к предыдущей династии. Ли Джунхван упоминает в «Описании...» Киль Джэ, как «того, кто ушел в горы Сонсан 善山 и сохранил [верность] чхун к [династии] Корё»³³¹, то есть обращается к нему как к модели отшельника.

Как указывает А.Ф. Троцевич, многие литераторы конца периода Корё включали в свои псевдонимы иероглиф ын 隱 – «уединившийся», «скрывшийся»³³², указывая, однако, что одна часть писателей, отказываясь от службы, руководствовалась конфуцианскими, а другая – даосскими воззрениями. Так, к примеру, Киль Джэ был также известен как Яын 治隱 «Очарованный уединением», Ли Сэк – Могын 牧隱 «Пеструщий уединение», Чон Монджу – Пхоян 圃隱 «Уединившийся в полях», Ли Сунин – Тоян 陶隱 «Довольный уединением» и др.

По мнению А.Ф. Троцевич, для чиновника на государственной службе, активного деятеля в социальной сфере, литературное творчество представляло как «внутренняя эмиграция», духовное отшельничество³³³.

Именно подобная «внутренняя эмиграция» характеризовала и деятельность мыслителя Со Гёндока, сдавшего экзамены на чин, но отказавшегося от службы и

³³⁰ Некоторые корейские и европейские ученые вместо Киль Джэ упоминают Ли Сунина 李崇仁 (1343-1392).

³³¹ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / ред. Чхве Намсон. Р. 28.

³³² Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). С. 87.

³³³ Там же. С. 88

избравшего для себя отшельничество. Со Гёндок известен своими философскими трактатами о залогах построения идеального общества, опиравшимися на натурфилософию, и, отказавшись от чиновничьей карьеры, но до конца жизни оставаясь верным конфуцианскому долгу перед государем, Со был почитаем современниками как «воплощение добродетелей отшельника»³³⁴.

Можно говорить о том, что «Описание избранных деревень» в свою очередь воспевает отшельничество как единственный способ сохранения внутренней автономии в условиях социального разлада. В рассуждениях Ли Джунхвана смута представлена борьбой придворных группировок, и мы выделяем две причины, приведшие к ней: внешнюю и внутреннюю.

Внешняя – это смена династии в Китае и утверждение *садэ* по отношению к новой маньчжурской династии Цин, что являлось нарушением *садэ* по отношению к китайской династии Мин. Нарушался ритуал, и, как упоминалось ранее, даже после падения династии Мин корейские ваны продолжали считать «своей» именно ее культуру, а не культуру «северных варваров» Цин. В условиях синоцентричной модели мира, смена династии представляла как нарушение незыблемости. Цинские власти, разумеется, прикладывали усилия для легитимизации своей власти. Как пишет синолог Б.Г. Доронин, благодаря трудам придворных историографов XVII-XVIII вв. «появление династии Цин становилось лишь логическим развитием начинаний первых маньчжурских правителей, а не итогом сложных процессов, которые в то время шли в Китае»³³⁵.

Согласно восточной философии, смена династии происходит в том случае, когда предыдущая династия утрачивает «Мандат Неба», данный Небом императору – «сыну Неба». Утрата возможна, если правитель перестает следовать идеям прежде живших совершенномудрых, забывает о «гуманности», «справедливости» и других необходимых «благородному мужу» качествах. Одно из основных свидетельств потенциальной утраты «Мандата Неба» – невостребованность верных трону и лично правителью чиновников, неумение

³³⁴ Тихонов В.М., *Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 307.

³³⁵ Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. (Азиатика). С. 198.

правителя распорядиться их талантами, приближение к трону людей бесчестных, нарушающих ритуалы и традиции. Смута в стране, крестьянские восстания, голод, «межпартийная» борьба в данной системе представлений о мире выступали в качестве индикаторов того, что правитель сошел с надлежащего пути и может утратить «Мандат Неба». Но китайскую династию сменила династия маньчжурская, и в Корее эта смена была воспринята довольно болезненно.

Внутренней, другой, причиной смуты в стране Ли Джунхван, как нам кажется, видел образование придворных группировок, вмешивавшихся в политику и решения правителя. Согласно Конфуцию, «благородный муж» не должен быть партиозен³³⁶, не должен вступать с кем-либо в сговор. Существующее же многообразие «партий» в позднем Чосоне и постоянная борьба между ними для Ли Джунхвана были доказательствами того, что «благородные мужи» позабыли о надлежащем поведении:

Философ сказал: “Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только подарки (яшмы и шелка)? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только музыкальные инструменты (колокола и барабаны)?”³³⁷.

Эта речь – сожаление о том, что истинный смысл ритуала утрачен, и он стал формальностью. Сожаление о том, что выбираешь подходящее место для жизни, но такого места нет. Но в таком случае верно и то, что образованные люди, читая между строк, кроме самих слов прочтут и скрытый смысл³³⁸.

Здесь необходимо отметить, что обе причины смуты виделись Ли Джухвану именно в русле движения *сирхак*, сторонники которого разделяли, с одной стороны, идеи реформ страны, но, с другой, видели идеал государства в древней китайской и корейской истории, периоде правления легендарных правителей.

Мы считаем, что Ли Джунхван объяснял возникновение «партий» в Корее следствием смены династии в Китае, нарушением установленных отношений *садэ*.

³³⁶ Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. П.С.Попова. С. 148.

³³⁷ Там же. С.166. Перевод В.А. Кривцова: «Учитель сказал: “Когда мы говорим о ритуале, имеем ли мы в виду лишь преподношение яшмы и парчи? Когда мы говорим о музыке, имеем ли мы в виду удары в колокола и барабаны?”» // Конфуций. Суждения и беседы. [Электронный ресурс] URL: <http://lunyu.ru/17/11. 17:11.> (дата обращения: 16 января 2015 г.).

³³⁸ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи). Рукопись. —蒙古 915.1-Y58t. v.1-2. Библиотека международного института корееведения Кюджангак. Р. 108.

«Старший» более не был образцом для подражания, и, подобно кругам от брошенного в воду камня, расходилось негативное влияние по странам, окружавшим Китай, и, в первую очередь, по Корее. На это намекает включение в текст истории *шидафу* в Китае, косвенного указания на «наследование» китайских традиций через образование, культуру, географическое положение. Кроме того, как было сказано выше, сама структура и стиль «Описания...» сходны с аналогичными китайскими историко-географическими трактами.

Мы прослеживаем следующую цепочку: впервые «благородные мужи» (*шидафу*) появились в Китае в первые века до нашей эры, но их (*садэбу*) история в Корее начинается только с периода Корё 高麗 (X-XIV вв.), когда корейцы заимствовали из Китая систему экзаменов на чин³³⁹. Ли Джунхван прямо указывает: «Таким образом, можно считать, что история потомственного чиновничества *садэбу* началась в период Корё»³⁴⁰. Но здесь необходимо вспомнить еще одну строку, изъятую цензорами из версии «Общества блестящей литературы Кореи», но сохранившуюся в ряде ранних списков: «Как не сказать о *садэбу* в нашей стране. В Китае, за исключением потомков пяти варварских племен с севера *охо* 五胡, все императоры и совершенномудрые следовали законам совершенномудрых Яо 姧 и Шуня 舜, которые были истинными *шидафу*. Но, что касается Кореи, все так называемые *садэбу* нашей страны – потомки только ее [жителей]»³⁴¹. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, по мнению Ли Джунхвана, «благородные мужи» в Корее не могут верно вести себя и толковать те или иные каноны, если не опираются на китайскую традицию.

Но как быть, если династия сменилась, а правитель новой не разделяет идеалы «благородных мужей» и не может представить в своей генеалогии ни Яо, ни Шуня? Согласно конфуцианской традиции, ответ очевиден: избрать отшельничество и заниматься самосовершенствованием, как это делали выдающиеся умы прошлого. Сохранение традиции и следование ритуалу – способ

³³⁹ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 12.

³⁴⁰ Ibid.

³⁴¹ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*). Рукопись. 4790-55. Библиотека международного института корееведения Кюджангак. Р. 108.

выхода из подобного конфликта, и реализован он может быть именно через добровольное отшельничество. Сохранение исконного – задача, от верного решения которой зависит само существование государства.

Намеки на это нам дают включенные в текст истории «благородных мужей» Китая, многочисленные описания мест, пригодных для отшельничества. «Благородный муж» зависит от условий, в которых живет: природных, социальных, экономических. Если одно из этих условий не соответствует идеальному, то со временем «благородный муж» перестает являться примером для подражания, перестает сохранять традиции, так как волей-неволей начинает взаимодействовать с другими *садэбу*.

Ли Джунхван призывает к отшельничеству, указывая, с одной стороны, что «благородные мужи» все чаще отдают предпочтение странствиям, а не чиновничьей работе, все чаще занимаются самосовершенствованием вдали от государственных дел. Но, с другой стороны, говорит он и о том, что страна находится в кризисе, и те, кто, следуя традиции, предпочитают отшельничество, остаются невостребованными государем, не могут ему послужить и реализовать свой потенциал. Это замкнутый круг, обусловленный усилением «межпартийной» борьбы и нежеланием «благородных мужей», следующих пути Конфуция, в нее вступать.

Сам по себе жанр историко-географических описаний функционирует и как демонстрация политических и идеологических взглядов Ли Джунхвана. Обращение к истории, природе и культуре родной страны – трем столпам, на которых держится сила и единство народа, – также может рассматриваться как часть ритуала.

Как пишет синолог В.В. Малявин о Китае, «паралогическое единство сакрального и профанного составляло исходный и конечный пункт китайской мысли. Империя же в глазах ее идеологов была проявлением космического и притом сакрального порядка, вечного, всепроницающего и необозримого. Каждая деталь, каждая часть устройства империи до последнего уезда и административной инстанции имела небесный прототип и занимала особое место

в иерархии мироздания. Религиозный смысл имперского порядка воплощался не только и не сколько в императорских культурах, сколько в ее мироустроительных жестах, в самой “божественной планиметрии” ее административного контроля»³⁴². Таким образом, мы можем вновь отметить и ритуальную важность создания географических описаний для государства: представление об отдельных уездах, волостях, деревнях страны означало введение их в систему, распространение на них власти государя.

Историко-географические описания *дифан чжи* 地方志 в Китае готовились по приказу государя местными властями и обладали высоким статусом. Ведь, с одной стороны, они рассматривались как источник надежной и оперативной информации о входящих в состав империи территориях, а, с другой, «всеми содержавшимися в них материалами эти сочинения убедительно свидетельствовали о завершении процесса консолидации земель ... и об установлении контроля центра над всей территорией империи. Убеждали они и в успешной реализации монархом мироустроительных функций, которыми его наделило Небо»³⁴³.

Особенность же поджанра *чиджи* 地志 (кит. չչի չչի), в котором составлено «Описание...» – то, что произведения зачастую составлялись чиновниками самостоятельно, без указа государя, а значит, могли содержать в себе критику правителя и/или всей правящей династии, свидетельствовать о неудаче монарха в деле реализации «мироустроительных функций». Ли Джунхван описывал все восемь провинций, включая их в свою систему «поиска благоприятных земель», выделяя среди них те, которые подходят для отшельничества.

Отказываясь от чиновничьей должности, отшельники, тем не менее, оставались локальными лидерами и обладали большим влиянием на местах. Среди них были и крупные землевладельцы, и авторы многочисленных сочинений. Некоторые в своих произведениях обращались к государю, некоторые

³⁴² Малявин В.В. Империя ученых. С. 83.

³⁴³ Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. С. 114.

адресовали свои сочинения современникам или писали для собственного удовольствия.

Роль ученого состояла и в том, чтобы оставаться постоянной опорой просвещенному правителю, и в этом контексте можно вспомнить главу «Поведение ученого» из «Книги ритуалов» 禮記 (*Ли цзи*): «Ученый не дорожит золотом и драгоценными камнями, ибо его сокровище – преданность и верность... Верность и преданность государю – вот кольчуга и шлем ученого, ритуал и справедливость – вот его малый и большой щит... Внимательный и спокойный, он не идет на поводу у других, однако, обладая большой ученостью, он знает и что такое почтительность. Приникнув к литературным сочинениям, он трудолюбиво оттачивает на их точиле свою скромность и бескорыстие. ... Ученый живет со своими современниками, но сверяет [свои поступки] с древними; путь, проложенный им в нынешний век, послужит ступенью для будущих поколений. Когда наступает лихолетье и государь не оказывает [ему] поддержки, а подданные не выдвигают, тогда льстивая и клевещущая чернь сообща старается погубить его. Однако можно погубить тело, но нельзя победить волю. И даже пребывая в пучине несчастий, он остается верен своим устремлениям, ни на минуту не забывая о бедствиях народа. Такова глубина помыслов ученого»³⁴⁴. Находясь в отшельничестве, Ли Джунхван мог послужить стране и государю как ученый, знаток родной географии, предложив современникам свои знания, а также ориентируясь на исторические прецеденты как модели для поведения «благородного мужа».

Описывая все восемь провинций Чосона, Ли Джунхван «уравнивал» их между собой, указывая на необходимость единения людей перед лицом внешней и внутренней угрозы. Позиционируя себя в качестве ученого-отшельника, Ли получал возможность критиковать власть и высказывать свою личную точку зрения, которая могла идти вразрез с официальной. Отшельник фактически «лишался» имени, и именно поэтому мы видим так много рукописей, которые

³⁴⁴ «Записки о ритуале» 禮記 (*Ли цзи*). Глава «Поведение ученого» / пер. И.С. Лисевича. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnikit fil/text12.phtml> (обращение 30.04.2016)

подписаны «Отшельник с горы Чхонхвасан», даже если их содержание отличалось от оригинала.

Подводя итог, характерными особенностями «Описания...» как произведения, составленного в отшельничестве, являются:

- Ли Джунхван определяет две основных проблемы в Чосоне XVIII в.:
 - 1) негативное влияние смены *садэ* на страну;
 - 2) придворная борьба за власть как одно из последствий смены *садэ*;
- Указание на необходимость сохранения ритуала как консолидирующего элемента в жизни общества;
- Указание на необходимость выбора отшельничества как пассивного протеста ради укрепления внутренней автономии;
- Указание на то, что «межпартийная» борьба ведет страну к кризису;
- Указание на то, что регионализм ведет страну к кризису;
- Описание всех провинций можно рассматривать как введение их в общую систему: единое государство Чосон;
- В условиях кризиса необходимо обратиться к неизменному: истории и природе страны – ее горам и рекам.

Таким образом, Ли Джунхван представлял собой тип образованного конфуцианца, попавшего в жернова придворной борьбы между влиятельными группировками, и в качестве единственного доступного ему способа реакции он использовал традиционный уход на лоно природы и воспевание ее постоянства. Вероятно, популярность «Описания...» также связана с тем, что содержание произведения соответствовало взглядам интеллигентской элиты, хотя Ёнджо стремился удерживать власть в своих руках и привлекать к управлению страной людей по их заслугам. Однако едва ли даже один из имевших влияние кланов оказался в стороне от «межпартийной» борьбы и смен власти в XVI-XVIII вв.

3.2.2. «Описание избранных деревень» в пространстве ритуала

Так как «Описание...» было завершено в XVIII в., то целесообразно рассматривать данное произведение в контексте литературных трудов, предшествующих его созданию. Второй нашей гипотезой о причинах, подтолкнувших Ли Джунхвана к написанию произведения, является предположение о том, что «Описание...» - не только историко-географическое, но и «сакральное» сочинение, имевшее две ритуальные функции: 1) включение «младшего» в облик «старшего»; 2) гармонизация мира. При этом мы хотим отметить, что тот факт, что «Описание...» было составлено в отшельничестве, согласуется с тем, что оно могло являться частью ритуала, где Ли Джунхван выступал в роли «жреца», а адресатом его трудов должен был стать правитель (Ёнджо).

Для того, чтобы доказать данную гипотезу, мы обращаемся к исследованиям, проведенным корееведом и специалистом по корейской литературе М.И. Никитиной (1930-1999), реконструировавшей корейские сюжеты VII-XIV вв. с помощью методики В.Я. Проппа и выдвинувшей собственную систему обнаружения и оценки алгоритма действий ритуального произведения. Несмотря на то, что основной пласт ритуальной литературы принадлежит к периоду VII-X вв., М.И. Никитина замечает аналогичные закономерности и в литературе XIX в. (пр. рукопись «Записки о том, как уничтожали нечисть» (*Мёльса ги*) из коллекции английского консула Астона, составленная Ким Джегуком, возможным автором или соавтором текста³⁴⁵), что доказывает жизнеспособность алгоритма и его понимание корейскими интеллектуалами как минимум до начала XX в.

Для определения ритуальной функции «Описания...», нам необходимо обратиться к комментарию Ли Джунхвана, составленному после завершения рукописи. Комментарий – единственный источник, в котором автор непосредственно повествует о причинах, побудивших его к созданию

³⁴⁵ Подробнее о «Записках» см. Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 210-213.

произведения, и условиях, в которых это происходило. Именно комментарий позволил ученым определить время окончания работы над рукописью «Описания...» – лето 1751 г., однако до настоящего времени он не рассматривался как самостоятельный элемент и / или часть ритуала. Вероятно, это связано с тем, что он, как и комментарии современников Ли Джунхвана, отсутствует в «стандарте» – публикации Чхве Намсона, ставшей основной для последовавших переводов произведения на современный корейский язык.

Так как основной текст, который мы используем при переводе, – это «Описание...» Чхве Намсона, не включающее в себя ни предисловия Ли Ика или Чон Оню, ни комментарии Ли Джунхвана и его читателей, мы вынуждены обратиться к другой доступной нам рукописи «Описания...»³⁴⁶. Она отлична от «стандарта» по своему объему: состоит из двух чхэк, куда, помимо самого текста, включены комментарии как читателей, так и самого Ли Джунхвана. Часть текста не сохранилась в связи с повреждениями манускрипта, поэтому мы вынуждены прибегать также к наиболее известному переводу комментария Ли Джунхвана на корейский язык, выполненному Ли Иксоном в 1971 г.

Так как комментарий Ли сравнительно короток, но важен для понимания обстоятельств создания произведения, приведем его ниже полностью^{347 348}:

В прежние времена 昔 [когда] Конфуций 孔子 не мог следовать пути, он продолжал «Историю государства Лу» 魯史 и следовал пути добродетельного правления 王道. Поощрял добро. Предотвращал зло. Реальное 實 [рождало] десятки тысяч дум 萬意.

Чжуан-цзы 莊子, пожелавший уйти от мира [в отшельничество], много написал. Его речь значительна. Он упорядочил десять тысяч вещей. Принял долгожительство и преждевременную смерть, злодеев и мудрецов как единое. Это,

³⁴⁶ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*). Рукопись. 4790-55. Р. 108-110.

³⁴⁷ Переводчица Юн (Чхве) Инсиль также дает перевод комментария Ли Джунхвана, однако он изобилует неточностями, связанными, вероятно, с тем, что перевод на английский язык выполнялся с современного корейского языка, а не с ханмуна. Так, например, она указывает, что в беседке Ли «наслаждался прохладным горным воздухом», хотя данное выражение в имеющемся в нашем распоряжении комментарии отсутствует. Перевод комментария на английский язык см. *Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements*. Р. 133.

³⁴⁸ Мы указываем некоторые иероглифы, чтобы 1) предупредить возможность разнотечений; 2) показать, что данный иероглиф может иметь и другой смысл; 3) в случае упоминания имен собственных.

не будучи реальным 實 [делом], [рождало] десятки тысяч дум. Хотя реальное 實 и не являющееся реальным различны, они одинаковы 同 в [рождении] дум 意.

В прежние времена 昔 я 余 направлялся вверх 上 по реке Хвансанган 黃山江³⁴⁹. Летним днем не было дел 無事. Поднялся 登 в «Павильон восьми триграмм» 八卦亭 (*Пхальгведжон*). Пережидая 消 жару, начал трактат 論著. Это упорядоченные записи о нашей стране – горах и реках, людях, обычаях, политике, переменах, обуздании смути, удаче и неудаче 治亂得失. Старец [Конфуций] 古人 говорил: “Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только подарки (яшмы и шелка)? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только музыкальные инструменты (колокола и барабаны)?”³⁵⁰ Эта речь – сожаление о том, что истинный смысл ритуала утрачен, и он стал формальностью. Сожаление о том, что выбираешь подходящее место для жизни, но такого места нет. Но в таком случае верно и то, что образованные люди, читая между строк, кроме самих слов прочтут и думы 意.

[Если говорить о] практике 實, то [эта книга о том, как] можно привести в гармонию 和 [место для] погребения 關石³⁵¹. [Если не говорить о практике], горячичное семя – гора Сумеру 芥子須彌. Позднее обязательно будет тот, [кто поймет] правило 卦.

Написано Отшельником с гор Чхонхвасан 靑華山人 в начале лета 初夏上浣³⁵² в год «белого барана» 白羊.

Это единственный комментарий, который оставил Ли Джунхван, и здесь мы видим намек на загадку: противопоставляются «практика» *силь* 實 и невысказанное – «думы, мысли» – ыи 意. Нам кажется вероятным, что под словом «силь» имеется в виду практическое применение знаний. С другой же стороны, как отмечает Ли Джунхван, китайский философ Чжуан-цзы (369 г. до н.э. – 286 г. до н.э.), разделявший даоское мировоззрение, не занимался «практикой», но

³⁴⁹ Ли Иксон пишет «находился на берегу»: «нэга Хвансанганка-е иссымёнсо» 내가 황산강가에 있으면서. См.: Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / пер. на кор. Ли Иксон. Р. 229.

³⁵⁰ Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. П.С.Попова. С. 166. Перевод В.А. Кривцова: «Учитель сказал: “Когда мы говорим о ритуале, имеем ли мы в виду лишь преподношение яшмы и парчи? Когда мы говорим о музыке, имеем ли мы в виду удары в колокола и барабаны?”» // Конфуций. Суждения и беседы. [Электронный ресурс] URL: <http://lunyu.ru/17/11.17:11>. (дата обращения: 16 января 2015 г.).

³⁵¹ Вероятно, имеется в виду каменный гроб с останками умершего.

³⁵² 上浣 – первая декада месяца, первые числа месяца.

оставил потомкам труды, заставившие появиться «десятки тысяч дум». Т.е. мы видим, что Ли Джунхван уравнивает «практиков» и «теоретиков», показывая, что несмотря на различие способов, оба подхода могут породить «десятки тысяч дум». Заключительные же предложения комментария говорят нам о том, что «Описание...» – это синтез из «практики» и «теории», каждая из которых может быть воспринята как отдельно, так и в совокупности.

Мы полагаем, что «теория» представляет собой ритуальную сторону создания произведения, в то время как «практика» – это фактическая составляющая, т.е. текст книги. Всякий читатель, не являвшийся носителем традиционных знаний и не получивший традиционного конфуцианского образования, мог не знать или не понимать ритуальную сторону создания «Описания...», однако ценность изложенного материала от этого не утрачивала свою значимость. Нам представляется, что описание условий создания рукописи аналогично описанию условий создания ритуальной поэзии, как они дошли до наших дней в прозаическом оформлении. Так, например, *хянга* 鄉歌 «Славлю хварана Кипха» 讚耆婆郎歌 (*Чхан Кипхаран ка*) вписана в контекст повествования о монахе Чхундаме, т.е. *хянга* имеет самостоятельное значение, а повествование о Чхундаме является «рамкой», показывающей как условия создания текста, так и «второй смысл» – что должно было измениться в мире благодаря созданию конкретных строк *хянга*.

В связи с этим рассмотрим «рамку» – условия создания «Описания...». Первый смысл комментария Ли Джунхвана – это объяснение, что летним днем, спасаясь от жары, он поднялся в павильон и стал от скуки фиксировать на бумаге свои впечатления о природе Кореи, людях; вспоминать исторические события и забавные случаи. Поверхностное приближение ничего не говорит нам о причинах, побудивших Ли Джунхвана к оформлению отдельных записок в единую рукопись, кроме того, что делал он это, спасаясь от жары.

Однако последующие слова Ли намекают на то, что данный эпизод необходимо анализировать глубже, ведь «горчичное семя – гора Сумеру». Тот факт, что Ли Джунхван в своем комментарии оперирует как конфуцианскими, так

и буддийскими терминами, упоминает Чжуан-цзы, – свидетельство его принадлежности к южанам-сирхакистам, которые, в отличие от убежденных сторонников нео-конфуцианства, принимали отдельные аспекты даосизма, буддизма, школу Ван Янмина³⁵³. Цитата, которую, по-видимому, имеет в виду Ли Джунхван, принадлежит сутре «Поучения Вималакирти» и полностью звучит как: «...Бодхисаттва, пребывающий в этом неохватном умом полном освобождении, являет собой такое деяние: такого высокого, такого большого, такого возвышающегося, такого огромного царя гор Сумеру помещает в горчичное семя. То горчичное семя не увеличивается, [а] Сумеру даже не заполняет [его целиком]. Пребывающие на Сумеру] божества области четырех великих Царей и божества небес Тридцати трех [богов не замечают этого и] не думают: «Куда [это] нас поместили?» Другие же существа, воспитываемые посредством риддхи, знают и видят, как того царя гор Сумеру помещают в горчичное семя. Это, достопочтенный Шарипутра, помещение в объект - [одно из чудес] неохватного умом полного освобождения Бодхисаттв»³⁵⁴.

Сутра была известна в Китае уже во II в. н.э.³⁵⁵, откуда, вероятно, информация о ней проникла в Корею.

Воззрения Ли Джунхвана шли вразрез с «официальными» философскими взглядами в государстве. Кроме того, мы видим, что он был приверженцем «традиционного» конфуцианства и сожалел о том, что «истинный смысл ритуала утрачен». Это также дает нам основание предполагать, что свои действия Ли Джунхван согласовывал с древним ритуалом. Поэтому обратим пристальное внимание на его краткий рассказ о летней жаре, во время которой было составлено «Описание...».

Перед нами ситуация: жарким днем в начале лета Ли Джунхван находился на берегу реки Хвансанган – шел вверх по течению, а затем поднялся в «Павильон восьми триграмм», где создал некоторый текст. Он не указывает, сколько времени занял процесс сочинения, и единственное временное указание – в его подписи.

³⁵³ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era. P. 154.

³⁵⁴ Сутра поучения Вималакирти (Вималакирти-нирдеша сутра) / пер. Донца А.М. М., 2005. С. 66.

³⁵⁵ Watson Burton. The Vimalakirti Sutra. Columbia University Press, 1997. P. 1–2.

Выдвинем гипотезу, что создание «Описания...» является ритуалом. В таком случае необходимо определить: адресата, проблему, алгоритм ритуала, действующих лиц и ожидаемое решение проблемы.

Так как мы знаем, что Ли Джунхван – отшельник, изгнанный из столицы за предполагаемое участие в заговоре против вана, – то мы можем сделать вывод о том, что он является «младшим» и адресует ритуал «старшему», т.е. вану. М.И. Никитина выделяет несколько групп ритуалов, и одна из них – это дневной ритуал единения облика младшего с обликом старшего, т.е., Ли Джунхван через ритуал восстанавливал свой облик, свой статус как верного подданного. Для доказательства данной гипотезы мы сравним основные этапы в прозаическом оформлении первого эпизода *хянга* «Старик подносит цветы» и комментарии Ли Джунхвана к «Описанию...».

Ниже приведем текст первого эпизода «Старик подносит цветы»:

Во времена Сондок-вана (702-736) сунджонский князь отправился в Каннын (ныне Мёнджу) на должность тхэсу. По пути на берегу моря он обедал. Рядом находилась скала. Словно ширма, обращена к морю. Высотой в тысячу чанов. Наверху были рододендроны в полном цвету. Супруга князя госпожа Суро увидела их. Обращаясь к «правым и левым», спросила:

- Кто сорвет цветы и поднесет мне?

Свита отвечала:

- Человеку не добраться.

Все говорили, что невозможно такое. Рядом оказался старик. Вел корову, проходил мимо. Услышал слова госпожи, сорвал эти цветы, а также сложил песню, сочинил слова и преподнес ей [то и другое]. Кто был этот старик, неизвестно³⁵⁶.

Мы полагаем, что роль, которую взял на себя старик, исполнявший ритуал, аналогична роли, которую взял на себя Ли Джунхван. Для этого оценим условия создания «Описания...» по тем же критериям, по которым ритуал поднесения цветов оценивала М.И. Никитина, а потом совместим полученные данные в одну таблицу.

³⁵⁶ Никитина М.И. Указ. соч. С. 84.

В отличие от «Старик преподносит цветы», Ли Джунхван создает рукопись в одиночестве и не преподносит ее напрямую правителю. Но мы полагаем, что она могла быть адресована Ёнджо. Соответственно, в 1751 г. ему было 57 лет (род. в 1694). На момент создания рукописи «Описания...» Ли Джунхвану, родившемуся в 1690 г., 61 год, и таким образом он старше Ёнджо, а кроме того является «старцем». 60 лет – знаменательная дата в восточной культуре, и этот юбилей по-корейски называется «хванган» 還甲 (также известен как «хвегап» 回甲). Согласно дальневосточному летоисчислению, 60 лет составляют один цикл, и, таким образом, человек, прожив 60 лет, проживал «цикл», и исчисление начиналось заново. Как пишет Т.М. Симбирцева: «Этот период традиционно соответствовал в представлениях корейцев понятию «век» и считался сроком человеческой жизни. Поэтому 60-летний юбилей в жизни корейца называется *хванган*, то есть «возвращение к кап», то есть к началу»³⁵⁷. Возможно, именно 60-летие подтолкнуло Ли Джунхвана к созданию столь объемного труда, но доподлинно мы никогда не узнаем.

Обратим внимание на *пространственно-географические* указания в комментарии. Мы встречаем там последовательно «реку Хвансанган», «вверх», «“Павильон восьми триграмм”».

Попытаемся локализовать местонахождение Ли Джунхвана. То, что река действительно существовала, подтверждают стихи силласского поэта Чхве Чхивона 崔致遠 (857-?), названные «Беседка Лимгён на реке Хвансан» 黃山江臨景臺 (*Хвансанган Лимгёнджон*), в которой Чхве описывает открывающийся перед ним из беседки пейзаж³⁵⁸.

Как указывает историк и философ Ким Бусик 金富軾 (1075-1151) в «Исторических записях Трех государств» 三國史記 (*Самгук саги*), в 115 г. «осенью, в седьмом месяце, лично возглавив поход против Кая, ван с пешими и конными войсками переправился на другую сторону [реки] Хвансан, где его

³⁵⁷ Корея. Карманская энциклопедия / сост. Волков С.В., Симбирцева Т.М. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. С. 238.

³⁵⁸ Перевод стихотворения, сделанный Г.Ярославцевой, см. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 408.

ждали каяские люди, укрыв свои войска в чаще лесов и зарослей»³⁵⁹. Крупнейший российский кореевед-историк и переводчик «Исторических записок» М.Н. Пак, ссылаясь на Ли Бёндо, в комментариях к «Записям» указывает, что река Хвансан – иное название реки Нактонган между Янсаном и Кимхэ³⁶⁰, т.о. Хвансанган протекала в юго-восточной части Корейского полуострова, в провинции Кёнсандо.

В «Дополнении к историческим записям Трех государств» 三國遺事 (*Самгук юса*) монаха Ирёна 一然 (1206-1289) представлен миф о государе Суро 首露 (?-199), легендарном основателе и первом правителе древнего корейского государства Кая 伽倻 (I-VI вв.). Хвансанган упоминается как одна из границ Кая: «на востоке протекала река Хвансанган, на юго-западе синело море, а на северо-востоке высилась гора Чирисан»³⁶¹.

Также, согласно картам, хранящимся в архиве Кюджангак, участок реки Нактонган от гавани Самнанджин до поворота после Янсана назывался Хвансанган вплоть до 1832 г. (карта Кёнсандо)³⁶².

Таким образом, мы полагаем, что Ли Джунхван находится на юго-востоке, но, поднимаясь вверх по реке, движется (общее направление) к северу, так как исток реки Нактонган находится в провинции Канвондо, а указанный участок реки, называемый Хвансанган, течет с севера на юг. Поднимаясь против течения реки, Ли Джунхван должен был бы двигаться в северо-западном направлении, так как за городом Янсан река поворачивает. Так мы видим движение снизу вверх, с юга на север и, косвенно, с востока на запад.

С другой стороны, если ориентироваться на «Павильон восьми триграмм», то мы получаем совершенно иное место, так как павильон с подобным названием существует до сих пор и с 1978 г. является «культурным достоянием №76

³⁵⁹ Ким Бусик. Самгук саги (Летописи Силла) / пер. Пак М.Н. М.: Восточная литература, Т.1, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://drevlit.ru/docs/korea/Kim_Busik/Tom_I/text1.php

³⁶⁰ Ким Бусик. Самгук саги (Летописи Силла) / пер. Пак М.Н. Примечания к тексту. М.: Восточная литература, Т.1, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/Tom_I/primtext1.phtml

³⁶¹ Чудесная жемчужина. Рассказы о необычном. Корейские предания, легенды и сказки / пер. с кор. А.Ф. Троцевич, Л.Р. Концевича, М.И. Никитиной, Ю.В. Болтас, М.Н. Пака, А.В. Соловьева, В.М. Тихонова, Д.Д. Елисеева. СПб.: Гиперион, 2014. С.44. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», VIII).

³⁶² Статья о «Павильоне восьми триграмм» в южнокорейской ежедневной газете «Чунан ильбо» [Электронный ресурс] URL: <http://article.joins.com/news/blognews/article.asp?listid=13372292>

провинции Чхунчхон-намдо»³⁶³, расположенным к северо-западу от реки Хвансанган, на берегу реки Кымгансан. Павильон был построен в 1626 г. Сон Сиёлем перед конфуцианской академией, которая ныне называется «Академия бамбуковой рощи» 竹林書院 (*Чунним совон*), а ранее – «Академия Хвансан» 黃山書院 (*Хвансан совон*) по названию местности. В ней учились и проводили обряды представители придворной группировки «западных» и, позднее, – «стариков» (*норон*), среди которых были Ли И, Ли Хван и др. Ли Джунхван относился к оппозиционной группировке – «южанин» по рождению, после женитьбы примкнувший к «молодым» (*сорон*).

В таком случае закономерным будет вопрос, почему Ли Джунхван остановился именно в этом павильоне. Если мы поверим изложенной в комментарии к «Описанию...» информации и проследим географический путь Ли, то мы увидим, что он, стартуя с юго-востока, а именно почти с южной оконечности полуострова, двигался по оси юг-север, а затем – восток-запад. Таким образом, «партийность» определяет крайние точки маршрута: «южанин» Ли останавливается в павильоне, выстроенном «западными». Мы не знаем, точно ли Ли Джунхван останавливался в павильоне «Восьми триграмм», но указываемый им маршрут совпадает с требованиями, которые в рамках ритуальной поэзии выдвигались к жрецу – «активно солярному существу»³⁶⁴, который обычно был представлен как старик в стеганной одежде. Путь по указанным осям жрец проходил перед созданием ритуального предмета, как это видно в сказании о монахе Чхундаме. Ожидая, что Ли Джунхван – отшельник и странник, мы предполагаем, что он мог быть одет в поношенную одежду и, возможно, залатанную. То есть тут реализуется подготовительный этап для создания ритуального произведения.

В комментарии Ли Джунхвана присутствует еще один скрытый географический элемент, а именно – «берег», вдоль которого Ли идет. Берег, как сочетание воды и земли, песка, – одна из наиболее часто использующихся

³⁶³ Корейская энциклопедия онлайн. [Электронный ресурс]: URL: http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Index?contents_id=E0059707

³⁶⁴ Никитина М.И. Указ. соч. С. 18-19.

локаций для «рамок», в которых проходит ритуал. Берег моря фигурирует также в «Старик подносит цветы»³⁶⁵, и поэтому можно заключить, что речной берег, по которому движется вверх против течения 上 Ли Джунхван, является частью сакрального пространства.

В павильон Ли Джунхван, реализуя вертикальное перемещение, поднимается, что поясняет иероглиф «тын» 登 – этот же иероглиф используется в словосочетании «подниматься в горы» тынсан 登山. Соответственно, мы можем заключить, что подъем в павильон для создания чего-либо в рамках ритуальной традиции аналогичен подъему в горы, скалы, и, совершая ритуальный акт, деятель находится наверху. Завершив действие (завершив «Описание...»), Ли Джунхван выходит из павильона, т.е. «спускается». Действие не освещено отдельно, но предполагается.

Второй частью ритуала является *время*. Комментарий позволяет нам понять, что это «летний день», «жара», «начало лета» (первая декада), год «белого барана». Такие слова как «солнце» и «начало» позволяют сделать однозначный вывод о доминировании в это время года мужской энергии ян 陽. «Начало» указывает на расцвет, на накопление сил и фазу зарождения. Год «белого барана» – еще одна загадка, которую загадывает читателю Ли Джунхван. «Баран» ян 羊 – восьмое животное по двенадцатеричному циклу, которому соответствует циклический знак ми 未, и на русский язык обычно мы переводим его как «овца». Обратим внимание, что «ян», соответствующее барану, звучит так же, как «ян» мужской энергии, т.е. происходит фонетическая акцентуализация на данном элементе. «Белый» – это свет: т.е. еще одно усиление солярности времени; – а, кроме того, цветовое восприятие «западной» стороны и «металла» – одного из пяти первоэлементов³⁶⁶, которому в свою очередь соответствует циклический знак син 辛 года «металлической овцы» 1751 г. син-ми 辛未 – года завершения работы над «Описанием...». Таким образом, можно сделать вывод о том, что Ли

³⁶⁵ Там же. С. 85-88.

³⁶⁶ Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. С. 457.

Джунхван искусственно «усилил» внимание читателя на солярных составляющих времени и энергии *ян*.

Также примечательно, что году овцы и циклическому знаку *син* соответствует число «восемь», традиционно в древней корейской культуре соотнесенное с соединением мужского (число «пять») и женского (число «три») начал³⁶⁷. Можно предположить, что указанная Ли Джунхваном дата реальна, а не является частью продуманного им ритуала. Однако место проведения ритуала – написания рукописи для «старшего» – с большой долей вероятности является выбранным осознанно, и в названии павильона мы вновь встречаем число «восемь». Восемь триграмм в древней китайской культуре связывались с обращающимися друг в друга комбинациями *инь* и *ян*³⁶⁸.

«Павильон восьми триграмм» сохранился до наших дней в первозданном виде. Во время работы над настоящей диссертационной работой мы использовали для исследований его изображения в Интернете; а в июле 2018 г. смогли посетить его и непосредственно ознакомиться с архитектурой (см. Приложение).

Это одноэтажное здание стоит на холме, ниже по склону – учебное конфуцианское заведение *совон*. В «Павильоне...» две комнаты, одна из которых – кухня с очагом, благодаря которому в холодное время года в помещении поддерживается высокая температура. Вторая комната – совсем небольшая, закрытая со всех сторон; традиционно там проходило индивидуальное обучение.

То есть символически «Павильон...» может представлять собой замкнутое темное пространство, подходящее для нахождения в одиночестве. Данный элемент характерен для большинства культур и реализует две функции: с одной стороны, это темница, но, с другой, – аналог чрева, из которого после «вынашивания» «рождается» сакральный предмет или герой. В мифе о Тангуне³⁶⁹, например, темное пространство – это пещера, где медведица и тигрица должны прожить 100 дней для проведения ритуала и «рождения» их в новой форме –

³⁶⁷ Никитина М.И. Указ. соч. С. 165.

³⁶⁸ Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. Санкт-Петербург, ООО «Типография “Береста”», 2010. С. 30.

³⁶⁹ Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. С. 508.

человеческой. Согласно Ю.М. Лотману, «закрытое пространство может интерпретироваться как “пещера”, “могила”, “дом”, “женщина” (и, соответственно, наделяться признаками темного, теплого, сырого), вхождение в него на разных уровнях интерпретируется как “смерть”, “зачатие”, “возвращение домой” и т.д., причем все эти акты мыслятся как взаимно тождественные. Следующее за смертью / зачатием воскресение / рождение связаны с тем, что рождение мыслятся не как акт возникновения новой, прежде не бывшей личности, а в качестве обновления уже существующей»³⁷⁰.

Таким образом, пришедший в темное помещение мужчина (Ли Джунхван), выполнив ритуальные перемещения и являясь по своей сути солярным существом, «зачинает» ритуальный объект, то есть рукопись.

Согласно предложенной М.И. Никитиной системе облика, глаза – это основной элемент облика «младшего»: при помощи глаз «младший» оценивает облик «старшего» и порядок в мире, чтобы, в случае несоответствия, использовать руки – ту часть облика «младшего», которая воздействует на облик «старшего» и обратить внимание «старшего» на отступление от идеального облика³⁷¹. Письменный текст понимался, вероятно, как результат проявления мужского начала, поскольку в его создании участвовали глаза и руки³⁷².

Сочиняя «Описание...», Ли Джунхван оперировал руками, используя при этом опыт, полученный посредством глаз – визуального наблюдения за происходившими в первой половине XVIII в. событиями. Однако одного написания ритуального текста было недостаточно. Как и в «Старик подносит цветы», нужно было спуститься с горы / выйти из павильона и преподнести предмет. Ли Джунхван не вернулся в столицу, и предмет остался «недоношенным». С другой стороны, «Описание...» получило широкое распространение благодаря анонимным копиистам, которые при помощи рук и глаз передавали текст, «донашивая» его. Десятки пар «рук» и «глаз» «младших» усиливали облик «старшего», присоединяясь к нему и закрепляя ритуал. Но, так

³⁷⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 231.

³⁷¹ Никитина М.И. Указ. соч. С. 32-33.

³⁷² Там же. С. 248.

как ритуальный предмет не был непосредственно доставлен адресату, награждение исполнителю не последовало.

Мы предполагаем, что топонимы также несут ритуальную нагрузку. Так, например, псевдоним Ли Джунхвана – это «Отшельник с гор Чхонхасан», и мы локализуем местность с точки зрения топонима. Однако, если рассмотреть имя как сочетание иероглифов: «Чхон-хва-сан» 靑華山 + «ин» 人, мы получим формулу «Цветущая гора» + «человек», так как иероглифы «чхон» и «хва» означают «цветущий», «молодой» и «покрытый цветами», «цветущий», «красивый»³⁷³; «сан» – гора; а «ин» – человек. Сравним с горой, на вершине которой росли цветы, за которыми поднялся старец, чтобы позднее преподнести их супруге князя.

Представленное выше описание доказывает нашу гипотезу о сходстве этапов рамки *хянга* «Старик подносит цветы», позволяя, таким образом, сделать вывод о том, что «Описание...» было создано в качестве ритуального текста, основной целью которого было присоединение к облику «старшего». Изложенные доказательства сведены в наглядную таблицу ниже:

**Схема соответствий между выполнением ритуала в
«Старик подносит цветы» и «Описании избранных деревень»**

Аспект	«Старик подносит цветы» ³⁷⁴	«Описание...»
Герой-получатель	жена князя (губернатора)	правитель (Ёнджо)
пол	женский	мужской
возраст	молодой	старый (моложе дарителя)
социальный статус	«старший»	«старший»
встречает	двоих: человек+корова	-
Человек-даритель	старец	старец
пол	мужской	мужской
возраст	старый	старый

³⁷³ Интересно, что тот же иероглиф «хва» используется в поэтическом обозначении Китая как «Цветочного королевства» и термине «соджунхва», «Малый Китай» 小中華.

³⁷⁴ Никитина М.И. Указ.соч. С. 96-97.

социальный статус	«младший»	«младший»
позиция в пространстве	верх (на вершине скалы, у подножия которой корова)	верх (павильон)
пространственное перемещение	поднялся – сорвал цветы – спустился	поднялся – написал текст – [спустился]
	Вертикаль представлена скалой с цветами на вершине	Вертикаль представлена павильоном
Животное	корова	нет
Стихия	скала у моря (гора – земля – вода)	павильон после пешего похода вдоль реки (гора – земля – вода)
Даритель вступает в контакт с получателем, имея при себе предмет	вручает	не вступает
предмет	цветы рододендрона	рукопись
природный / рукотворный	растение	изделие, творение рук человеческих (своих)
цвет	красный	-
форма	круг	-
позиция в пространстве	верх (на вершине)	верх (в павильоне)
пол	женский (соотнесено)	мужской (соотнесен)
возраст	молодой	молодой
стихия	Солнце	-
связь предмета с супружеством	вручается жене губернатора	-
Время	полдень – максимальная активность солнца в период суточного цикла	жаркий летний день – активность солнца
Сакральное пространство	скала-цветы	павильон-книга
Роль	младший – «глаза» и «руки» облика старшего	младший – «глаза» и «руки» облика старшего
Цель	присоединение к облику старшего	присоединение к облику старшего

	с целью его последующего укрепления	с целью его последующего укрепления; указание на «оборотня»
Распространение	-	анонимные копиисты

Но в таком случае верно будет задать вопрос: в чем могло выражаться значение «Описания...» во второй половине XVIII в., что выделяло произведение среди аналогичных историко-географических литературных трудов? Мы вновь полагаем, это был призыв к объединению перед лицом внешней и внутренней угроз.

Выбор «молодым»-«южанином» именно «Павильона восьми триграмм» – места, связанного с придворной группировкой «стариков»-«западных», мог быть обусловлен не только географическими особенностями местности, но желанием продемонстрировать возможность единения. Момент, когда «Описание...» создается, – время ослабления «партийной» борьбы благодаря политике «равноудаленности», проводимой Ёнджо. Поэтому частых смен партий у власти *хвангук*, как это было до рождения и в юности Ли Джунхвана, не происходило. С другой стороны, Ли ясно говорит о том, что люди забыли о традиционной культуре и ритуале, отдельную главу посвящая истории становления китайского чиновничества (глава «Рассуждение о четырех типах людей») и указывая в конце нее, что корейское чиновничество начинается с периода Корё. Поэтому мы считаем, что Ли указывал на необходимость поддержания традиций в период после прихода к власти «нелегитимной» и «чужой» династии Цин.

В комментариях к «Запискам о том, как уничтожить нечисть» (XIX в.), так же, как и в «Описании...», присутствует упоминание временного и погодного аспектов – Ким Джегук сообщает, что записал он все это, чтобы «прогнать затянувшуюся летнюю жару», и М.И. Никитина проводит здесь параллель с ситуацией о засухе, т.е. наличии двух солнц («истинного» и «ложного») и моления о дожде³⁷⁵. В комментарии к «Описанию...» мы действительно

³⁷⁵ Там же. С. 212.

наблюдаем чрезмерное усиление энергии ян – оно выражается визуально («белый»), физически («баран»), сенсорно («лето», «жара»), временно («начало»). По отношению к подобным погодным условиям Ли Джунхван использует иероглиф «со» 消 – «рассеиваться», «кончаться», «уничтожать». Нам кажется, что ситуация, которую описывает Ким Джегук, аналогична ситуации Ли Джунхвана, а значит, помимо ритуала соединения «младшего» со «старшим» мы имеем дело также с указанием на «оборотня». С учетом вышесказанного мы делаем вывод о том, что под «оборотнем» понималась цинская династия, пришедшая с севера и покорившая династию Мин. Север, в противоположность югу, – сторона, откуда приходит агрессор (в том числе в случаях, когда он притворяется, что истинное его направление иное)³⁷⁶.

Примечательно, что Ли Джунхван не предлагает использовать традиционный образ активного стрелка, побеждающего оборотня, а выбирает традиционную, но пассивную роль отшельника. Возможно, это связано с представлением о превосходстве интеллектуального знания над военным делом, или же «стрелок»-правитель на тот момент был еще не готов, а нуждался в поддержке «младших» (в том числе усилении армии, укреплении экономики страны и др.).

Доказав выше соответствие этапов создания «Описания...» классическому ритуальному тексту «Старик подносит цветы», мы предлагаем рассматривать содержание произведения в том числе и с позиции ритуала, если говорить о прочтении текста в XVIII в.

Однако в начале XX в. Корея оказалась на стыке рушащихся традиций и резкого усиления западных философских воззрений, проникавших на полуостров из Китая, Японии, а также с миссионерами, число которых неизменно росло.

Вряд ли о ритуальной стороне вопроса думал японский врач-дипломат Кондо Масуки, который перевел и опубликовал в Японии в 1881 г. «Описание избранных деревень» под названием «Описание восьми земель [государства] Чосон». Справедливым будет предположить, что и Чхве Намсон, публикуя

³⁷⁶ Там же. С. 223.

«Описание...» в 1912 г. и формально реализуя «рождение» книги и завершение ритуала, опирался прежде всего на фактическое содержание произведения: географические, исторические, экономические сведения, способные воодушевить молодое поколение и пробудить в них гордость за родную страну, оказавшуюся под гнетом Японии.

Остается открытым вопрос о многообразии названий «Описания...». Мы склонны полагать, что, как было сказано ранее, переписчики присваивали тексту новые заглавия по своей личной инициативе, вне ритуальных рамок.

Заключение

В главе были рассмотрены исторические и культурные предпосылки, способствовавшие созданию «Описания...» Ли Джунхваном. Мы считаем, что это: в первую очередь, борьба между придворными группировками, и, во-вторых, его желание видеть Корею «Малым Китаем».

Выдвинуты и последовательно доказаны две гипотезы о значении «Описания...» в XVIII в. Подводя итог вышесказанному, мы хотим отметить, что обе гипотезы не противоречат друг другу. Как отшельник, Ли Джунхван получал возможность прямо говорить о том, что думает, в том числе критиковать своих современников. Также, как отшельник, он оказывался выше господствующих догм и мог следовать «традиции», соотнося свои действия с действиями прежде живших совершенномудрых.

Как жрец, он создавал новый текст, имеющий «сакральное» значение и через преподнесение этого текста потенциальному «старшему»-правителю, с одной стороны восстанавливал свой облик достойного мужа, и, с другой, усиливал облик «старшего» через символическое присоединение себя, «младшего», своих знаний, а вместе с ними – территории всей страны и людей, ее населяющих.

ГЛАВА 4.

РОЛЬ И МЕСТО ЧОСОНА В «НОВОМ» КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В «ОПИСАНИИ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ» ЛИ ДЖУНХВАНА

«Хотя мы подчиняемся Цин, но правитель и подданные, старшие и младшие, не забывают о милости [оказанной Корее династией Мин], вернувшей [ее] к жизни в [год] имджин, - в этом состоит высокое чувство долга»³⁷⁷

Ли Джунхван. Описание избранных деревень

В предыдущей главе мы рассмотрели культурно-исторический фон XVII-XVIII вв. и биографию Ли Джунхвана, которые повлияли на содержание «Описания...». Настало время перейти к ответу на основной вопрос: что именно хотел сообщить своему читателю Ли Джунхван. Мы полагаем, что «Описание...» - обращение к *садэбу*, призванное указать на существующие недостатки общества и прояснить основной путь, которым «благородный муж» должен идти в условиях смены места Чосона в окружающем культурном пространстве.

Как пишет Син Бёнджу, «в исследованиях, проводимых вплоть до настоящего момента, “Описание избранных деревень” рассматривается преимущественно как сочинение о культурной географии. <...> Это приводит к тому, что, сосредотачиваясь на исключительно географической стороне, ученые уделяют меньше внимания отражению истории в произведении»³⁷⁸. С другой стороны, можно говорить и о том, что с 1970-х и до конца 1990-х гг. исследования «Описания...» носили преимущественно поверхностный характер, что видно в,

³⁷⁷ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 65.

³⁷⁸ Син Бёнджу. Взгляд Ли Джунхвана на историю через «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*): описание людей и событий (*Тхэнниджи-рыль тхонхэ бон Ли Джунхван-ый ёксаинсик. Инмуль-гва сагон кирог-ыль чунсимыро*). Р. 118.

например, статье Хон Испа «Географическая мысль Ли Джунхвана в “Описании избранных деревень”», в которой автор, несмотря на заявленную тему, подробно описывает известную на тот момент биографию Ли Джунхвана, лишь мельком касаясь изложения географии в произведении³⁷⁹.

Если взглянуть на публикации, посвященные «Описанию...» в корейских научных журналах 1990-2010-х гг., то мы увидим две основные темы, волнующие исследователей: биография Ли Джунхвана и его политические взгляды и изучение природных особенностей и экономического потенциала в Чосоне в XVIII в. В отечественном корееведении недостаточно изучены научные и философские труды XVII-XVIII вв., поэтому результаты нашего исследования в первую очередь должны восполнить этот пробел и наметить потенциальное направление будущих исследований в этой области.

Как пишет В.М. Тихонов, благодаря созданию корейского алфавита (1443-1444 гг.) и его распространению с середины XV в., распространению печатных книг, переводов значительной части конфуцианских и буддийских сочинений на корейский язык, в государстве стал расти уровень этнокультурного самосознания: «формируется “прото-национальное” сознание: оставаясь частью общерегиональной культуры (конфуцианцем), чосонец, прежде всего образованный, начинает осознавать себя одновременно и корейцем – потомком мифического Тангуна, обладателем своеобразного исторического наследия, носителем отличного от Китая языка»³⁸⁰.

С приходом династии Цин к власти в Китае (а также ранее, с 1630-х гг.) корейцы стали разграничивать «свое» – порожденное влиянием «цивилизации» Мин и непосредственно корейской традицией – и «чужое», привнесенное Цин и выступающее априори в оппозиции по отношению к «своему». Соответственно, в период формирования оппозиции между «цивилизацией» и «варварами» мы можем ожидать появление аналогичных оппозиций «безопасное»-«враждебное», «наше»-«их», «организованное при помощи гармонии»-«хаотическое» и др.

³⁷⁹ Hong I-Söp. Yi Chung-hwan’s Geographical Thought in T’aengniji. P. 40-44.

³⁸⁰ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 290.

Таким образом, при смене образа «центра мира» должно сформироваться, согласно универсальным принципам³⁸¹, некое новое ядро, включающее, соответственно, корейские земли – «свои», и окруженное «внешним» - варварами, «чужими». Ядро формировалось постепенно. К слову, пребывание голландских моряков на службе при королевском дворе в XVII в. существенно на мировоззрении чосонцев не отразилось, что, вероятно, было обусловлено именно символическим отождествлением голландцев с «варварами» окраинных земель.

Для объяснения нового деления мира интеллектуалам Чосона было необходимо объяснить причину, по которой прежнее «ядро» более таковым являться не может, а также представить факты, согласно которым новое «свое» пространство может быть соотнесено с «центром» и может принять его роль. Наибольшее внимание интеллектуалы уделяли вопросам единства страны на основе географической целостности и общего исторического прошлого, а также соблюдению ритуалов, характерных «Срединному государству». Почитание Мин и культурное «противостояние» Цин проводилось на государственном уровне, что влияло на литературу периода.

В первой части главы рассмотрим, как именно проявлялось на государственном уровне «следование» идеалам Мин и «оппозиция» Цин, чтобы определить, насколько произведение Ли Джунхвана согласовывалось с тенденциями периода.

Также нам важно определить, какое именно наставление Ли Джунхван хотел оставить современникам и потомкам. Изучив текст «Описания...», мы пришли к выводу, что в повествовании можно выделить два направления: 1) предпосылки, благодаря которым Чосон легитимно может стать «Срединым государством»; 2) задачи, которые должны выполнить чиновники, чтобы стать достойными «младшими» добродетельного правителя-«старшего». Этим направления мы раскроем в двух других частях настоящей главы.

Одной из сложностей, с которыми нам пришлось столкнуться, является редакционная правка Чхве Намсона. Чхве, молодой просветитель-националист,

³⁸¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С.187.

использовал ряд синонимов либо полностью изымал предложения, где говорилось об отношениях *садэ* между Чосоном и Минским Китаем. Первым о грубом вмешательстве Чхве Намсона в текст сказал Пэ Усон в своей статье «К вопросу об историческом методе работы над “Описанием избранных деревень”: сравнительное исследование»³⁸². Изучив несколько списков «Описания...» и последовательно сравнив их с текстом издательства «Общества блестящей литературы Кореи» (*Чосон Кванмунхве*), Пэ Усон пришел к неутешительному выводу: «“История *садэ*, которым можно гордиться” в изложении Чхве Намсона стала “историей апатии, где нельзя было осмелиться даже думать иначе, чем [то было принято] в Китае”»³⁸³. Это не преувеличение: Пэ Усон обнаруживает именно такую редакцию фразы «старатально соблюдать *садэ*» 恪勤事大 – «не сметь думать другое» 不敢意他³⁸⁴ и подытоживает: «“Описание избранных деревень” Чхве Намсона – это не редакция с исправлением, а “Описание...”, прочитанное по-новому. Можно сказать, что Чхве Намсон представил публике не оригинал, а свое собственное прочтение»³⁸⁵.

Однако так как именно версия «Общества блестящей литературы Кореи» стала основной для изучения и переводов на корейский язык, в современных исследованиях сохраняется заданное Чхве пренебрежение к *садэ*. Обратившись к имеющимся у нас манускриптам, мы тоже обнаружили ряд лексических несовпадений. Это, например:

皇朝 – <i>хванджо</i> – «императорская династия»	明朝 - <i>мёнджо</i> – «династия Мин»
朝貢 – <i>чогон</i> – «являться на высочайшую аудиенцию и приносить дань; приносить дань императорскому двору»	通涉 – <i>тхонсон</i> – «иметь контакты, связь»

³⁸² Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (*Тхэнниджи*): сравнительное исследование (*Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон пигёёнгу-рыль чунсим-ыро*). Р. 213-246.

³⁸³ Ibid. Р.214.

³⁸⁴ Ibid.

³⁸⁵ Ibid.

忠順 – чхунсун – «лояльность; верность и покорность»	親泥 – чхинни – «придерживаться дружественных отношений»
--	--

Поэтому уже на этом этапе можно заключить, что в «Описании...» Ли Джунхван придерживался синоцентричной модели мира и гордился долгими отношениями *садэ* со «Срединным государством». Но редакция Чхве Намсона в колониальный период (1912 г.) повлияла на восприятие текста в XX в., и поэтому на протяжении долгого времени тема сохранения *садэ* в «Описании...» не становилась отдельным объектом изучения, исключая недавние исследования Пэ Усона.

4.1. Культурные изменения в Чосоне в XVII-XVIII вв.

Перед тем, как перейти к характеристике изменений, коснувшихся культурной сферы Чосона после падения династии Мин, необходимо отметить, что в мировом корееведении до сих пор нет единого мнения относительно того, как долго на государственном уровне продолжалось демонстративное сохранение *садэ* к Мин в условиях дипломатических отношений с Цин.

Так, например, Т.М. Симбирцева склонна полагать, что основной период соблюдения *садэ* к погибшей династии Мин приходится на период правления ванов Инджо и Хёнджона, т.е. на XVII в.³⁸⁶ С Т.М. Симбирцевой солидарен Хан Ёну, лишь немногим дольше продлевающий срок *садэ* к Мин: «после войны [Мин] с маньчжурами, особенно в поздний XVII – ранний XVIII вв., в Сеуле стали доминировать те, кто продвигал анти-цинские и про-минские настроения, а также “карательный поход” на север. Этими людьми двигала вера в то, что Чосон – последний бастион истинной цивилизации, “маленький Китай”. <...> Их заботила не сколько память о Мин, сколько отчаянное нежелание признавать Цин государством с подлинной моралью и этикой»³⁸⁷.

³⁸⁶ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 408.

³⁸⁷ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era. P. 237.

Как пишет Хо Тхэён, занимающийся проблемой синоцентризма в трудах позднего Чосона, в период XVI – начала XIX вв. аристократы и интеллектуалы Чосона первоначально полагали, что кризис Мин – временный, и маньчжурям будет дан отпор, но затем, с конца XVII в., отказались от этой идеи и стали развивать теорию о Корее как единственном легитимном наследнике «Срединного государства», достойного занять его место³⁸⁸. Таким образом, на настоящий момент Хо Тхэён определяет самый долгий срок сохранения статус-кво Чосона по отношению к Цин: вплоть до начала XIX вв.

В одном ученыe Республики Корея совершенно единодушны: рост корейскогоproto-этнического самосознания связан именно с тем, что самоназвание «Срединное государство» присвоили себе, с точки зрения тогдашней корейской конфуцианской элиты, бывшие «варвары»³⁸⁹.

Однако Дональд Бэйкер (США) придерживается иного мнения. Согласно его точке зрения, «хотя корейцы и негодовали в душе, что те, кого они считали необразованными варварами, стали править Империей, они признали маньчжурскую династию Цин легитимной и совершали по отношению к ней те же ритуалы, что и к другим китайским династиям»³⁹⁰. То есть Д. Бэйкер фактически отрицает наличие каких-либо изменений в самосознании корейцев, которые позволили бы начать искать свою собственную нишу в культурном пространстве XVII-XVIII вв.

Позицию большинства представителей мирового корееведения по этому вопросу сформулировал Годфри Гомперц (1904-1992), известный английский коллекционер и исследователь корейской керамики: «Так как корейская цивилизация не может быть понята без должного внимания к ее связям с Китаем, я предпочел разделить историю корейской керамики периода Ли на два больших отдела: первый – когда был тесный контакт с культурой Мин, и второй – когда

³⁸⁸ Хо Тхэён. Критическое исследование вопроса о корейском национализме второй половины периода Чосон (Чосон хуги-ый вонминджокчуй мундже-е тэхан пиханчок комтхо) // International Journal of Korean History Vol.12. Сеул, 2008. Р. 98-99.

³⁸⁹ Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. Korea Old and New: A History. Seoul, Korea Institute, 1990. Р. 150.

³⁹⁰ Sources of Korean Tradition. Vol.2: From the sixteen to the twentieth centuries / ed. Baker D. New York, Columbia University Press, 2000. Р. 5.

контакт был с цинской культурой, называя соответственно это первым периодом Ли и вторым периодом. Где именно должна быть проведена граница между двумя периодами, это должно стать предметом дискуссии. Вторжение маньчжуротов в Корее является важной политической вехой; однако впоследствии Корея лишь формально платила дань цинскому Китаю. Фактически – хотя и тайно – корейцы смотрели на культуру цинского Китая, считая маньчжуротов северными варварами, и продолжали использовать минские наименования годов. И только незадолго до окончания “эры Канси” [«эра Канси» 1654-1722 – Н.Ч.] корейцы постепенно пришли к признанию культуры Цинов»³⁹¹.

Опираясь на вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что к середине XVIII в. в Корее более не доминировали анти-цинские взгляды, но перестали ли корейские интеллектуалы видеть себя легитимными наследниками Мин и «Срединного государства»? Окруженные Цин и Японией периода правления сёгуната Токугава, а также получая через Цин информацию о других мировых державах, корейские интеллектуалы неизбежно должны были задумываться о месте Чосона в этом новом мире. Одновременно мы должны задать и другой вопрос: что значило для корейцев *садэ*? Ответ на него дают крупнейшие современные ученые: в конце периода Корё, во время владычества монгольской династии Юань, когда впервые возникла идея о «Малом Китае», в корейцах словно проснулась гордость от культурной и территориальной близости к «Срединному государству». Для них «Срединное государство» значило не просто «культурные ценности китайцев», но общность духовной цивилизации, что объединяла все известное на тот момент население мира³⁹². Впоследствии из этой «гордости» появился феномен «Чосон чунхва ыйсик» 朝鮮中華意識 – осознание

³⁹¹ Гомперц Г. История корейской керамики периода Ли. Статья 1966 г. Пер. с англ. Киреевой Л.И. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVIII. Магнитогорск – Новосибирск, 2007. С. 420.

³⁹² Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Ор.cit. Р. 236. Автор благодарит профессора Чон Хохуна, сотрудника Международного Института корееведения Кюджангак Сеульского национального университета (서울대학교 규장각 한국학연구원 정호훈 교수), за ценные советы при написании диссертации и подробное разъяснения философских вопросов, касающихся идейного течения «сирхак», положения о «Малом Китае» и других.

Чосона «Срединным государством», иначе известный как идея о «*соджунхва*» – «Корея – Малый Китай».

Формирование первых культурно-исторических оппозиций «свое»-«чужое» мы видим еще во время правления вана Инджо. Так как Сукчон и Ёнджо позднее будут использовать в своей культурной политике символизм, имеющий отношение к маньчжурским нашествиям на Чосон, мы считаем целесообразным обратиться к периоду XVII в. и принятию вассалитета от Цин подробнее.

«Двойная» политика Кванхэгуна после Имджинской войны 1592-1598 гг., когда он, оказывая военную помощь формальному «сюзерену» Кореи – Минской династии, в то же время тайно приказывал корейским солдатам уклоняться от активного участия в боях и вел сложные переговоры с маньчжурами за спиной Минов³⁹³, вызвала недовольство чиновничьей верхушки. Породило неоднозначную реакцию и включение в пантеон великих неоконфуцианских деятелей, где традиционно почитались китайцы, первых корейцев (1610). Как считает У.Т. де Бэри, «они символизировали корейскую независимость от Китая и отказ от якобы коррумпированных, неортодоксальных мыслей, пронизавших позднюю Мин»³⁹⁴. Но у Кванхэгуна была слишком слабая общественная поддержка. Жестокие «чистки» рядов лишь спровоцировали всеобщее недовольство и заговор, результатом которого стали ссылка Кванхэгуна в 1623 г., казнь поддерживавших его чиновников и приход к власти нового правителя – вана Инджо.

В отличие от своего предшественника Инджо стал проводить проминский и жесткий антиманьчжурский курс, позволяя, в частности, минским войскам использовать корейскую территорию как базу для ведения войны. Маньчжуры ответили решительным наступлением: получив приказ от Хун Тайчжи (1592-1643, правление 1626-1643) в феврале 1627 г., маньчжурская армия перешла пограничную реку Амноккан по льду уже 1 марта.

³⁹³ Тихонов В.М., *Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. С. 338.

³⁹⁴ De Bary Wm.Theodore. Introduction // The Rise of Neo-Confucianism in Korea. Columbia University Press, 1985. P. 49.

Непосредственным поводом для нападения послужило отсутствие корейских представителей на погребальных церемониях в честь умершего 30 сентября 1626 г. хана Нурхаци 努爾哈赤 (1559-1626, правление 1616-1626). Кроме того, маньчжуры предъявили Корее еще несколько претензий, среди которых: 1) корейские войска поддерживали племена чжурчжэней, с которыми маньчжуры вели войну; 2) корейские войска не выразили благодарность маньчжурам за то, что те вернули пленных после того, как провалилась их анти-маньчурская атака, осуществленная в союзе с Минами в 1619 г.; 3) корейцы не препятствовали тому, что минские войска, закрепившись на корейской территории, вели военные действия, несмотря на неоднократные обращения маньчжур к корейскому монарху³⁹⁵.

После того, как в 1627 г. войско маньчжур захватило Сеул, Инджо был вынужден пойти на попятный и приступить к переговорам. 18 апреля 1627 г. на острове Канхвадо, в резиденции корейского правителя, был подписан мирный договор, итог которого, однако, был компромиссным. Хотя Корея и маньчжурское государство признали друг друга «братьями», а Корея отправляла маньчжурам заложников, но, даже официально отказываясь от антиманьчурской политики, подчеркивала, что остается дружественной и к Минам.

На деле это выражалось в том, что корейцы активно снабжали припасами и продовольствием минские части, отказываясь поставлять что-либо маньчжурам. Авторитет Инджо был подорван, но ослабленная страна не могла ничего противопоставить навязываемой Хун Тайчжи политике.

Для утверждения своей власти над Чосоном Хун Тайчжи воспользовался «языком» ритуала. В 1630 г. через своих послов он потребовал, чтобы Инджо лично совершил церемонию в древнейшем конфуцианском храме Сеула – Алтаре Земли и Злаков 社稷壇 (*Саджиктан*), «преподнеся» белую лошадь – духу урожая,

³⁹⁵ Подробнее см.: Бокцанин А.А., Думан Л.И. Внешняя политика государства Цин в XVII в. М.: Наука, 1977. С. 98-99.

а черного быка – духу земли, чтобы подчеркнуть мирные отношения между Чосоном и маньчжурским государством³⁹⁶.

Но и после этого Инджо продолжал свою негибкую политику, не осознавая, возможно, потенциальной угрозы со стороны «варваров». В 1635 г. Хун Тайчжи потребовал у Инджо разорвать все отношения с Мин и признать «старшим» маньчжурское государство. Как пишет В.М. Тихонов, «негодование абсолютного большинства придворных было настолько велико, что сообщивший об этих требованиях корейскому двору маньчжурский посол почел за лучшее бежать из Сеула ночью, оправданно боясь за свою жизнь»³⁹⁷.

В мае 1636 г. корейские послы, ведомые, вероятно, идеей о сохранении *садэ* к Мин, допустили ряд бестактностей на церемонии провозглашения Хун Тайчжи императором, что спровоцировало затяжной политический кризис³⁹⁸ и стало поводом для того, чтобы в декабре того же года Хун Тайчжи повел на Корею 130-тысячную армию.

Хун Тайчжи без особого труда захватил Сеул и осадил горную крепость Намхансансон 南漢山城, где укрылся Инджо со своими ближайшими советниками. В плен попали сыновья монарха и семьи чиновников, и 24 февраля 1637 г. Инджо был вынужден подписать в Самджондо 三田渡, недалеко от переправы на реке Ханган, договор, согласно которому Чосон становился вассалом Цин. Желая продемонстрировать свою власть и подчеркнуть «подчиненное» положение Чосона, Хун Тайчжи после подписания договора велел на том же месте установить «Стелу заслуг и добродетелей императора Великой Цин» (*Тэчхон хвандже гондокни*) 大清皇帝功德碑 (1639), где было зафиксировано, что Инджо должен прекратить дипломатические отношения с Мин и начать выплачивать дань маньчжурам³⁹⁹. Кроме того, согласно договору, Инджо должен был передать Хун Тайчжи двух своих сыновей в качестве заложников, регулярно платить дань (был зафиксирован объем каждого из

³⁹⁶ Clark D.N., Grayson J.H. Discovering Seoul. Seoul, RASKB, 4, 1986. P. 331.

³⁹⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ.соч. С. 341.

³⁹⁸ Бокицанин А.А., Думан Л.И. Указ. соч. С. 112-114.

³⁹⁹ Clark D.N., Grayson J.H. Op.cit. P. 159.

требуемых продуктов и предметов), выдать минский указ об инвеституре вместе с печатью, по праздникам⁴⁰⁰ направлять послов с дарами согласно ритуалу, посыпать сановников для встречи и сопровождения посланцев (не нарушая старых установлений Минской династии), при карательных походах присыпать войска на помощь и выдавать награды, не принимать беглых и не строить укреплений. Также Инджо должен был посыпать в Цин по требованию девушек из знатных семей для пополнения императорского гарема. В награду за покорность маньчжуры разрешили корейцам сохранить свою традиционную прическу.

Это был удар по корейскому традиционному представлению о мире: «варвары» указывали, что и как следует делать, поправ «Срединное государство». И, кроме сопротивления через ритуал, Инджо ничего не мог им противопоставить. Вспомним, что корейская конфуцианская верхушка еще долгое время тайно собирала войска для реванша, который так и не удалось совершить, – именно эти отряды в 1654 и 1658 гг. сражались на стороне Цин с русскими казаками, в т.н. Албазинских войнах (1649-1689)⁴⁰¹.

В 1644 г., сломив сопротивление Мин, маньчжуры провозгласили империю Великая Цин, став новым «Срединным государством». Но для Чосона почитание Мин на этом не закончилось.

Вопреки заключенному договору между Инджо и Хун Тайчжи, чиновники продолжали носить одежду образца минской династии и следовать минскому календарю, а именно последнему девизу правления Чун-чжэнь, «возвышенное счастье», 崇禎 (1629-1644)⁴⁰². Более того, феномен сохранения Минского девиза сохранялся и в XVIII в. Так, у крупнейшего философа позднего Чосона Пак Чивона 朴趾源 (1737-1805) в травелоге «Жэхэйский дневник» 热河日記 (*Erxa ильги*, 1780-ые гг.) мы видим следующее рассуждение: «...почему же не сказать

⁴⁰⁰ Новый год, первый день первого лунного месяца, зимнее солнцестояние, день рождения правящего монарха, день рождения наследника и др.

⁴⁰¹ Подробнее об этом см. Симбирцева Т.М. Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг. С. 179-188

⁴⁰² Clark D. Sino-Korean Tributary Relations under the Ming. The Cambridge History of China: Volume 8 - The Ming Dynasty: Part Two, eds. Denis Twitchett and Frederick W. Mote. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 273.

прямо: “годы правления под девизом Чун-чжэнь”? Потому что по ту сторону реки на этот девиз наложен запрет. <...> Варвары заняли тысячи ли нашей Восточной страны, только река отделяет нас от них, и теперь лишь в нашем государстве сохраняется система правления прежних Минских императоров. <...> нам остается с благоговением придерживаться девиза правления Чун-чжэнь, тем самым как бы сохраняя у себя частицу Китая»⁴⁰³.

Так «внешняя» сторона ритуала оставалась неизменной – корейские правители продолжали именовать себя «ванами», занимая подчиненное положение в *садэ*, направляли в новое «Срединное государство» послов с дарами, приветливо встречали гостей. Внутренние документы Чосона заверялись *обо* 御寶 – государственной печатью, предназначеннной для скрепления всех особо важных документов и изготавливающейся при дворце. Документы, которые направлялись в Цин, заверялись иной печатью, изготовленной в самой Цин и имеющей маньчжурские надписи. Отметим, что процедура вручения золотой печати корейскому правительству восходит к X в., времени возникновения государства Корё. В дальнейшем печати посылали в Корё и юаньские, и минские императоры, причем последние заменили золотые печати на нефритовые – *оксэ* 玉璽⁴⁰⁴.

Однако на «внутреннем» государственном уровне происходила смена ролей. Хотя чиновничья верхушка не была единой относительно того, как стоит себя вести в «новом» мире, большая часть все же настаивала на анти-маньчжурских действиях.

Примечателен датирующийся XVII в. эпизод из хроникальной летописи ванов Чосона «Драгоценное зерцало правящей династии» 國朝寶鑑 (*Кукчо погам*), приведенный западным миссионером Джеймсом Гейлом (1863-1937) в статье «Ханян (Сеул)» (1902):

Рядом с дворцом была выстроена башня под названием Мёнсоллу 明雪樓, где каждый из иероглифов означал, соответственно, 明 – «династия Мин», 雪 –

⁴⁰³ Наставление царю цветов. Высокая проза Кореи XI-XVIII веков. Золотой фонд корейской литературы, V. / пер. с кит. СПб.: Гиперион, 2010. С.157-158.

⁴⁰⁴ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С.45.

«смывать, уничтожать», 樓 – «башня». Это был мемориал, хранящий скорбь корейцев по отношению к падению династии Мин. Когда в Корею прибыло первое посольство династии Цин, <...> то правительство позаботилось о том, чтобы не чествовать их в Ведомстве Великого спокойствия (*Тхэпхёнгван*) 太平館, где прежде принимали посланников Мин, а в [расположенном поодаль – *прим. Н.Ч.*] Южном дворце Намбёльгун 南別宮, где стояла башня Мёнсоллу. «Что это? – спросили посол и его сопровождающие. – Мёнсоллу! Это памятник династии Мин?» – «Ни в коем случае, – ответил представитель корейского правительства. – К династии Мин постройка не имеет отношения. Это “Башня яркого снега”»⁴⁰⁵. – «Как поэтично!» – воскликнул посол Цин⁴⁰⁶.

Этические нормы «верности» и «долга» к исчезнувшей династии Мин демонстрируются здесь исподволь – через семиотическую систему, доступную для дешифровки несколькими способами. Также мы полагаем, что в данном случае эпизод показывает и лояльное отношение Цин (посол которого сразу верно перевел название башни) к демонстративным проявлениям верности-«чхун» правителей Чосона.

Со своей стороны Цин были заинтересованы в том, чтобы Чосон стал их преданным вассалом. Старший сын Инджо, принц Сохён 昭顯世子 (1612-1645) пробыл в маньчжурском государстве заложником вместе со своим братом до 1644 г., и в Чосон вернулся, воодушевленный почерпнутыми там знаниями. Через два месяца Сохён скоропостижно скончался⁴⁰⁷⁴⁰⁸, а престол унаследовал его младший брат, известный по своему посмертному имени Хёджон 孝宗 (1649-1659).

В период правления Хёджона Чосон берет курс на «закрытие»: посольства отправляются только по оговоренным заранее событиям, остаются за рубежом

⁴⁰⁵ Каждый из иероглифов «Мёнсоллу» отдельно означает также: 明 – «ясный», «светлый», 雪 – «снег», 樓 – «башня».

⁴⁰⁶ Gale James S. Han-Yang (Seoul). P. 1-43.

⁴⁰⁷ Подробнее о судьбе принца Сохёна см. Симбирцева Т.М. Указ.соч. С. 407-409.

⁴⁰⁸ В узких кругах существовала также версия гибели принца от руки самого Инджо, разозлившегося на недальновидность Сохёна, который в ответ на вопрос маньчжурского владыки о подарке попросил яшмовую печать, в то время как его младший брат в качестве подарка попросил освободить пленных корейцев. Подробнее см.: Charles Hunt. Supplement to Article on Yo-Ju [Yōju] in Vol. XXXI [Электронный ресурс] // Transactions of the RASKB, Vol.31, 1948-49. P. 79. URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> (дата обращения 07 января 2017 г.).

максимально долго, чтобы решить все возможные вопросы. Также Хёджон готовит войска для «карательного похода на Север», однако важно, что ученым до настоящего момента не удалось найти документов, подтверждающих контакты Хёджона с потенциальными про-Минскими союзниками на юге Китая. Таким образом, Хёджон продолжал начатую Индже политику формального соблюдения *садэ* к Цин.

Культурная политика его преемника – Хёнджона 顯宗 (1641-1674, правление 1659-1674) продолжала те же тенденции. Показательным является тот факт, что именно с периода Хёнджона в перечень книг, которые преподавались будущим правителям Чосона, стало входить такое сочинение как «Первые упражнения [для] детей» 童蒙先習 (*Тонмон сонсып*), в котором говорилось о долгих историко-культурных контактах между государствами Корейского полуострова и «Срединным государством». В частности, там есть такие строки:

Ах! Пусть наша страна и удалена, и находится с противоположной стороны моря, и земли у нас мало, [но] церемонии и музыка, законы и административная система, платье и головной убор, памятники культуры целиком следуют эталону Цветочного [государства] 華. Нормы отношений между людьми освещают [тех, кто] наверху и перевоспитывают [тех, кто] движется внизу. Красота обычая равна китайским. Китайцы называют [Корею] «Малым Китаем» 小中華. Разве не это передал Киджа? Ах, дети, [вы] должны сохранить этот образ и встать, поднять голову⁴⁰⁹.

Здесь нам хотелось бы обратить внимание на то, что автор (на данный момент точно не установлено, кто именно из придворных чиновников стал автором «Первых упражнений») использует ритуальную схему отношений между «старшим» и «младшим», алгоритм которой описан в монографии М.И. Никитиной. Мы видим здесь схему соотнесения облика «старшего», «Цветочного государства», с идеальным обликом, сохраненным в «душе»-церемониях «младшего». Нарушение облика «старшего» (церемонии династии

⁴⁰⁹ Первые упражнения [для] детей 童蒙先習 (*Тонмон сонсып*). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nongsimga.pe.kr/jaryo/gojeon/dongmonghe.htm> (дата обращения 07 января 2017 г.)

Цин) – нарушение гармонии, и «младший», дабы вернуть гармонию в космос и социум, должен сохранять облик «старшего» в своей «душе» и, т.к. Цин с точки зрения ритуальной культурной системы более не является «старшим», то нет смысла смотреть на него снизу вверх, а требуется отделиться и выступить в роли «старшего» самим⁴¹⁰. Соответственно, все правители, пришедшие к власти после периода Хёнджона, занимались по этой книге и с малых лет приучались видеть Чосон в качестве «Малого Китая».

В задачи настоящей работы не входит подробное изучение внешней и внутренней политики правителей XVII в., поэтому, сформулировав основные тенденции периода, перейдем к XVIII в., времени правления Сукчона 肅宗 (1661-1720; правление 1674-1720) и Ёнджо 英祖 (1694-1776; правление 1724-1776), времени создания «Описания избранных деревень», когда в Чосоне произошел рост интереса корейцев-интеллектуалов к истории, культуре, традициям и литературе родной страны, обусловленный, как мы полагаем, анти-цинской реакцией на расцвет культуры Цин в правление Сюанье 玄燁 (1654-1722, правление 1661-1722) и Хунли 弘曆 (1711-1799, правление 1736-1799).

Именно Сукчон (а вслед за ним – Ёнджо) восстановит придворный портрет основателя династии Чосон – Ли Сонге, ныне считающийся самым ранним из сохранившихся (1688); при Ёнджо будет написан также портрет вана Седжо⁴¹¹ – мы считаем, что именно создание его портрета должно было подчеркнуть преемственность власти, так как после узурпации Седжо трона в 1456 г., все последующие правители были его потомками. Во время правления Сукчона и Ёнджо отмечен подъем интереса к корейской культуре, не в последнюю очередь финансируемый из государственного бюджета.

И вновь мы видим двойственную политику по отношению к Цин – соблюдая все требуемые нормы, корейские ваны тем не менее подчеркивали свою

⁴¹⁰ Подробнее об алгоритме взаимодействия между «старшим» и «младшим» см. Никитина М.И. Указ.соч. С. 34-43.

⁴¹¹ Син Бёнджу. Как писали лица королей эпохи Чосон? – Ыйгве, имеющие отношение к придворным портретам оджин (Чосон сидэ күгван ольгур-ыль оттоке кырёссылька? – Оджин кваллён ыйгведыль) [Электронный ресурс] URL: http://kyu.snu.ac.kr/center/content/kingdead1_view.jsp?id=1809&type=37 (дата обращения 15 марта 2018 г.)

культурную независимость и самостоятельность. Известен такой факт – в конце XVII в. император Сюанье тщетно пробовал получить у вана Сукчона необходимый картографический материал для пополнения большой карты всей империи, над которой тогда работали миссионеры в Пекине. Как писал П. И. Ждан-Пушкин в 1875 г., «китайские послы были приняты с надлежащим великолепием, им расточали заверения в преданности и подносили богатые дары, но в результате им не удалось привезти с собой ничего, кроме крайне неполного плана, который они нашли во дворце короля в Сеуле»⁴¹².

Ли Джунхван восхищался проводимой Сукчоном и Ёнджо политикой сохранения «верности» династии Мин – доказательство этому мы находим в «Описании...», в главе «Горы и реки»:

Хотя мы подчиняемся Цин, но правитель и подданные, старшие и младшие, не забывают о милости [оказанной Корее династией Мин], вернувшей [ее] к жизни в [год] имджин, - в этом состоит высокое чувство долга 大義理.

<...>

[Ван] Сукчон должным образом [организовал] чуган [60 лет] 周甲 с падения династии Мин. Был построен алтарь Тэбодан 大報壇 [1705] в западной части сада Хувон дворца [Чхандоккун]. Императору Ваньли [1573-1619] был принесен жертвенный бык, и было приказано приносить [такую] жертву раз в год. Действующий правитель [Ёнджо] в год кёну [1750] также [велел проводить] жертвоприношение императору Чунчжэню [император Чжу цзянь, последний император Мин, 1627-1644], и это более чем великое дело⁴¹³!

Сукчон был первым ваном периода второй половины Чосона после Имджинской войны, который постановил проведение ритуалов в честь прежних императоров Мин. Строительство алтаря на территории королевского дворца также указывает на высокий статус ритуала, что в условиях формального *садэ* к Цин означало фактический «вызов» сюзерену.

⁴¹² Первые известия о Корее в России (1675-1884) / Сост. Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Пак Б.Б. М.: Первое марта, 2010. Р. 172.

⁴¹³ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / ред. Чхве Намсон. Р. 65-66.

В период правления Сукчона и Ёнджо был осуществлен ряд проектов, направленных на обращение к исторической памяти народа. Это, например, реконструкция и расширение крепости Намхансансон 南漢山城⁴¹⁴ к юго-востоку от Сеула. Сооружение крепости началось в 1624 г. по приказу Инджо, и спустя два года именно там, через 45 дней после начала осады, король сдался на милость маньчжурам, что привело к установлению *садэ* к Цин и разрыву отношений с Мин. В XVIII в., согласно приказам Сукчона и Ёнджо, на территории крепости были построены храм Хёнчхольса 顯節祠 в память «о духах чиновников, которые отговаривали Инджо сдаваться маньчжурам»⁴¹⁵, и достроен второй этаж павильона Муманну 無忘樓, название которого можно перевести как «Башня, [чтобы] не забывать»⁴¹⁶.

Ранее мы упоминали, что хотя в Китае после падения Мин и установления в 1644 г. Цин официальный костюм гражданского чиновника был заменен на одежду маньчжурского типа, в Корее чиновники продолжали носить одежду по образцу Мин. Более того, в 1734 г., в правление вана Ёнджо, гражданским чиновникам *тансанган*, коим соответствовали первый, второй и высшей степени старший класс третьего ранга в Чосоне, были предписаны *хюнбэ* 胸背⁴¹⁷ (кит. *буфан*) с изображением журавля, всем нижестоящим гражданским чинам – с серебристым фазаном⁴¹⁸. Смена птицы была важна, потому что, приняв в 1454 г. официальный минский костюм, Чосон не мог использовать в *хюнбэ* изображения журавля и золотого фазана, которые связывались с первым и вторым классами китайского гражданского чиновника. Соответственно, мы можем сделать вывод, что уже в начале своего правления Ёнджо поддерживал идею *соджунхва*, не соблюдая на ритуальном и культурном уровнях вассалитет по отношению к Цин и ориентируясь на минскую культуру как на образец.

⁴¹⁴ В 2014 г. крепость была включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁴¹⁵ Одним из условий принятия капитуляции Инджо была сдача всех оппозиционеров с последующей казнью.

⁴¹⁶ Clark D.N., Grayson J.H. Op.cit. P. 286-287.

⁴¹⁷ *Хюнбэ* (кит. *буфан*) – квадратные нашивки с изображением птицы (для гражданских чиновников) или дикого животного (для военных чиновников). Каждое изображение соответствовало определенному рангу.

⁴¹⁸ Подробнее о *хюнбэ*, корейском костюме и знаках различия см. Елисеева И.А. Искусство и культура Кореи. Путеводитель по постоянной экспозиции. М.: Государственный музей Востока, 2010. С. 110-116.

Джеймс Гейл так писал о сохранении *садэ* к Мин в Чосоне в конце XIX - начале XX в.: «во внутренней политике, системе чинов, территориальном делении мы можем использовать китайские каноны и чувствовать себя в Корее как дома. Вся система семейных взаимоотношений полностью перенесена из “Цветочного королевства”. Законы до сих пор [1900 г. – *прим. Н.Ч.*] называются “Законы Великой Мин” 大明律 (*Тэмёнюль*). Церемонии те же, что и в Трех [первых] династиях 三代禮⁴¹⁹. Шесть министерств такие же, как в Китае, чины <...> идентичны. <...> Истоки корейских имен, будь то человек или место, следует искать в Китае»⁴²⁰.

Здесь нужно обратить внимание, что несмотря на обнаруженные Гейлом сходства между Чосоном и Минским Китаем, культурный период сохранения памяти династии Мин в XIX-XX вв. уже шел на спад. Это связано с тем, что после смерти вана Чонджо 正祖 (1752-1800; правление 1776-1800) у власти чередой были малолетние ваны, которые фактически передали бразды правления родственникам своих жен, принадлежавших к кланам андонских Кимов 安東金氏 и пхуньянских Чо 豊壤趙氏 и для укрепления своих полномочий стремившихся поддерживать дружественные отношения с Цин. Но это будет лишь спустя полвека после составления «Описания...».

Мыслители позднего Чосона по-разному оценивали возможность приближения к «Срединному государству». Для «западника» и ярого сторонника неоконфуцианства Сон Сиёля 宋時烈 (1607-1689) основополагающим доказательством являлось сходство корейской и китайской культуры и ритуала. География и история для него играли существенно меньшее значение, в то время как, например, историк и философ Ан Джонбок 安鼎福 (1712-1791) заявлял, что у неба над «Срединным государством» нет границ, а значит не может быть их и при поиске нового места для «Срединного государства». Чон Ягён был солидарен с Ан Джонбоком, зато *сирхакист* Хон Дэён 洪大容 (1731-1738), приверженец

⁴¹⁹ По-видимому, Гейл имеет в виду государства Ся, Шан и Чжоу, т.е. период с 3 тыс. до н.э. до 221 г. до н.э.

⁴²⁰ Gale James S. The Influence of China Upon Korea [Электронный ресурс] // Transactions of the RASKB, Vol.1, Part 1, 1900. С. 19-20. URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> (дата обращения 7 января 2017 г.).

течения *пукхак* 北學 («учиться у Севера»), был глубоко заинтересован в географии «Срединного государства»⁴²¹.

В начале XVIII в. складывается и реалистическая школа живописи, основоположником которой был Чон Сон 鄭善 (1676-1759) – первый из корейских мастеров он отошел от подражания идеализированным китайским пейзажам и выработал «собственный корейский стиль, проявив яркую индивидуальность художественного почерка»⁴²². Данный факт также может служить доказательством того, что в Корее наблюдается постепенный отход от почитания китайского «Срединного государства», и все внимание оказывается направленно именно на родную страну: ее географию, историю, культуру. Корейские ценности начинают превалировать над китайскими.

Таким образом, мы можем заключить, что во время создания «Описания...» в обществе происходили значительные перемены, подкрепляемые культурной политикой правителей (Сукчона и Ёнджо). Корейские интеллектуалы продолжали относиться к Цин как к «варварам» (это мы видим, например, в сочинении Пак Чивона) и стремились отыскать место Чосона в культурном пространстве XVIII в. Рассмотрим, как это сказалось на содержании «Описания...».

4.2. Географическая картина мира в «Описании избранных деревень»

4.2.1. Географический детерминизм и теория *пхунсу чири соль* в «Описании избранных деревень»

Географическая картина мира, которую предлагает читателю Ли Джунхван в «Описании...», является отражением взглядов многих интеллектуалов середины Чосона – неслучайно рукопись стала столь популярна. При этом современные ученые, среди которых представители Международного центра корейских исследований Института Кюджангак, ставят «Описание...» на первое место по информативности изложенных сведений о Чосоне, но также заявляют,

⁴²¹ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Ор.сит. Р. 237.

⁴²² Глухарева О.Н. Искусство Кореи: С древнейших времен до конца XIX в. М.: Искусство, 1982. С. 175.

что достаточно и двух тем, географии и связанной с географией экономики (часть «Материальная польза» 生利 *Сэнни*), чтобы причислить Ли Джунхвана к *сирхакистам*⁴²³. Поэтому мы можем сделать вывод о том, что Ли отражал в своем сочинении реальные проблемы, которые стояли перед страной. В частности, это проблема сельского хозяйства, так как в XVIII в. Корея оставалась аграрной страной, и неурожайность, голодные годы, наличие или отсутствие излишков продукта прямо сказывались на жизни населения. Кроме того, нельзя забывать и о том, что земельные угодья и связанное с ними благосостояние имели большое значение для чиновника и его амбиций. Но так как наше исследование не затрагивает вопросы *сирхак*, а также социальное расслоение общества, мы опустим эту часть и перейдем непосредственно к географии Чосона.

Природе родной страны Ли Джунхван отводит наибольшее по объему место, упоминая особенности ландшафта как в главах, где рассказывается о каждой из восьми провинций, так и в разделе «О выборе правильного места» 卜居總論 (*Покко чхоннон*). Полностью посвящает этой теме он две главы: «География» 地理 (*Чири*) и «Горы и реки» 山水 (*Сансу*). В первой он повествует о географическом положении Кореи, упоминает ряд терминов из традиционной корейской «географической теории о ветрах и водах» *пхунсу чири* 風水地理, связанной с теорией о «пяти элементах *охэнь* и теорией о противоположных началах *ым-ян*» *ым-ян* *охэнь* *соль* 陰陽五行說. Во второй же переходит непосредственно к описанию корейской природы, упоминая горные хребты, реки, озера, острова, цитируя поэтические строки.

Оценивая вклад Ли Джунхвана в изучение географии Чосона, корейские ученые заключают, что с точки зрения описаний земель, соотнесения расположения той или иной местности, деревни с другой, переданным фактам, «Описание...» можно по праву считать непревзойденным произведением, повествующем о культурной географии страны⁴²⁴. Но также «Описание...» представляет собой типичное произведение позднего периода Чосона,

⁴²³ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Op.cit. P. 220.

⁴²⁴ Ibid.

использующее как западные, так и традиционные корейские способы характеристики окружающего мира для того, чтобы доказать или выразить идею о «чунхва» 中華 – «Срединном государстве»⁴²⁵.

Как и многие другие страны Дальневосточного региона, на протяжении долгого периода времени Корея следовала идеям географического детерминизма – концепции, утверждающей, что процесс общественного развития является не результатом проявления объективных закономерностей развития общества, а следствием влияния природных сил. Именно идея географического детерминизма – особых природных условий, выделяющих Корею среди других стран Дальневосточного региона, – вышла на первый план в XVIII в., когда Корея стала искать свое место в переустроенном мире. «Описание избранных деревень» сохраняет и передает те идеи, которые довлели над сознанием интеллектуалов того периода, опираясь при этом на традиционную модель мира, общества и пространства.

Как пишет Чхве Чханджо, «в соответствии с традиционной корейской географией, страна представляет собой живой организм. Без знания этого нельзя понять Корейский полуостров. <...> Если рассматривать полуостров как живой организм, то это не только рационально, но и позволяет связать его с историческими и культурными традициями Кореи»⁴²⁶. Поэтому если мы говорим о поиске места в новом культурном пространстве, то начать нужно именно с описания географии и ландшафтов в произведении. Понятны слова Син Бёнджу: «“Описание избранных деревень” – это не только географическое сочинение, но и рассказ о всей стране, основанный на опыте и знаниях. Ли Джунхван не останавливается на описании земель и товаров, но уделяет основное внимание утопическому рассуждению о благоприятных для *садэбу* местах»⁴²⁷. Далее мы рассмотрим, в чем именно состоит «утопия» в «Описании...» и как именно

⁴²⁵ Ibid. P. 236.

⁴²⁶ Choi Chang-jo. Study of How Koreans View and Utilize Nature // Anthology of Korean Studies, Volume III. Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym Corp., 2003. P. 71.

⁴²⁷ Син Бёнджу. Выдающиеся произведения периода Чосон (*Чосон чхвего-ый мёнджодыль*). Р. 171.

география связана с историческими и культурными традициями, но прежде обратимся к тому, что значит природа для корейцев.

Чхве Чханджо говорит об этом так: «Земля – как материнское чрево, где мы были зачаты, выношены и откуда вышли. Это всегда будет наш дом, поэтому по отношению к нему нельзя проявлять жестокость. Она не принадлежит никому и не следует чужим капризам. Иными словами, иметь землю в своей собственности или использовать ее в согласии со своими прихотями равносильно насилию над ней, и это полностью идет в разрез с природными принципами»⁴²⁸.

Действительно, на протяжении всей истории корейцы старались как можно реже вмешиваться в природные процессы, в отличие, например, от жителей другой дальневосточной страны – Японии, где природа в первую очередь рассматривалась как несовершенный объект. То есть человек должен был моделировать окружающую среду, в том числе сады, ведь «природу следует освободить от ненужных подробностей, природные закономерности должны быть явлены здесь в наиболее концентрированном и «обнаженном» виде <...>, начала Инь (вода) и Ян (камень) должны находиться в максимально сбалансированном состоянии»⁴²⁹.

По всей вероятности, в корейских литературных памятниках одно из первых упоминаний о связи человека и природы, влиянии изменения ландшафта на жизнь и судьбу народа мы находим в «Делах, опущенных в “Исторических записях трех государств”» 三國遺事 (*Самгук юса*, 1285 г.) монаха Ирёна 一然 (1206-1289). Одна из историй посвящена буддийскому монаху Чаджану 慈藏 (590~658), жившему в государстве Силла 新羅 (57 г. до н.э. – 935) и отправившемуся учиться в западные края. В истории встречаются несколько указаний на связь природы и человека. Во-первых, это слова бодхисаттвы Манджушири, обращенные к Чаджану: «... [Твой народ] отличается от народа Гун-гуна (共工) из восточных варваров. Из-за опасных гор и рек [ваши] люди нравом грубы, во множестве предаются порочным взглядам, и бывает, что небо ниспосыпает [им] беды, но

⁴²⁸ Choi Chang-jo. Op.cit. P. 72.

⁴²⁹ Мещеряков А.Н. Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения. С. 130.

поскольку в государстве есть много монахов, познавших [сутры], государь и его сановники [живут] в покое и народ [пребывает] в мире»⁴³⁰. Во-вторых, в той же истории некое неназванное божество дает Чаджану совет о гармонизации пространства, заключающийся в строительстве пагоды для защиты государства от набегов соседних народов⁴³¹.

Таким образом, корейская литература показывает, что уже в VI в. «горы и реки» выступали как предпосылки для формирования характера народа. Кроме того, мы видим буддийское решение проблемы: молитвы и строительство ритуальных сооружений. Подобный подход характерен и для более позднего представления о связи человека и природы.

К IX в. относится создание первого письменного памятника о взаимодействии природы и человека – «Секретные записи Тосона» 道詵秘記 (*Тосон биги*) буддийского монаха Тосона 道詵 (827~828), который отправился в Китай для изучения натурфилософии «ветров и вод» *фэншуй* 風水. История умалчивает, добрался ли он до «Срединного государства» - так, например, С. Вэрмеерш полагает, что Тосон никогда в Китае не был⁴³², - однако именно с Тосоном корейцы связывают становление корейский «географической теории о ветрах и водах» *пхунсу чири*⁴³³. Несмотря на то, что первоначально эта натурфилософия была заимствована из Китая (на что указывает само название, записанное теми же иероглифами «ветер и вода», но прочитанное по-корейски), Тосон адаптировал правила к корейской географии, и поэтому с IX в. и до настоящего момента корейцы считают *пхунсу чири* – корейской теорией, и

⁴³⁰ Троцевич А.Ф. «Девятиярусная пагода в монастыре Хванънёнъса» (Самгук юса: проблемы интерпретации текстов) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып.15 / отв. ред. Курбанов С.О. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 61.

⁴³¹ Там же. С. 59-99.

⁴³² Vermeersch S. The relation between Geomancy and Buddhism in Koryō: pibo sasang reconsidered // History, Language and Culture in Korea. Proceedings of the 20th Conference of the Association of Korean Studies in Europe (AKSE). London: Saffron Books, 2001. P. 189.

⁴³³ *Пхунсу чири* (соль) – дословно может переводиться как «географическая [теория] о ветрах и водах». Упоминается в корейских научных трудах как «*пхунсу*» 風水 и «*пхунсу чири*» 風水地理, «*пхунсу чири соль*» 風水地理說

включают информацию о ней как в научные словари о культуре Кореи, так и в информационные брошюры, ориентированные на иностранного читателя⁴³⁴.

Теория *пхунсу чири* опирается на традиционные китайские и корейские представления о географическом пространстве. Это учение о том, как на основании принципов *ым-ян* 隅陽 и взаимодействии пяти элементов *охэнь* 五行 возникает энергия *ки* 氣, и о том, как ее использовать для создания гармонии между Небом, Землей и человеком⁴³⁵. Главные объекты *пхунсу* – горы 山, воды 水, стороны света 方位 и человек 人. Согласно *пхунсу*, в земле циркулирует живительная сила *сэнги* 生氣, подобно тому, как в теле человека циркулируют кровь и питательные вещества⁴³⁶. Вплоть до начала Нового времени в Корее именно постулаты *пхунсу чири* объясняли мир.

В «Описании...» глава, которую Ли Джунхван называет «География» 地理 (*Чири*), посвящена именно описанию Кореи с точки зрения *пхунсу чири*: используются специальные термины, с учетом теории дается характеристика земель. Вероятно, именно это подтолкнуло переводчицу Юн (Чхве) Инсиль к передаче названия главы как «Геомантия» (Geomancy) – термином, принятым в англоязычном научном сообществе при переводе таких понятий как «фэншуй», «пхунсу».

Современные ученые по-разному оценивают обращение Ли Джунхвана к *пхунсу чири*:

Так, например, Чхве Намсон в примечаниях редактора пишет, что нельзя видеть в *пхунсу* только суеверие, ведь в нем есть и рациональное зерно»⁴³⁷.

Хон Исон признает, что «Описание...» считается именно сочинением о *пхунсу*, но полагает, что это являлось закономерным отражением взглядов периода, но само по себе произведение – мысли автора о социальной экономике⁴³⁸.

⁴³⁴ См., например: Lee Sang-hoon, Yoon Taek-lim. Cultural Landscapes of Korea. Paju: Jimoondang, 2005. P. 25. (Academy of Korean Studies).

⁴³⁵ Ким Сонён. Корейское учение пхунсу. Сеул: Корёмунхакса, 2006. Р. 1.

⁴³⁶ На русском языке о *пхунсу* и его значении в культуре и истории Кореи см.: Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 324-333.

⁴³⁷ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / ред. Чхве Намсон. От редактора. Р. 1-2.

⁴³⁸ Hong Isop. Yi Chung-hwan's Geographical Thought in T'aengniji. P. 44.

Юн Хонги, изучающий связь между историей и *пхунсу* в корейской культуре, считает включение *пхунсу чири* в повествование – одной из слабостей «Описания...», так как введение географического детерминизма, по мнению Юна, на тот период [т.е. в правление Ёнджо – прим. Н.Ч.] уже исчерпало себя⁴³⁹. При этом в своей более поздней монографии Юн использует приведенные Ли Джунхваном идеи о *пхунсу чири* в качестве примеров благоприятных и неблагоприятных мест для жизни⁴⁴⁰.

Пэ Усон объясняет интерес Ли Джунхвана к природе Чосона через юношескую увлеченность Ли поэзией и образом Тао Юань-мина, укрывшегося от придворной суеты на лоне природы⁴⁴¹. В отличие от человека, который может обмануть, природа является константой. Пэ отмечает, что в конфуцианский образ «элитарного отшельника» Ли добавляет даоские и буддийские идеи, тесно связанные с *пхунсу*, а также элементы корейской философии.

Син Бёнджу нейтрально оценивает включение *пхунсу* в повествование, считая, что нельзя рассматривать отдельно каждый из аспектов, которые Ли Джунхван считает главными при выборе места, – т.е. *пхунсу*, экономику, соседство и географическое положение⁴⁴².

Мы разделяем точку зрения Син Бёнджу, а также позицию Юн (Чхве) Инсиль, которая полагает, что без понимания и знания *пхунсу* невозможно до конца понять значение «Описания...»⁴⁴³.

Мы считаем, что именно теория *пхунсу чири* позволила Ли Джунхвану связать географию «Срединного государства» и Чосона. Рассмотрим эту связь подробнее.

⁴³⁹ Yoon Hong-key. T'aengniji: A Classical Cultural Geography of the Korean Settlement // Korea Journal, vol.16:8, 1976. P. 10.

⁴⁴⁰ Yoon Hong-key. The Culture of Fengshui in Korea. P. 210-215.

⁴⁴¹ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Ор.сит. Р. 224-225.

⁴⁴² Син Бёнджу. Выдающиеся произведения периода Чосон (Чосон чхвего-ый мёнджодыль). Р. 167-168.

⁴⁴³ Yoon Inshil Choe. The significance of geomancy in understanding T'aengniji. P. 322-329.

4.2.2. Значение географии в доказательстве преемственности от «Срединного государства»

Для Ли Джунхвана важно определить место Кореи в географическом пространстве Китая, и поэтому неслучайно он начинает главу «Рассуждение о восьми провинциях» (*Пхальдо чхоннон*) с указания на связь Кореи с Китаем через гору Пэктусан:

Один из отрогов гор Куньлунь 崑崙 простирается к востоку, к горе Иулуйшань 醫巫閭山, проходя по южной части пустыни Гоби, доходя до района Ляодун 療東. Если пересечь Ляодун и вновь подняться на гору, то это окажется Пэктусан 白頭山. Та самая гора, которая в «Каталоге гор и морей» (*Шань хай цзин*) 山海經 называется «Бусян» [кор. Пульхамсан] 不咸山⁴⁴⁴.

Гора Бусян действительно фигурирует в «Каталоге гор и морей» 山海經 в разделе «Каталог великих пустынь севера» 大荒北經. О ней сказано немного: «В Великой пустыне находится гора под названием Бусян. Там расположено царство рода Сушэнь. Там есть вонючее насекомое чжи с четырьмя крыльями. || Там водится животное со звериной головой и змеиным туловищем, называется циньчунь»⁴⁴⁵.

При этом Ли Джунхван нигде далее не упоминает, что в следующем разделе, называемом «Каталог [земель] внутри морей» 海內經 есть прямое указание: «В Землях Востока, у самого Северного моря находится царство Утренней Свежести»⁴⁴⁶, т.е. «Чосон» 朝鮮.

В современном переводе «Каталога гор и морей» на корейский язык мы не находим комментария, согласно которому гора Пульхамсан (Бусян) – это иное название Пэктусана, и единственная локализация Кореи – это именно упоминание в «Каталоге [земель] внутри морей»⁴⁴⁷. Хотя Ли Джунхван в «Описании...»

⁴⁴⁴ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р.11.

⁴⁴⁵ Каталог гор и морей (*Шань хай цзин*) / пред., пер. на рус., ком. Яншиной Э.М. М.: Издательство «Наука», ГРВЛ, 1977. С. 123.

⁴⁴⁶ Там же. С. 126.

⁴⁴⁷ Книга гор и морей (*Санхэгён*) / пер. на кор. и ред. Е Тхэиль, Чон Пальхён, Со Гёнхо, Ким Ёнчи. Сеул: Антихикхусы, 2012. Р. 386.

старается максимально точно передавать сведения об окружающем пространстве, в данном случае, по-видимому, для него важнее именно то, что гора Пэктусан может быть продолжением горы Куньлунь – священной горы, где обитают духи и боги; центра земли, согласно китайской философии, в основе которого, возможно, лежит представление о мировой горе. Подобное «наследие» для Кореи особенно важно и тем, что:

Жизненные силы *чонги* 精氣 горы [Пэктусан] протягиваются к северу на тысячу ли, где оказываются заперты между двух рек. К югу же по их движению [стоит] пагода Ёнготхап 寧固塔. С другой стороны – основные корейские горные гряды 朝鮮山脈⁴⁴⁸.

Таким образом, согласно Ли Джунхвану, «жизненные силы» от китайских священных гор Куньлунь проходят долгий путь, но в конце концов через гору Пэктусан наполняют все корейские горы.

В корейской культуре гора Пэктусан – это фактически «корейский Куньлунь». Как отмечает Л.Р. Концевич, Пэктусан был колыбелью многих корейских государств: Древний Чосон, Когурё, Пуё, Бохай (кор. Пархэ), – поэтому представлял собой объект поклонения у народов Кореи и Северо-Восточного Китая⁴⁴⁹. Вплоть до настоящего времени Пэктусан – один из символов Кореи, что доказывают народные песни о Корее, одну из которых приводит в своей монографии «Повествование о наших дворцах» (*Ури кунгволь ияги*) Хон Сунмин: «Пэктусан простирается на три тысячи ли / Гибискус в этом саду уже пять тысяч лет»⁴⁵⁰.

Ли Джунхван был первым, кто письменно зафиксировал предположение о том, что все корейские горы соединены между собой. Так в главе «Горы и реки» он пишет:

Пэктусан находится на границе [между] чжурчжэнами и Чосоном, [словно для] всего государства шелковый зонт. <...> С Пэктусана до Хамхына спускается

⁴⁴⁸ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 11.

⁴⁴⁹ Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. С. 453.

⁴⁵⁰ Хон Сунмин. Повествование о наших дворцах (*Ури кунгволь ияги*). Пхаджу: Чхоннёнса, 2007. Р. 14.

горная гряда. От нее на восток отходит ветвь – к югу [от реки] Туманган, на юго-запад – к югу от [реки] Амноккан. От Хамхына горный хребет идет к Восточному морю. На запад хребет тянется на 700-800 ли. На восток же – неполных 100 ли. Большая горная гряда не прерывается ущельями, а тянется к югу на несколько тысяч ли. Она проходит единым хребтом до [гор] Тхэбэксан [провинции] Кёнсан. На границе между [провинциями] Хамгён и Канвон [перевал] Чхоллён. Это большая дорога, ведущая на север. Ниже – [перевал] Чхусирён, [гора] Кымгансан, [перевал] Ёнсурён, Осэннён, [горы] Сорак, Хангесан, Одэсан, [перевалы] Тэгваллён, Пэкпоннён, они следуют [друг за другом, и последним пиком] поднимается Тхэбэксан⁴⁵¹.

В «Описании избранных деревень» Ли Джунхван не дает подобному явлению отдельного названия, хотя современный корейский исследователь Чан Сонгю утверждает, что вопрос о горных хребтах и их единстве примерно в это же время разрабатывался Ли Иком и был обозначен в труде Ли Ика «Малые речения Сонхо» 星湖樞說 (*Сонхо сасоль*) как *Пэкту тэган* 白頭大幹, и спустя несколько лет этот термин стал общеупотребительным благодаря трудам ученого Син Гёнджуна 申景濬 (1712-1781), который впервые в корейской истории «систематизировал» горы, входящие в *Пэкту тэган*⁴⁵². Но «родство» гор, которое впервые вводит в корейскую географию Ли Джунхван, важно тем, что все они, таким образом, являются «продолжениями» Пэктусана - священной корейской горы и наследника священных китайских гор Кунылунь.

По-видимому, вопрос о горе Пэктусан будоражил сознание корейских интеллектуалов на протяжении нескольких десятилетий – если мы обратимся к королевским летописям «Истинные записи (правления) династии Чосон», то на запрос «Пэктусан» мы увидим резкое увеличение упоминаний именно в период правления Сукчона и Ёнджо (29 и 13 упоминаний, соответственно, из 89 – за 505 лет существования династии!)⁴⁵³. Более того, изменится и сама суть упоминаний:

⁴⁵¹ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 64.

⁴⁵² Чан Сонгю. История Пэкту тэган (*Пэкту тэган-ый ёкса*). Пхаджу, Хангукхаксульчонбо, 2008. Р. 11.

⁴⁵³ Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*). [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 6 марта 2017 г.)

во время правления династии Мин Пэктусан фигурирует как перевалочный пункт, место встречи минских представителей, общеизвестная локация; но во время правления Цин Пэктусан, как было сказано ранее, становится объектом политического спора между корейцами и маньчжурами. Поэтому все чаще поднимается вопрос об изображении Пэктусана на географических картах, об охране границ. Но лишь в 1767 г., во время правления Ёнджо, Пэктусан официально станет объектом государственного ритуала⁴⁵⁴, что, по мнению корейцев, должно было поставить точку в многолетнем споре.

Таким образом, интерес к Пэктусану был «подогрет» внешнеполитическими событиями и реорганизацией культурного пространства региона. Но «Описание...» было создано за 16 лет до обозначенных событий, и в нем идея «единства» корейских гор, связанных горой Пэктусан, доказана на основе географического расположения и теории *пхунсу чири*.

Согласно этой теории, по горам протекает живительная энергия *ки* (кит. *ци*), которая, спускаясь, в определенных местах *хёль* へ尔 выходят на поверхность. Совершив акт единения человека с землей: построив в данном месте дворец или культовое сооружение, жилой дом, совершив захоронение, можно обрести благополучие для себя и потомков, всей страны. В соответствии с этим постулатом, в частности, было выбрано место для столицы Чосона, основных дворцов, среди которых Кёнбоккун и Чхандоккун⁴⁵⁵; подобраны земли для королевских захоронений.

Если следовать идею Ли Джунхвана, то земли Кореи «снабжаются» той же энергией, что спускается с горы Куньлунь в Китае. Таким образом, сама природа благоволит тому, чтобы Корея «наследовала» традиции Китая. Не опережала его, не пыталась бороться за первенство, а продолжала заложенные порядки.

Юн Хонги при этом отмечает, что подобное отношение Ли Джунхвана к природе своей страны хотя и несло отпечаток *сирхак*, тем не менее отличалось от

⁴⁵⁴ Истинные записи (правления) Ёнджо (*Ёнджо силлок*) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*). Квон 109, дни 10, месяц 7, 1767. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 7 марта 2017 г.)

⁴⁵⁵ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. С. 330.

идей, которые разделяли другие *сирхакисты*, в том числе, например, Ли Ик и Чон Ягён⁴⁵⁶, которые опирались не только на традиционное представления о природе как носителе энергии *ки*, но и на европейские труды, где человек позиционировался как хозяин природы. Но Ли Джунхван действительно связывает «энергию» земли и потенциал человека:

Так как потоки воды не [текут] более тысячи ли, а равнины [не простираются на] – сто ли, то не рождаются великие люди *коин* 巨人⁴⁵⁷.

Также:

Гор [в нашей стране] много, а равнин – мало. Поэтому люди характером мягкие и работающие, но узкомыслящие⁴⁵⁸.

То есть он видит свою страну относительно небольшой, уступающей по размерам и культуре «старшему», который должен подавать пример. Корея, в свою очередь, должна реализовывать конфуцианские принципы добродетели «младшего» по отношению к «старшему». Народ же в Корее послушен и мягок. С этой точки зрения неудивительны и его следующие слова:

Западные и северные варвары, восточные иноземцы, чжурчжэни – нет таких, которые бы ни захватывали Китай и ни становились там императорами, но наша страна одна не [делала это]. Почтительные, мы не думали о нарушении чужой границы⁴⁵⁹.

Ли Джунхван гордится именно тем, что Корея долгое время являлась «младшим» государством в отношениях *садэ*. В главе «Горы и реки» он пишет:

В древние времена люди говорили, что наша страна похожа по форме на пожилого человека. Он сидит, повернувшись в сектор свиньи [на северо-северо-запад], обратившись в сектор змеи [юго-юго-восток], лицом на запад, [словно]

⁴⁵⁶ Yoon Hong-key. The Culture of Fengshui in Korea. P. 210.

⁴⁵⁷ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. P. 64.

⁴⁵⁸ Ibid. P. 11-12.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 65.

кланяется Китайскому государству. С древности [у Кореи] с Китаем хорошие отношения⁴⁶⁰.

То есть, согласно средневековым представлениям, уже сам внешний вид страны определял дипломатические контакты. «Кланяясь» Китаю, Корея выражала свою почтительность и демонстрировала готовность прислушиваться к «старшему». Но здесь версия Чхве Намсона не полна. «Хорошие отношения» 親昵 чхинниль в ранних списках на самом деле предстают как «верность и покорность» 忠順 чхунсун, что позволяет ученым сделать однозначный вывод о том, что Ли Джунхван был сторонником синоцентризма, «но для Ли [идея] чунхва 中華 означала ту же гордость, с какой современное цивилизованное государство гордится своей независимостью»⁴⁶¹.

Примечательно, что чуть больше века спустя, в 1894 г., Хынсон-тэвонгун уже сравнивал полуостров с человеком не кланяющимся, а абстрактным. Возражая против строительства первой железной дороги, он утверждал, что: «Строительство железных дорог неизбежно повлечет за собой повреждение как наших гор, так и наших равнин, что в свою очередь обернется серьезным повреждением горных хребтов нашей родины. Эти хребты ничем не отличаются от позвоночника человека, а потому следует избегать их травмирования»⁴⁶².

Хынсон-тэвонгун продвигал идею о том, что Корея в окружении стран, открывших порты для торговли с другими державами, должна, напротив, сохранять статус-кво и оставаться верной конфуцианским идеалам. Поэтому закономерно, что образ «кланяющегося» человека более был не актуален.

Спустя еще десятилетие, в начале XX в., когда Корея окажется под значительным влиянием Японии, облик страны вновь претерпит изменения: японские географы в своих работах⁴⁶³ представляют Корею в виде беззащитного

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Op. cit. P. 235-236.

⁴⁶² Choi Chang-jo. Op.cit. P. 74.

⁴⁶³ Мок Сухён. Представления о географии страны во время патриотического просветительского движения: взгляд Чхве Намсона (Куктхо-ый сигакчок пхёсан-гва эгук кэмон-ый чирихак: Чхве Намсон-ый ноный-рыль чунсим-ыро). Тонасия мунхва ёнгу, Вып. 57, 2014. P. 38.

кролика, и в ответ на это корейский просветитель, один из авторов «Декларации Независимости» и первый редактор «Описания избранных деревень» Чхве Намсон в своем журнале «Юность» 少年 (*Сонён*) сравнил Корейский полуостров с тигром: «Я считаю, что достойно сравнивать географические особенности нашей страны с животным, птицей, насекомым, рыбой, деревом, цветком [или] человеком. Это полезно для запоминания расположения [тех или иных] территорий, а также вдохновляет студентов на изучение своей страны. Но я бы сравнил Корейский полуостров с яростным тигром, чьи ноги подняты к Азиатской части материка, готового в любой момент атаковать»⁴⁶⁴.

Таким образом, Ли Джунхван зафиксировал в «Описании...» именно средневековые представления о внешнем виде Корейского полуострова, предшествующие Новому времени и представляющие Корею как преданного сторонника «Срединного государства».

4.3. Культурная карта мира в «Описании избранных деревень»

Помимо *Пэкту тэган*, Ли Джунхван выявляет и другие природные элементы, которые позиционируют Чосон как государство с уникальной географией, достойное стать новым «Срединым государством».

Один из них – это горы Кымгансан 金剛山, известные также как «Алмазные горы». Они расположены на восточном берегу Корейского полуострова и почти полностью состоят из гранита и диорита. Именно эти горы восхваляет Ли Джунхван в главе «Горы и реки»:

Двенадцать тысяч горных пиков Кымгансан – это каменные пики, каменные пещеры, каменные русла [рек], каменные водопады. Горы, холмы, пещеры, родники, водоемы и водопады – образованы ничем иным, как белым камнем. Горы [Кымгансан] называют также «Кэголь» 皆骨 [Всё кости], потому что там нет клочка земли. Даже перевалы в десять тысяч жэнь и водоемы в сто чжан, - все состоят из одного камня. Такой горы в Поднебесной нет⁴⁶⁵.

⁴⁶⁴ Чхве Намсон. Юность (*Сонён*). Сеул: Ёнсе тэхаккё инмунгвахак ёнгусо, переизд. 1969 г. Р. 65.

⁴⁶⁵ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 66.

Также он с гордостью заявляет, что приезжающие в Чосон китайцы поражены Кымгансаном и часто говорят, что хотели бы родиться в Корее⁴⁶⁶. Ли Джунхван не раз обращает внимание читателя на то, что в Корее есть такие природные достопримечательности и такие ландшафты, аналога которым нет в Китае. Так, например, в разделе «Провинция Пхёнан» (*Пхёнандо*), он вспоминает исторический анекдот, где противопоставляет не только красоту китайских и корейских ландшафтов, но и «понимание прекрасного» представителями «цивилизованных» Мин и «варваров» Цин, выраженное также через оппозицию «созидание»-«разрушение», «кисть»-«оружие»:

В правление династии Мин в качестве посланника приезжал Чжу Чжифань 朱之蕃 [1546-1624]. В беседке Ёнгванджон 迎狂亭 он возликовал и написал шесть иероглифов: «Реки и горы Поднебесной наипрекраснейшие» 天下第一江山 и прикрепил дощечку. В год чон-чхук [1637] возвращалась⁴⁶⁷ армия империи Цин. Увидели это: «В Китае есть Цзиньлин 金陵 и Чжэцзян 浙江. Что может быть лучше?». Разломали, но пожалели красивую каллиграфию: «Если убрать два знака “Поднебесная” 天下, то соответствует [действительности]»⁴⁶⁸.

Зная о существовании многих государств, Чосон имел постоянные дипломатические контакты с двумя «соседями» – «варварами» маньчжурями, уничтожившими Минскую династию, и японцами, осуществлявшими частые набеги на южные земли полуострова.

С точки зрения синоцентристической модели мира, между корейцами и японцами на дипломатическом уровне существовали отношения «соседства» - *кёрин*, где Чосон выступал как «старший». Японцы по большей части в корейской литературе, в том числе в «Описании...», представлены в образе «варваров», которых непременно стоит вразумлять и просвещать. Соответственно, со смещением оси, на которой прежде находился «центр мира», должна измениться

⁴⁶⁶ Ibid.

⁴⁶⁷ «Возвращалась» - по-видимому, имеется в виду второе нашествие маньчжур (1636), в результате которого ван Инджо был вынужден принять выдвинутые Хун Тайчи (1592-1643, правление 1626-1643) условия и принять *садэ* по отношению к маньчжурям, окончательно разорвав дипломатические отношения с Мин.

⁴⁶⁸ Ibid. P. 13.

и расстановка взаимоотношений. Но в Средние века, после Имджинской войны, у корейцев к Японии не может быть положительного отношения: страна по-прежнему рассматривается как «варварская». С точки зрения культурной модели мира, которую формирует Ли Джунхван, центральные провинции, в том числе Кёнгидо и Чхунчхондо, формируют «центр», а удаленные земли – периферию. Ближайшие соседи – Цин и Япония – оказываются также на периферии, в непригодных для жизни землях с низким уровнем «цивилизованности» их наследников. У них нельзя ничему научиться, а близость к ним способствует лишь бедам. Так, например, в описании провинции Чолла (*Чолладо*) мы читаем:

Земли всех восьми городов находятся вблизи Южного моря. В зимние месяцы травы и деревья не увядают, насекомые не прячутся в землю. Испарения от тумана [в] горах и [над] морем вызывают болотную лихорадку. А, кроме того, [это] близко к Японии, поэтому, хотя земли и плодородные, место для жизни неподходящее⁴⁶⁹.

Ли Джунхван показывает нарушение гармонии. Вместо традиционной для большей части Корейского полуострова смены четырех времен года жители Чолла имеют дело только с теплой погодой. Листья деревьев не меняют свой цвет и не опадают, как это присуще иным деревьям в знакомых Ли Джунхвану местах. Нарушается цикличность, время останавливается. Сам воздух-«испарения», выраженный словосочетанием «киджын» 氣蒸, состоящий из пары иероглифов «энергия» и «жаркий», губителен для людей. Причина тому – удаленность от символического «центра», а также непосредственный контакт с «варваром», который не только физически (через пиратство и вооруженные нападения) угрожает жителям земель, но и на духовном, культурном уровне оказывает разрушающее воздействие. Похожую аналогию мы встречаем в тексте о провинции Кёнсан (*Кёнсандо*):

К востоку от [Чин]джу 伊寧 и Чхоге 草溪, [их] обычай очень похожи на [обычай Чин]джу. К югу от [реки] Ёнган 濱江 тринадцать поселений. Издревле

⁴⁶⁹ Ibid. P. 32.

[оттуда вышло] мало достойных людей. Соседи по морю – карлики 倭 [устар. японцы]. Водные источники все – ядовиты. Нельзя [там] жить⁴⁷⁰.

То есть даже при условии, что, с точки зрения Ли Джунхвана, провинция Кёнсан – лучшая провинция Чосона с точки зрения *пхунсу*⁴⁷¹, ее окраины также оказываются под влиянием враждебной «периферии». Именно поэтому, хотя сами по себе земли Кёнсан и хороши, в районах, непосредственно выходящих к морю и граничащих с Японией, так мало достойных чиновников – т.е. тех, кто сумел сдать экзамены и занять чиновничью должность.

Таким образом, Чосон с двух сторон окружен «варварами» - северными и южными. Но это не полное представление о мире, которое предлагает читателю Ли Джунхван. Он вводит в текст еще и государство Рюкю 琉球國, существовавшее на острове Окинава и островах Рюкю в XV-XIX вв.:

Некоторые говорят, [если от] Халла[сан] еще пересечь море, то [будет государство] Югугук [государство Рюкю]. Этого не ведаю, но знаю, [что] оно очень близко. Во время правления Инджо японцы напали на Рюкю и, взяв в плен правителя, уплыли. Наследный принц [той страны], желая выкупить отца, погрузил сокровища страны на корабль и отплыл. [Но корабль, повинуясь ветру] достиг Чеджу. Начальник округа велел узнать, какие сокровища на корабле. Принц ответил, [везет] камень чучхонсок 酒泉石 [Камень - Источник Вина] и покрывало мансанджсан 漫山帳 [занавес, заполняющий собою горы]. Чучхонсок – это квадратный камень с углублением в центре. Каждый раз, когда [оно] заполняется чистой водой, [вода] превращается в отличное вино. [Мансан]джан – сотканный пауками и вымоченный в травах занавес. Если немного развернуть – закроет комнату. Если сильно развернуть – можно накрыть даже большую гору. Дождь тоже не протекает. Действительно не имеющие себе равных сокровища⁴⁷².

Далее в истории повествуется о том, что корыстный начальник округа решил заполучить драгоценности, но принц отказался передать их ему, за что был убит. Перед смертью принц сложил стихотворение, в котором проявлял сыновью

⁴⁷⁰ Ibid. P. 28.

⁴⁷¹ Ibid. P. 24.

⁴⁷² Ibid. P. 65.

почтительность *хё* 孝 к своему похищенному отцу и увещевал начальника округа отпустить его, но все было тщетно.

Похищение правителя Рюкю японцами действительно имело место, но произошло оно в период правления не Инджо, а его предшественника – Кванхэгуня, в 1609 г.⁴⁷³. Летопись «Истинные записи (правления) династии Чосон» сообщает, что *мокса* 牧使 Чеджудо Ли Гибин 李箕賓 (1563–1625), подстрекаемый местным судьей Мун Хихёном 文希賢 (?–1623), напал вместе с подотчетным ему военным отрядом на выброшенный на берег острова корабль, где находился принц Рюкю, и, убив находившихся там подданных Рюкю, Мин и Японии, завладел сокровищами⁴⁷⁴. Через два года, в 1611 г., король Сё Нэй 尚寧 (1564–1620) и его министры вернулись в Рюкю. Как пишет Е.В. Пустовойт, «это был первый и последний случай, когда король был захвачен иностранными войсками, а также покинул пределы своей страны и лицом к лицу общался с “иностранцами”»⁴⁷⁵. После этого Рюкю сохранило свою территориальную целостность, но оказалось данником Японии, так и не запросив возможной военной помощи у Китая, с которым с XV в. поддерживало дружественные дипломатические и торговые отношения.

Вероятно, в судьбе Рюкю Ли Джунхван видел возможную судьбу Чосона: без помощи Мин в Имджинской войне Корея не смогла бы сопротивляться натиску Японии. При этом Ли Джунхван позиционирует Рюкю как государство, обладающее уникальными предметами – возможно, подобное отношение было сформировано благодаря монополии на торговлю, которую с XV–XVI вв. Рюкю имело в Юго-Восточной Азии. Но эти уникальные предметы не смогли ничем помочь принцу Рюкю, а лишь спровоцировали агрессию жадного чиновника.

⁴⁷³ Пустовойт Е.В. История королевства Рюкю (с древнейших времен и до его ликвидации). Владивосток: Русский остров, 2008. С. 69.

⁴⁷⁴ Истинные записи (правления) Инджо (*Инджо силлок*) // Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*). Квон 8, день 8, месяц 1, 1625. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 6 января 2017 г.)

⁴⁷⁵ Пустовойт Е.В. Указ.соч. С. 69.

Наличие волшебных предметов позволяет Пэ Усону говорить о Рюкю в корейской литературе как об утопическом государстве⁴⁷⁶, образ которого впервые был задан корейским писателем Хо Гюном 許筠 (1569-1618) в повести «Сказание о Хон Гильдоне» 洪吉童傳 (*Хон Гильдон джон*). В «Сказании» главный герой Хон Гильдон, сын министра и наложницы, противостоит несправедливому обществу, в котором, будучи незаконнорожденным, даже не имеет права звать отца «отцом». Заканчивается повесть тем, что Хон Гильдон со своими единомышленниками поселяется на острове, где «герой становится мудрым, гуманным государем, а народ под его правлением процветает»⁴⁷⁷.

Пэ Усон считает, что первоначально Хо Гюн избрал Рюкю в качестве острова-утопии по той причине, что интеллектуалы Чосона примерно предполагали его местонахождение (схематичная карта была составлена в XV в.) и знали о его значительной роли в международной торговле в регионе⁴⁷⁸. Пэ также указывает, что для Чосона Рюкю было «местом, куда можно добраться только на корабле», а потому оно рассматривалось как нечто недостижимое⁴⁷⁹.

Поэтому в культурно-географической модели мира, которую предлагает читателю Ли Джунхван, можно выделить, помимо ряда упоминаемых островов, два периферийных «варварских» государства – маньчжурскую империю Цин и Японию сёгуната Токугава 德川幕府, – а также «утопический» остров Рюкю, находящийся за морем (то есть за пределами видимого) и обладающий рядом сокровищ, но не сумевший отразить атаки японской армии в XVII в. Таким образом, Ли Джунхван доказывает, что Чосон – единственное «цивилизованное» государство в регионе, не утратившее своей независимости и своего культурного наследия, имеющее прямую связь с не существующей более династией Мин.

Подобный подход к культурно-географическому пространству в поздний период Чосон характерен не только для Ли Джунхвана. Похожее изображение

⁴⁷⁶ Пэ Усон. Изучение истории через географию (*Чири сиган-е ёкса конбухаги*). Р. 185.

⁴⁷⁷ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). С. 149.

⁴⁷⁸ Пэ Усон. Изучение истории через географию (*Чири сиган-е ёкса конбухаги*). Р. 186.

⁴⁷⁹ Ibid. Р. 189.

мира мы видим в атласах «Карта Поднебесной» 天下圖 (Чхонхадо), изготавливаемых в Чосоне с XVII по XIX вв.

Мир на чхонхадо представлен в виде круга, часто вписанного в квадратную или восьмиугольную рамку; также встречается круглая рамка, выполненная в черном и белом цветах, переходящих друг в друга, символически связываемая с «Великим Пределом» *Тхэгык* (태극, 太極). Здесь мы имеем дело с традиционными представлениями о круглом небе и квадратной земле. Восьмиугольник же – указание на восемь триграмм древнекитайской «Книги Перемен» *И цзин*. К XIX в. на карте появляются параллельные горизонтальные и вертикальные линии, означающие, по-видимому, широту и долготу. «Экватор», таким образом, пересекал «Срединное государство» и южную часть Корейского полуострова.

Внешний вид чхонхадо XVII – первой половины XVIII вв. имеет много идентичных элементов. В центре круга расположен материк, с четырех сторон окруженный морями. Сходства ни с одним известным материком он не имеет.

Эта воображаемая земля престает перед читателем как пангея, на которой расположены Китай, Корея, Азия и Африка. Она окружена морем со множеством островов, среди которых видны Япония и Рюкю, удаленные от центра.

На периферии, за морем, на узкой полоске суши, напоминающей по форме квадратную рамку, – союзы «варваров», названия которых звучат явно фантастически (например, «страна волосатых людей», «страна одноглазых людей», «страна женщин», «страна бессмертных» и др.). Этимологически многие из названий восходят к «Каталогу гор и морей». Карты отличны друг от друга деталями и числом упоминаний «варваров», но в среднем число топонимов на одной карте около ста сорока⁴⁸⁰. Среди существующих государств – Китай («Срединное государство»), Корея (Чосон), Вьетнам, Таиланд, Рюкю, Япония.

За «варварами» вновь простирается необозримая водная гладь.

О Санхак называет первый материк «внутренним», как и море, отделяющее его от «внешних» земель «варваров», окруженных «внешним» морем⁴⁸¹. Пангея

⁴⁸⁰ Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко Донхван. Op.cit. P. 230.

⁴⁸¹ О Санхак. Op.cit. P. 15.

напоминает по форме круг, вокруг нее квадратное море и квадратные же земли, ограниченные снаружи вновь кругом.

Справа и слева на *чхонхадо* есть легенда в виде изображений деревьев и указания «Солнце и Луна выходят» *ир-воль чхуль* 日月出 (일월출) и «Солнце и Луна заходят» *ир-воль ип* 日月入 (일월입). По-видимому, это должно соответствовать востоку и западу. Образ дерева универсален в культуре, и мы полагаем, что в данном случае его можно соотнести с архетипом «мирового дерева», связывающего небо и землю.

Эти карты были распространены в Корее в XVII-XVIII вв., но уже ко второй половине XVIII в. стали появляться *чхонхадо*, на которых был изображен только Чосон – карта могла представлять отдельные провинции, города. Так, например, в Сеульском историческом музее хранится ксилограф «Карта Поднебесной: карта Сеула» 天下圖 – 漢陽圖 (*Чхонхадо* – *Ханъяндо*), созданный в 1822 г. на основе карты 1770-х гг.⁴⁸².

Мы склонны сравнивать *чхонхадо* с европейскими «Т-О-образными картами» *Orbis terrae*, отражавших христианское раннесредневековое и средневековое представление о мире. Таким образом, их можно отнести к категории ««убеждающих карт» (persuasive maps). Цель подобных карт, называемых также «наводящими [на размышления]» (suggestive maps), – «повлиять на мнения или верования, направить или закрепить [в умах] сообщение»⁴⁸³. Информация, передаваемая при помощи этих карт, может иметь метафорический, аллегорический, сатирический подтекст. Изображение может включать (или исключать) иные территории; может быть использован нехарактерный цвет, расположение объектов, текст, визуальный ряд; умышленный обман⁴⁸⁴.

⁴⁸² Каталог коллекций Сеульского исторического музея и Музея университета Коре «Сеул. Небо-Земля-Человек» (*Соуль. Ханъиль-тан-сарам*). Сеул: Самгванса, 2002. Р. 99, 258.

⁴⁸³ Monmonier M.S. Cartography in the Twentieth Century. The History of Cartography, Vol. 6. Chicago: University of Chicago Press, 2015. P. 1087.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 1089-1091.

Соответственно, широко распространенные *чхонхадо* должны были представлять мир синоцентричным, знакомым корейцам по китайской классике. *Чхонхадо* демонстрируют отказ от новых знаний об иных странах и континентах и подчеркивают преемственность Кореи по отношению к Китаю через размер и положение полуострова, как это было выполнено ранее, в начале XV в. «Описание избранных деревень» продолжает данную традицию, находясь целиком в русле традиционного представления о мире. Судя по тем картам, что были обнаружены к настоящему моменту, *чхонхадо* часто входили в общие своды географических сочинений и родовые книги. Поэтому можно сделать вывод о том, что и они, и «Описание...» отражали представления интеллектуальной общественности периода и не вызывали отторжения.

4.4. Значение истории в доказательстве легитимности Чосона как «Срединного государства» в «Описании избранных деревень»

Географическое и geopolитическое положение страны влияют на ее историческое развитие, поэтому если мы предполагаем, что Ли Джунхван позиционировал Чосон как «Малый Китай», то ожидаем обнаружить в тексте «Описания...» факты, подтверждающие наличие определенных историко-культурных связей между китайцами и корейцами, позволяющие корейцам «занять» новое место в культурном пространстве.

В главе «Рассуждение о восьми провинциях» (*Пхальдо чхоннон*) Ли Джунхван последовательно рассказывает об истории поселений и государств на Корейском полуострове, связывая их при помощи истории, географии и обычая. Историю Чосона он прослеживает со времен легендарного правителя Тангуна 檀君, соотнося его с китайским легендарным правителем Яо 堯, признавая тем не менее, что о времени правления Тангуна подробных сведений не сохранилось⁴⁸⁵.

Впервые Тангун упоминается в «Забытых деяниях “Трех государств”» 三國遺事 (*Самгук юса*) монаха Ирёна 一然 (1206-1289), и современные ученые

⁴⁸⁵ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 12.

полагают, что его возникновение в исторических хрониках в тот период обусловлено необходимостью в идеологической базе для сплочения народа в период монгольских нашествий и владычества монгольской династии Юань (1271-1368)⁴⁸⁶.

Обращение к Тангуну было характерным для представителей *сирхак* в XVII-XVIII в. – философы-сирхакисты, среди которых был и Ли Ик, пытались проанализировать миф о Тангуне, доказать его истинность и таким образом «возвысить» Древний Чосон⁴⁸⁷. Ли Джунхван вводит в повествование территориальную целостность полуострова (первым государственным образованием был Древний Чосон) и уравнивает жителей провинций через Тангуна – общего первопредка.

Как отмечает Хо Тхэён, для интеллектуалов Чосона периода конца XVII-XVIII вв., среди которых Ли Джонхви 李種徽 (1731-1797), Син Гёджун 申景濬 (1712-1781), Хван Гёнвон 黃景源 (1709-1787), было характерно доказывать преемственность Кореи от Китая через обращение к истории обеих, а именно – к появлению в Корее легендарного правителя, выходца из Китая, Цзи-цзы, чье имя читается по-корейски как Киджа 箕子 (1122-1082 до н.э.), – а также научным интересом к северным землям, куда Киджа «принес цивилизацию», – Когурё 高句麗 и Пархэ 渤海⁴⁸⁸.

Пархэ в тексте Ли Джунхвана встречается единожды – в главе, посвященной провинции Чхунчхон: «непоколебимо возвышается средь вод как пархэская [гора] Кальсок[сан]»⁴⁸⁹. Когурё упоминается чаще – с точки зрения как географии, так и истории. Например, «...Чумон 朱蒙 сам [из племени] мохэ 鞑靼 захватил Пхёньян и назвал [новое государство] Когурё...»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁶ Пострелова М.Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. Под ред. Курбанова С.О. СПб.: Фонд восточных культур, 2002. С.139.

⁴⁸⁷ Там же. С.140.

⁴⁸⁸ Хо Тхэён. Критическое исследование вопроса о корейском национализме второй половины периода Чосон. Р. 102-103.

⁴⁸⁹ Ли Джунхван. Описание выбранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 39.

⁴⁹⁰ Ibid. Р. 12.

Киджа же, согласно Ли Джунхвану, для истории Кореи и ее народа важен в первую очередь тем, что он, прия к власти после Тангуна и сделав Пхеньян столицей, принес в государство, а именно в земли, известные в XVIII в. как провинция Пхёнандо или бывшие земли Когурё, «нравы» 風氣⁴⁹¹. Таким образом, уже в XII-XI вв. до нашей эры север Корейского полуострова оказался таким же «цивилизованным», как и Китай. Подобные утверждения были широко распространены в Чосоне. У.Т. де Бэри (1919-2017) утверждает, что, оперируя неоконфуцианским философским понятием «прямой передачи» *тотхон* 道通, корейцы позиционировали себя «наследниками» знаний прежде живших совершенномудрых, и это знание было более ортодоксальным, чем навязываемое им извне⁴⁹². Уже в XVI в. Ли И ставил Киджа в один ряд с Конфуцием и Мэн-цзы, превращая его в «духовного наставника» всей страны⁴⁹³.

Ли Джунхван также акцентирует внимание читателя на наследии, которое осталось после Киджа, - колодезной системе землепользования⁴⁹⁴. По его словам, в провинции Пхёнан сохранилась даже «могила Киджа, рядом с которой внук Киджа Сону 鮑于 выстроил павильон Сунинджон 崇仁殿. Там поколение за поколением проводят обряды жертвоприношения *чеса* 祭祀»⁴⁹⁵. Следом Ли Джунхван пишет, что так же сделано в Китае, в провинции Цюйфу, где похоронен Конфуций⁴⁹⁶. Соответственно, Киджа почитается в Корее так же, как Конфуций, что свидетельствует о благодарности корейцев к Киджа и их высоком уровне «цивилизованности».

С Киджа Ли Джунхван связывает и возникновение племенного объединения *махан* на юге Корейского полуострова: внук Киджа «отправился [к] морю, перенес столицу в Чолла[до], округ Иксан 益山, назвал *махан* 馬韓»⁴⁹⁷. Таким образом, «цивилизация» коснулась и юга полуострова. Однако в отличие от своих

⁴⁹¹ Ibid.

⁴⁹² De Bary Wm.Theodore. Introduction // The Rise of Neo-Confucianism in Korea. Columbia University Press. P. 17.

⁴⁹³ Ibid. P. 18

⁴⁹⁴ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 12.

⁴⁹⁵ Ibid. P. 13.

⁴⁹⁶ Ibid.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 12.

современников, он не ставит Киджа, Когурё или Пархэ в центр повествования, сосредоточивая внимание читателя на том, что современные восемь провинций Чосона возникли на месте иных государств, а те появились на месте племенных объединений. Таким образом, он доказывает, что история Чосона включает в себя историю всех государств, на месте которых оно находится, и все жители Чосона являются не только жителями одной страны, но и потомками более ранних государств и племен:

В старые времена на территории [провинции] Кёнсан[до были племенные союзы] *pёнхан* 卞韓 [и] *чинхан* 辰韓. [На месте провинций] Кёнги[до], Чхунчхон[до] и Чолла[до] прежде [были племенной союз] *махан* 馬韓 [и государство] Пэкче 百濟. [На территории] Хамгён[до], Пхёнан[до], Хванхэ[до] прежде [располагались государства] Древний Чосон 古朝鮮 [и] Когурё 高句麗. [А на месте провинции] Канвон[до] раньше [проживала народность] *йемэк* [вэймо] 瘘貊. Об их расцвете и упадке нет подробных сведений⁴⁹⁸.

Земли Корейского полуострова были объединены Ван Гоном 王建 (618-907), основателем государства Корё, и Ли Джунхван совершенно верно замечает, что «наша страна – наследник Корё»⁴⁹⁹. Действительно, Чосон «унаследовал» земли Корё, некоторые культурные ценности, а также, как доказывает в своей монографии «Истоки династии Чосон» Джон Дункан, у власти в Чосоне по-прежнему оставались представители влиятельных кланов Корё⁵⁰⁰. И, как мы видим далее, историю Корё и Чосона Ли Джунхван рассматривает как историю чиновничества: причины возникновения, способы получения должности, виды экзаменов и значение места рождения в судьбе чиновника:

Во времена Корё не было известно *садэбу* 士大夫. Много тех, кто по рождению состоял как *кори* 胄吏 [мелкие чиновники] и становился *кёнсан* 卿相 [высшие чиновники]. [Если кто-то стал] *кёнсан*, то его дети и внуки становились *садэбу*. Все получали дом в столице Кёнсон 京城. Столица сразу стала местом

⁴⁹⁸ Ibid. P. 11.

⁴⁹⁹ Ibid.

⁵⁰⁰ Duncan J.B. The Origins of the Chosón Dynasty. P. 278-279.

скопления *садэбу*. Редко люди с окраин были [чиновниками]. Парой экзаменов [кваго] отбирали достойных людей. Люди с окраин мало-помалу стали получать должности. Но [среди людей] с северо-запада больше военных 武臣, [среди людей] с юго-востока больше литераторов 文士. К периоду Ли [1392 г., *появлению государства Чосон – Н.Ч.*] литературный стиль 文風 вырос, [были те], кто сдавал экзамен в Китае 中原. Это результат [дипломатических] контактов с Юань⁵⁰¹.

Историю Кореи Ли Джунхван напрямую связывает с историей чиновничества. Это объясняет, почему в произведение включена история придворной борьбы в XVI-XVIII вв., т.е. глава «Человеческие помыслы» (*Инсим*), и история чиновничества в Китае, т.е. глава «Рассуждение о четырех группах людей» (*Самин чхоннон*). Четыре группы: те, чье предназначение связано с земледелием, ремеслом и торговлей; и чиновники, военные и гражданские, чье предназначение – служить своему государю.

Придворная борьба мешает чиновникам исполнять свой долг и способствует ослаблению страны, составляя тем самым внутреннюю угрозу. При этом необходимо принять во внимание, что Ли Джунхван, с одной стороны, оперирует общим понятием «*садэбу*», но, с другой, приводит примеры, в которых единая общность «*садэбу*» предстает как история отдельных людей.

Один «благородный муж», поступивший так, как должен, может изменить судьбу другого человека или даже целого государства. Это, например, изложенная в «Описании избранных деревень» история переводчика Хон Сунона 洪純彦, спасшего от бесчестия неизвестную девушку⁵⁰², которая затем стала женой китайского министра Ши Сина 石星 (?-1599) и до конца жизни посыпала Хону собственноручно сотканное полотно. Ши Син же, благодаря Хона, помог Чосону во время Имджинской войны⁵⁰³. Другой же человек, поставив во главу собственные интересы и позабыв о долге, может, конечно, получить личную

⁵⁰¹ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 12.

⁵⁰² Историю о Хон Суноне, отличную отдельными деталями в зачине, мы встречаем также в сборниках корейских рассказов XIX в. Например, см. на русском языке: Досужие беседы на постоялом дворе. Корейские рассказы XIX в. / пер. на кор. Д.Д. Елисеева. СПб: Гиперион, 2016. – 192 с. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», X). С. 33-35. (Рассказ «Хон Сунон отдал тысячу золотых»).

⁵⁰³ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 66.

выгоду (история *мокса* Ли Гибина, например), но и приведет к беде целую страну – свою ли, чужую.

И здесь, мы считаем, кроется обращение Ли Джунхвана к своим читателям: у Чосона есть историко-географические предпосылки, чтобы легитимно стать новым «Срединным государством» в новой культурной модели мира, но это невозможно, пока основа государства – чиновники-«младшие», помогающие вану-«старшему» проводить его политику и заботящиеся о благополучии страны, – будут разобщены из-за придворной борьбы, пренебрежению к тому или иному региону, клану, чужому финансовому состоянию.

4.5. Задача *садэбу* в устроении «нового» мира

Включая в свое сочинение главы «Рассуждение о четырех типах людей» 四民總論 (*Самин чхоннон*) и экскурс в историю возникновения чиновничего «благородного сословия» *шидафу* 士大夫 (кор. *садэбу*) в Китае, Ли Джунхван преследует несколько целей: сохранение истории, в том числе легендарной – периодов правления китайских императоров Яо 堯 и Шуня 舜; объяснение важности наличия *шидафу* в государстве; задач, которые должны решать *шидафу*; и трудностей, с которыми они сталкиваются. На наш взгляд, это одна из основных глав, проливающая свет на цели написания «Описания избранных деревень».

Для Ли Джунхвана, который сам принадлежал к *садэбу*, важность чиновников состояла в первую очередь в том, что они «сохранили порядок, установленный совершенномудрыми прошлого»⁵⁰⁴. Ведь изначально, как он указывает, *шидафу* было сформировано из тех, кто «кто обладал добродетелью *хён* 賢 и высокой нравственностью *ток* 德»⁵⁰⁵. Остальные три сословия – крестьяне, ремесленники и торговцы, – образовались из людей, которые не обладали ни добродетелью, ни нравственностью. *Садэбу* универсален с точки зрения Ли Джунхвана – он может разбираться в сельском хозяйстве, рыболовстве, строительстве, торговле и других занятиях простого народа, как это делал Шунь:

⁵⁰⁴ Ibid. P. 10.

⁵⁰⁵ Ibid.

«пахал на горе Лишань 歷山, гончарничал на реке [имеется в виду река Хуанхэ 河濱 – Н.Ч.], рыбачил на Лэй [озеро Лэйцзэ 雷澤 – Н.Ч.]»⁵⁰⁶»⁵⁰⁷.

Чтобы быть *садэбу*, нужно постоянно заниматься самосовершенствованием.

Ли Джунхван пишет:

Учили наизусть стихи из «Книги песен» 詩經 (Ши цзин) и «Книгу истории» 書經 (Шу цзин), вели себя в соответствие с четырьмя конфуцианскими добродетелями: гуманностью *ин* 仁, справедливостью *ый* 義, знанием этикета *ли* 禮 и музыки *ак* 樂⁵⁰⁸.

Хотя и упоминает также, что непосредственную роль в наделении человека подходящими для *садэбу* качествами играет и природа – Небо и Земля «даруют» способности *кипхум* 氣稟⁵⁰⁹ через, очевидно, грамотное расположение дома или захоронения предка с точки зрения теории *пхунсу чири*.

Эта идилическая картина, где от *садэбу* требовалось только неукоснительно соблюдать заветы прежде живших совершенномудрых, загоняла, однако, чиновников в узкие рамки:

Образ *садэбу* не терял своего значения, так как *садэбу* сохраняли порядок, установленный совершенномудрыми прошлого. Не зная порядок, *садэбу* не может вести себя согласно ритуалу, не может быть ни чиновником, ни крестьянином, ни ремесленником, ни торговцем. Но можно ли, как в древние времена, следовать ритуалу без благосостояния, не имея должности? Не имея ни богатства, ни должности, все равно необходимо проводить «четыре ритуала» 四禮⁵¹⁰, служить старшим [родителям] и помогать младшим [жене и детям], «поддерживать добрососедские отношения» чимунходжиге 持門戶之計⁵¹¹.

⁵⁰⁶ Полностью цитата из Сыма Цянь звучит как: «Он обрабатывал землю у гор Лишань, ловил рыбу в озере Лэйцзэ, гончарничал на берегу [Хуан]хэ, изготавлял домашнюю утварь в Шоуцю, в нужное время отправлялся в Фуся, [чтобы торговать]». Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.1. Пер. с китайского Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Изд.2. М. 2001. Основные записи (Бэнь цзи). С. 141-142.

⁵⁰⁷ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 10.

⁵⁰⁸ Ibid.

⁵⁰⁹ Ibid.

⁵¹⁰ «Четыре ритуала» 四禮 *саре* – ритуалы *кванхонсанджэ* 冠婚喪祭, соответствующие «церемонии надевания шапки» (совершеннолетию), свадьбе, похоронами и проведению ритуалов поминания предков (*чеса* 祭祀).

⁵¹¹ Ibid. Р. 11.

Иными словами, если чиновник хочет вести себя согласно заветам прежде живших совершенномудрых, он должен заботиться о своем финансовом благополучии, иметь должность (и ни в коем случае не оказаться без оной!), а также выбирать круг общения, чтобы «добрососедские отношения» состоялись. Но с XVI в. Корея оказалась разобщена из-за разделения на придворные группировки, определявшие и частную жизнь человека, и карьеру, и круг общения. Поэтому вполне логичен следующий совет, который Ли Джунхван дает читателям:

Поэтому *садэбу* следует заботиться о том, где они живут. Время бывает подходящее и неподходящее. Земля - хорошая или плохая. Люди - добрые или злые; различия в поведении. Всякое разное бывает⁵¹².

«Описание избранных деревень» в таком случае призвано помочь *садэбу* отыскать подходящее место для жизни, ведь здесь рассматриваются все провинции Чосона. Но, как мы уже знаем, Ли Джунхван в данной ситуации видел единственное решение – избрание отшельничества ради самосовершенствования вдали от придворных интриг и кровопролитных смен власти. Ведь если «старший» более не соответствует идеальному облику, «младший» должен помочь ему этот облик сохранить, сберегая в своей душе. «Старший», однако, уже не Китай, ныне «варварский» цинский, а правитель Кореи, на которого ложится новая роль. И правитель Кореи чиновники должны быть верны.

Садэбу, как «младшие», должны служить вану, «старшему», через сохранение нравственных устоев и прекращение разногласий. К этой мысли нас подводят размышления Ли Джунхвана, высказанные в разных главах «Описания...». Хотя, как отмечает Д. Бэйкер, «Ли Джунхван не предлагает объяснения сложившейся фракционной борьбе и не предлагает ее решение. Он только дает совет, как избежать невольного вовлечения во фракционную борьбу»⁵¹³. Мы полагаем, что отказ от участия – это само по себе решение, так как

⁵¹² Ibid.

⁵¹³ Source of Korean Tradition. Vol. 2.: From the Sixteenth to the Twentieth Centuries. P. 27.

издревле на правителя могли влиять отшельники, доказывая ему слабость или неверность избранного пути, занимаясь науками и совершенствуя свои навыки в области искусства.

Когда «старший» – не правитель китайской династии, а представитель своей же страны, у корейцев, мы полагаем, должен был усилиться процесс самоидентификации, пробуждение самосознания, выделения непосредственно «своего» в родной культуре и традициях.

Однако географические условия долгое время не способствовали единению. Горные хребты *Пэкту тэган* сформировали естественные границы между провинциями, а люди сохранили историческую память о тех, кто прежде населял эти места. Тем не менее, Ли Джунхван пишет, что благодаря Киджа корейцы стали «верноподданными 忠臣 с чистой душой 立節»⁵¹⁴, рекомендуя пестовать традиции и оставаться верным минской династии.

Это соблюдение верности, а также ощущение себя частью единой Кореи должно, по нашему мнению, способствовать укреплению страны. Если следовать нашему тезису о том, что Ли Джунхван обращался не просто к *садэбу*, которые прочтут его текст, но и к правителю страны, вану Ёнджо, как конечному адресату, то благодаря «Описанию...» Ёнджо получал информацию о том, что происходит во всех восьми провинциях, символически «присоединяя» их, усиливая свою власть. Единение всех провинций – через общую историю, культуру, географию и память – это уравнение их и усиление, преодоление разногласий и различий в языке, традициях. Так, объединив их, Ли Джунхван символически вносил гармонию в разрозненную страну.

Однако объединение в первую очередь касалось не простолюдин, а *садэбу*. *Садэбу* должны выбирать место для жизни, как это делали Конфуций и мать Мэнцзы. Простолюдины не могут изменить свой путь из-за *кипхум*, и они полностью зависимы от географического детерминанта.

Среди восьми провинций нашей страны в Пхёнандо нрав самый добрый.

Следом за ней – Кёнсандо, нравы просты и искренни. Хамгёндо граничит с

⁵¹⁴ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 65.

северными иноплеменниками, все люди ожесточенны. В Хванхэдо, так как горы и реки опасны, многие люди упрямы и жестоки. В Канвондо - ущелья, многие люди глупы. В Чолладо уважают коварство, поэтому [их] легко подвигнуть к злу. В Кёнгидо, вне столячных стен, поля и деревни, поэтому материальные блага в упадке. В Чхунчхондо только и гонятся за властью и выгодой⁵¹⁵.

Для *садэбу* же важны и другие факторы, и именно о них пишет Ли Джунхван в главе «Рассуждение о выборе места»: о *пхунсу*, экономике страны, соседстве и природных условиях земель:

В первую очередь география, затем материальные блага, затем человеческие помыслы и горы и реки. Из четырех одного не достает, счастья не будет. Если география прекрасна, но материальных благ не хватает, нельзя долго жить. Если материальные блага хороши, но география плоха, то тоже нельзя долго жить. Если география и материальные блага хороши, но человеческие помыслы порочны, то обязательно будут сожаления. Если поблизости нет гор и рек, достойных восхищения, то нельзя раскрыть нрав⁵¹⁶.

Для *садэбу* важно найти подходящее место для жизни. Только в этом месте, подходящем с точки зрения географии, красоты, соседстве и иных характеристик, *садэбу* может раскрыть себя и послужить своему государю, стать достойным подданным. Поэтому можно сделать вывод о том, что Ли Джунхван ставит природу выше человека – тот может лишь выбрать подходящее место.

Человек по-прежнему остается третьим в конфуцианской триаде Небо-Земля-Человек. Ли Джунхван не рассматривает человека вне природы, вне ее пейзажей и богатств, и единственный совет, который проходит через все повествование «Описания...», - это сохранение своего пути, пути «благородного мужа». Ли Джунхван признает, что в условиях придворной борьбы, экономической разрухи, коррупции в высших инстанциях и тяжелого положения в сельском хозяйстве, трудно оставаться каноничным «благородным мужем», а

⁵¹⁵ Ibid. P. 57.

⁵¹⁶ Ibid. P. 51.

потому единственный выход – следовать идеалам прошлого и укрываться от мирской суеты на лоне природы.

Свое произведение Ли Джунхван заканчивает даосской идеей о «Великом Пределе» 太極 (*Txэгык*, кит. *Tай цзи*) – совершенном равновесии и сбалансированности:

Прежде говорили, что огонь рождается от дерева. Огонь, вспыхнув, непременно иссякает. Поэтому говорю, и на востоке невозможно жить, и на западе невозможно жить, и на юге невозможно жить, и на севере невозможно жить. [Если дела будут обстоять] подобно этому, то не будет земли. Нет земли, то нет востока, запада, юга и севера. Нет востока, запада, юга и севера, это и есть план Великого предела 太極圖 в едином первозданном хаосе. [Если дела будут обстоять] подобно этому, то не станет *садэбу*, не станет крестьян, ремесленников, торговцев и мест, подходящих для жизни. Это называется «землёй, не являющейся землёй». Поэтому написал *Tхэнниджи* 指里志, записи о местах, где можно поселиться служилым [людям и] вельможам^{517 518}.

В отличие от ряда ученых (Пэ Усон⁵¹⁹, Юн (Чхве) Инсиль⁵²⁰), мы считаем, что конец произведения не несет негативной окраски. Ли Джунхван описывает действительность беспристрастно, обращаясь к символу «Великого предела», порождающего Небо и Землю, Три начала, сменяющие друг друга упадки и подъемы⁵²¹.

То есть, если «уже сейчас» нет подходящих мест для жизни в связи с партийной борьбой, то наступил хаос, в котором нет разницы между сословиями, поэтому следующий поворот «Великого предела» – это возвращение к гармонии, так как в основе мироздания лежит цикл.

⁵¹⁷ Ли Джунхван. Описание избранных деревень (*Tхэнниджи*) / ред. Чхве Намсон. Р. 89.

⁵¹⁸ Мы благодарим канд. ист. наук, ст. научного сотрудника ИВР РАН Ю.В. Болтак за ценные советы и помощь с переводом этого важного абзаца «Описания избранных деревень».

⁵¹⁹ Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень»: сравнительное исследование (*Tхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон тигёёнгу-рыль чунсим-ыро*). Р. 243-244.

⁵²⁰ Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements. Р. 138.

⁵²¹ Подробнее о «Великом пределе» и его возможном отражении в художественном тексте см. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. С. 297-298.

Намек на это нам дает обращение к образам дерева и огня. Порождающий цикл в теории о движении пяти элементов 五行 устроен таким образом, что элемент-«дерево» 木 «порождает» следующий за ним элемент-«огонь» 火. Это естественный процесс, без которого невозможно движение. Чтобы «получить огонь» нужно дать «дереву сгореть». Более того, мы предполагаем, что «дерево» - это династия Ли, т.е. Чосон, т.к. иероглиф, соответствующий фамилии «Ли», - это слияное дерево. Упадок и подъем – характеристика любого государства, но если продолжится подобное положение вещей, то и «дерево» сгорит, и следующий элемент, «огонь», потухнет.

Соответственно, возвращение к гармонии, циклу смены первоэлементов, возможно, если вновь будут найдены «места для жизни». Соответственно, произойдет разделение хаоса-пустоты на четыре стороны света, где вновь будут жить четыре группы людей: *садэбу*, крестьяне, ремесленники и торговцы. Цикл жизни продолжится.

Это подтверждает нашу гипотезу о том, что «Описание избранных деревень» в своем роде – сакральный текст, предназначенный для проведения определенного ритуала. Однако он полностью отражает основные представления о мире и переменах в нем, влиявшие на умы интеллектуалов позднего Чосона.

Заключение

В четвертой главе настоящей диссертации мы рассмотрели основные философские воззрения Ли Джунхвана, касающиеся места Чосона и населения страны в «новом» культурном пространстве, сложившемся после падения Мин и воцарения Цин.

Обратившись к истории и используя текст «Описания...», мы доказали нашу гипотезу о том, что Ли Джунхван видел Чосон как «Малый Китай», новое «Срединное государство», которое имело как географические, так и культурно-исторические предпосылки для того, чтобы занять место в культурном пространстве Дальнего Востока. Но сделать это на тот момент, по мнению Ли Джунхвана, не давала постоянная придворная борьба, которая разобщала

чиновников, мешала им следовать пути «благородного мужа» и поддерживать своего правителя. Поэтому «Описание...» – это призыв отказаться от борьбы, вспомнить об основном предназначении чиновника, об историко-культурном единстве населения Чосона и его «прямой» связи со «Срединым государством».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена актуальной и мало изученной как в Корее, так и за ее пределами теме – представлениям о пространстве и их значении в культурном самосознании средневекового корейца в XVIII в. и факторам, которые повлияли на формирование культурной картины мира в этот период. В основу нашего исследования легло историко-географическое сочинение «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) корейского интеллектуала Ли Джунхвана, отразившее основные философские и культурные идеи позднего Чосона.

Поставив перед собой во Введении настоящей диссертационной работы ряд задач, мы успешно выполнили их, доказав нашу основную гипотезу, согласно которой в XVIII в. по-прежнему в умах корейских интеллигентов доминировала идея о Корее как «Малом Китае» (*соджунхва*). Эта концепция начала оформляться в конце периода Корё и стала особенно популярной в XVI-XVII вв., когда произошла смена «старшего» в отношениях *садэ* – маньчжурская династия Цин сместила китайскую династию Мин, – как полагает большинство корееведов. Однако наше исследование доказывает, что эта идея не утратила своего актуальности и в XVIII в.

В первой главе настоящей диссертации мы рассмотрели структуру текста «Описания...» и историю его изучения в Корее, странах Европы и США, России. Было установлено, что несмотря на то, что важность глубокого исследования произведения отмечалась крупнейшими корееведами, лишь с конца 1990-х гг. и только в Корее и корейскими учеными были начаты такие исследования. Также было установлено, что интерес корейских интеллектуалов к «Описанию...» не ослабевал с самого момента создания произведения, что подтверждают многочисленные сохранившиеся манускрипты, публикации оригинального текста и последовавшие многочисленные переводы текста с ханмуна на современный корейский язык.

Вторая глава нашей диссертации посвящена истории периода, основным проблемам XVII-XVIII вв., повлиявших на создание «Описания...», и биографии автора – Ли Джунхвана. Высказаны две гипотезы о причинах, подтолкнувших Ли к написанию текста: 1) традиция отшельничества как культурного протеста (против борьбы придворных группировок и смены «старшего» в мировом культурном пространстве); 2) создание «сакрального» предмета для реализации ритуала по восстановлению гармонии в мире и формальном «присоединении» к облику «старшего», т.е. правителю страны.

Третья глава раскрывает особенности сохранения *садэ* в условиях смены «старшего» в Китае после Имдинской войны и в период до создания «Описания...» - данный историко-культурный экскурс помогает проследить, как идея «Малого Китая» отразилась в тексте произведения Ли Джунхвана, чему посвящена вторая часть третьей главы. Во второй части мы рассмотрели непосредственно текст «Описания...», выявив ряд характерных для произведений, популяризирующих идею «Малого Китая».

Нами было установлено, что в XVIII в. корейцы-интеллектуалы были склонны создавать новое культурное пространство, помещая Чосон в его символический центр, смещая тем самым Империю Цин с положения «Срединного государства». Доказательствами связи между Кореей и Китаем служили географические, исторические и культурные аспекты – среди них теория о связи всех корейских гор с китайскими горами Куньлунь, правление выходца из Китая Киджа и соблюдение церемоний, пришедших также из Китая, и др.

Также в «Описании...» мы видим идею о необходимости единства перед лицом внешней (смены «старшего») и внутренней (постоянной межпартийной борьбы) угроз. Единение достигается благодаря связи всех восьми провинций Чосона через корейские горы, проходящие через весь полуостров с севера на юг; через общую историю, традиции и культуру. Ли Джунхван обращает большое внимание на проблемы чиновничества – именно чиновники, в отличие от других групп сословий, по мнению автора, проводят политику «старшего» и непосредственно реализуют сохранение облика «старшего», необходимое для

гармонии в стране и мире. Кроме того, сам Ли Джунхван был чиновником и хорошо понимал все трудности сословия: продолжительная борьба придворных группировок; нерешенный аграрный вопрос; сложность в получении должности, сохранении и преумножении финансового состояния, необходимых для заботы о своих «младших» - семье, слугах, - проведении обязательных церемоний. Ли Джунхван был сослан как участник заговора против Ёнджо, что, вероятнее всего, не соответствовало реальности и тяготило его до конца дней. Поэтому неудивительно, что в конце произведения он обращается к чиновникам, призывая их прекратить придворную борьбу и в первую очередь следить за сохранением облика «благородного мужа», что было возможно только через надлежащее поведение и соблюдение ритуалов, жизни на лоне природы. По мнению Ли Джунхвана, у Кореи есть все предпосылки для того, чтобы стать новым «Срединным государством», но для этого нужно приложить усилия, без них же и Корее ни занять новое место в культурном пространстве, ни спасти от грядущего «хаоса». Соответственно, если чиновники будут следовать пути «совершенномуудрых», станут с умом выбирать места для жизни (ориентируясь на географию, соседство и экономику региона) и прекратят межпартийную борьбу, то Чосон под грамотным руководством Ёнджо станет новым «Срединным государством», и в мире хаос сменит гармония.

В Заключении мы вновь рассмотрели основные тезисы глав, и здесь нам хотелось бы отметить, что «Описание...», являясь «бестселлером» корейской средневековой историко-географической литературы, требует дополнительного изучения отечественными корееведами, и наша диссертационная работа – лишь первый шаг к этому. Проведенное нами исследование должно стать подспорьем для корееведов - как историков, так и культурологов, занимающихся проблемами позднего Чосона.

В дальнейшем, мы полагаем, важно рассмотреть фактическое содержание «Описания...»: отделить реальное от вымышленного. Также важным, особенно в условиях продолжения намеченной нами темы, будет лексическая оценка манускриптов XVIII-XIX вв. с отредактированными публикациями 1910-20 XX гг.

для выявления внесенных изменений и ответа на вопрос, с какой именно целью эти изменения были внесены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Рукописные источники (на ханмуне)

1. *Ли Джунхван* 李重煥. Описание восьми земель Восточного государства 東國八域志 (*Тонгук пхарёкчи*), Рукопись. 古書 III 4294. Библиотека университета Ёнсе.
2. *Ли Джунхван* 李重煥. Записи о горах и реках Восточного государства 東國山水錄 (*Тонгук сансурок*). Рукопись 想白古 915.1.D.717. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.
3. *Ли Джунхван* 李重煥. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) 指里志. Рукопись. 一蓑古 915.1-Y58t. v.1-2. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.
4. *Ли Джунхван* 李重煥. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) 指里志. Рукопись. 4790-55. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.
5. *Ли Джунхван* 李重煥. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) 指里志// Незначительное собрание Дальнего Востока 大東稗林 (*Тэдон Пхэrim*), vol.28. Рукопись. 951-508. Библиотека университета Ёнсе.
6. *Ли Джунхван* 李重煥. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) 指里志. Рукопись 古書 III 4297. Библиотека университета Ёнсе.
7. *Ли Джунхван* 李重煥. Живописное обозрение земель Востока 震維勝覽 (*Чиню сыннам*). Рукопись. 想白古 915.1.J563. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.
8. *Ли Джунхван* 李重煥. Живописное обозрение земель Востока 震維勝覽 (*Чиню сыннам*). Рукопись. 고 4790-38. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.

9. *Ли Джунхван* 李重煥. Трактат о выборе [гаданием] места для жилища [среди] восьми провинций [государства] Чосон 朝鮮八道卜居論 (*Чосон пхальдо поккосоль*). Рукопись 4299. Библиотека университета Ёнсе.
10. *Ли Джунхван* 李重煥. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) 指里志 / ред. Чхве Намсон 崔南善. Кэйдзё (Сеул): Чосон кванмунхве, 1912. 89 с.

Переведенные тексты источников:

Переводы с китайского языка и ханмуна на корейский язык:

11. Каталог гор и морей (*Санхэгён*) / Пер. на кор. и ред. Е Тхэиль, Чон Бальпхён, Со Гёнхо, Ким Ёнчи. Сеул: Антхикхусы, 2012. – 471 pp. [산해경 / 예태일, 전발평, 서경호, 김영지. 안티쿠스, 2012. 471 pp.]
12. Конфуций (*Кун-джса*). Суждения и беседы (*Нон-о*) / Пер. на кор. и ком. Ли Сунхэ. Сеул: Сэнгаг-ый наму, 2011. – 335 pp. [군자. 논어 / 이수태. 생각의 나무, 2011. 335 pp.]
13. *Ли Джунхван*. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / Пер. на кор. Ли Иксон. Сеул: Ырюмунхваса, переизд. 2011. – 312 pp. [이중환. 택리지 / 이익성. 을유문화사, 2011. 312 pp.]
14. *Ли Джунхван*. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / Пер. на кор. Ли Минсу. Сеул: Чинсон чхульпханса, 2005. – 150 pp. [이중환. 택리지 / 이민수. 진선출판사, 2005. 150 pp.]
15. *Ли Джунхван*. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / Пер. на кор. Ли Чхан. Сеул: Тарагвон, 1985. – 136 pp. [이중환. 택리지 / 이찬. 다락원, 1985. 136 pp.]
16. *Ли Джунхван*. Описание избранных деревень (*Тхэнниджи*) / Пер. на кор. Хо Гёнджин. Пхаджу: Пхаджу чхульпханса, 2012. – 263 pp. [이중환. 택리지 / 허경진. 파주: 파주출판사, 2012. 263 pp.]

17. *Ли Джунхван*. Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон (*Чосон пхальдо пимиль чиджи*). Сеул: Сонджин мунхваса 成進文化社, 1978. – 130 pp. [이중환. 조선팔도비밀지지. 서울: 성진문화사, 1978. 130 pp.]
18. *Ли Джунхван*. Изложение «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) для детей (*Чхонсонён-ыль вихан Тхэнниджи*) / Пер. Ким Хонсик. Пхаджу: Сохэмунджип, 2011. – 264 pp. [이중환. 청소년을 위한 택리지 / 김홍식. 펴주: 서해문집, 2011. 264 pp.]
19. *Син Гёнджун*. Описание гор (*Сангёнпхё*) / Пер. на кор. яз. Пак Ёнсо. Сеул, Чопхан инсве, 1990. – 112 pp. [신경준. 산경표 / 박영서. 접한인쇄, 1990. 112 pp.]
20. *Чхве Намсон*. Юность (*Сонён*). Сеул, Ёнсе тэхаккё инмунгвахак ёнгусо, переизд. 1969 г. 90 pp. [최남선. 소년. 서울, 연세 대학교 인문과학 연구소, 1969. 90 pp.]

Переводы с иностранного языка на русский:

21. Дао дэ цзин / Пер. и прим. Ян Хин-шуна. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. - 144 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).
22. Досужие беседы на постоялом дворе. Корейские рассказы XIX в. / пер. с кит. Елисеева Д.Д. СПб: Гиперион, 2016. – 192 с. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», X).
23. Изучение Кореи на Западе: От первого лица. Сборник интервью и эссе / Пер. с англ. Под научн. ред. Симбирцевой Т.М. М.: Издательство РГГУ, 2011. – 167 с.
24. Ицзин. Книга Перемен / Пер. с др.-кит. Шуцкого Ю.К. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 576 с. (Азбука-классика)
25. Каталог гор и морей (*Шань хай цзин*) / Пред., пер. на рус., ком. Яншиной Э.М. М.: Издательство «Наука», ГРВЛ, 1977. – 234 с.

- 26.Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. – 928 с.
- 27.Конфуций. Суждения и беседы / Пер. с кит. Попова П.С. СПб.: Лениздат, Команда А, 2013. – 190 с.
- 28.Наставление царю цветов. Высокая проза Кореи XI-XVIII веков. Золотой фонд корейской литературы, V. / пер. с кит. СПб.: Гиперион, 2010. – 288 с.
- 29.Одиночный журавль: из корейской поэзии XVI века: факс. кор. ориг. / Чон Чхоль; [поэт. пер. Жовтиса А.Л.; подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Концевича Л.Р.; науч. пер. стихов со старокор. яз. Концевича Л.Р., Ицковой Н.Л.]. – 2-е доп. изд. – М.: Наталис, 2009. – 223 с.
- 30.Рисунки тушью. Корейская классическая поэзия на китайском языке / пер. с кит. Гурьевой А.А., Ждановой Л.В., Кроля Ю.Л., Меньшикова Л.Н., Троцевич А.Ф. СПб.: Гиперион, 2015. – 160 с. – (Серия «Золотой фонд корейской литературы», IX).
- 31.Сутра поучения Вималакирти (*Вималакирти-нирдеша сутра*). / Пер. Донца А. М. . М., 2005. – 144 с.
- 32.Сыма Цянь. Исторические записки (*Ши цзи*). Т.1. / Пер. с кит. Вяткина Р.В. и Таскина В.С. Изд. 2. М., 2001. Основные записи (*Бэнь цзи*). – 415 с.
- 33.Чудесная жемчужина. Рассказы о необычном. Корейские предания, легенды и сказки / пер. с кор. Троцевич А.Ф., Концевича Л.Р., Никитиной М.И., Болтач Ю.В., Пака М.Н., Соловьева А.В., Тихонова В.М., Елисеева Д.Д. СПб.: Гиперион, 2014. – 272 с. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», VIII).

Переводы с иностранного языка на английский:

34. A Bibliographical Guide to Traditional Korean Sources / 韓國古典解題. Ed. and transl. by Kim Tai-jin. Seoul: Asiatic Research Center, Korea University, 1976. — x, 580 p. Appendix: List of Government Offices and Posts (by prof. E. Wagner). P. 559-568.

35. *Archimandrite Palladius. Expedition through Mongolia. – trans. by Delmar Morgan // Proceedings R.G.S. (Royal Geographic Society), 1872. P. 204-217.*
36. *Lee Peter H. Sourcebook of Korean Civilization, Vol 2. New York, Columbia University Press, 1996. – 876 pp.*
37. *Sources of Korean Tradition. Vol.2: From the sixteen to the twentieth centuries / Ed. Baker D. New York, Columbia University Press, 2000. – 487 pp.*
38. *Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements. Sydney, Wild Peony Pty, 1998. – 141 pp.*

Литература на русском языке

Научные труды на русском языке

1. Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. Москва: ГРВЛ «Наука», 1978. – 594 с.
2. Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С. Срединное государство: Введение в традиционную культуру Китая. М.: ИД «Муравей», 1998. – 288 с., с илл.
3. Бокщанин А.А., Думан Л.И. Внешняя политика государства Цин в XVII в. М.: Наука, 1977. – 385 с.
4. Брагинский В.И. Проблема типологии средневековых литератур Востока. Очерки культурологического изучения литературы. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 388 с.
5. Воробьев М.В. Очерки культуры Кореи. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 192 с. (Orientalia).
6. Гафуров Б.Г., Ванин Ю.В., Ким Г.Ф., Пак М.Н., Тихомиров В.Д., Шабшина Ф.И. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т.1. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – 470 с.
7. Гурьева А.А. Книга как часть культуры Кореи в колониальный период (1910-1945) // Письменные памятники Востока, 2 (15). СПб: Наука, ИФ «Восточная литература», 2011. С. 231-237.

8. *Джарылгасинова Р.Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»). М.: Первое марта, 2010. - 252 с. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем». - Т.8).
9. *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. – 288 с. – (Азиатика).
10. *Ермаков М.Е.* Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб.: ИД «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2008. – 192 с. – («Мир Востока»).
11. *Ионова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: середина XIX-начало XX в.. М.: Наука, 1982. – 232 с.
12. *Ионова Ю.В.* Этнография Кореи. М.: Первое марта, 2011. – 424 с. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем»). – Т.9.
13. История Кореи с древнейших времен до наших дней: научное издание. Т. 1 / ред. *Ванин Ю.В.* М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1974. – 470 с.
14. *Каменарович И.* Классический Китай / Пер. *Заболоцкий Н.М.* М.: Вече, 2006. – 416 с. (Гиды цивилизаций).
15. *Каравкин В.И.* Идеальная модель культуры. М.: ОГИ, 2010. – 336 с. – (Нация и культура: Антропология / Новые исследования).
16. *Карапетьянц А.М.* Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982. – 264 с.
17. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 282 с.
18. Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию / Сост., вст. ст., пер., примеч. и указ. *Ермакова М.Е.* СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2003. – 272 с.
19. *Концевич Л.Р.* Корееведение. Избранные работы. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. – 640 с.
20. *Курбанов С.О.* История Кореи с древности до начала XXI века. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2009. – 680 с.

21. *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – 626 с.
22. *Курбанов С.О.* Размышления об исторической науке и роли личности в истории (с примерами из истории Кореи). СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 212 с.
23. *Кюнер Н.В.* Корея во второй половине XVIII века (машинопись) // Санкт-Петербург: Институт восточных рукописей РАН, ф.91 ед.хр.3. №42. Л. 16.
24. *Кюнер Н.В.* Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Владивосток, 1912. Т.1. – 336 с.
25. *Ланьков А.Н.* Быть корейцем... М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 544 с.
26. *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995. – 200 с.
27. *Ли Ги Бэк.* История Кореи: новая трактовка / пер. с кор. *Курбанова С.О.* М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2000. – 464 с.
28. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с. (Культурный код).
29. *Малявин В.В.* Империя ученых. М.: Европа, 2007. – 384 с.
30. *Меликсетов А.В.* История Китая. 4-е изд. М.: Оникс, 2007. – 751 с.
31. *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. – 736 с. (Серия «Восточная коллекция»).
32. *Мещеряков А.Н.* Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2014. – 424 с.
33. *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – 326 с.
34. *Пострелова М.Н.* Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар / под ред. *Курбанова С.О.* СПб.: Фонд восточных культур, 2002. С. 137-158.

35. *Пустовойт Е.В.* История королевства Рюкю (с древнейших времен и до его ликвидации). Владивосток: Русский остров, 2008. – 129 с.
36. *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. – 640 с. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности, вып. 35).
37. *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб: ООО «Типография «Береста», 2010. – 551 с.
38. *Тань А.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 272 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
39. *Тихонов В.М.* История Кореи. Т.1: С древнейших времен до 1876 года. М.: «Муравей», 2003. – 464 с.
40. *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. / ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т.М. Симбирцева. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.). М., Наталис, 2011. – 533 с.
41. *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи: В 2 т. Т.2: Двадцатый век / Корея: 1905-1945 гг. (Тихонов В.М.); Южная Корея: 1945-1992 гг. (Кан Мангиль) / ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Симбирцевой Т.М.; под общ. ред., примеч. Тихонова В.М. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41). М.: Наталис, 2011. – 499 с.
42. *Троцевич А.Ф.* «Девятирусная пагода в монастыре Хванънёнъса» (Самгук юса: проблемы интерпретации текстов) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15 / Отв. ред. Курбанов С.О. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 59-99.
43. *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 323 с.
44. *Троцевич А.Ф.* Несколько замечаний по поводу корейских письменных памятников XVIII-XIX в. как источников информации о Корее (Коллекции

российских дипломатов в Восточном отделе научной библиотеки СПб государственного университета) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. К 150-летию Восточного факультета / Отв. ред. *Курбанов С.О., Троцевич А.Ф.* СПб., 2005. С. 259-270.

45. *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск 1: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 300 с.
46. *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 424 с.
47. *Тягай Г.Д.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – 256 с.
48. *Эйдин Л.З.* Тао Юань-мин и его стихотворения. Минск: Издатель С.М. Ананьевич, 1994. – 479 с.

Дополнительная литература

49. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. – 704 с.
50. *Гомперц Г.* История корейской керамики периода Ли. Статья 1966 г. Пер. с англ. *Киреевой Л.И.* // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVIII. Магнитогорск – Новосибирск, 2007. С. 415-428.
51. *Елисеев Д.Д.* Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). М.: Главная редакция Восточной литературы, Наука, 1977. – 255 с.
52. *Елисеева И.А.* Искусство и культура Кореи. Путеводитель по постоянной экспозиции. М.: Государственный музей Востока, 2010. – 160 с.

53. *Ермаков К.В.* Псевдонимы Чон Дасана (1762-1836) как вехи его биографии // Вестник российского корееведения, №3. М.: Восточная литература РАН, 2011. С. 36-63.
54. *Зайчиков В.Т.* Корея. М.: Географгиз. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Географгиз, 1951. – 479 с.
55. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М.: 1987. Т.1, Лекции 3-4. – 1146 с.
56. *Курбанов С.О.* Ким Гу и его судьба в контексте проблемы роли личности в истории Кореи // Корейский полуостров накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29-30 марта 2012 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 246-254.
57. *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 тт. Т.2. М., 1956. – 334 с.
58. *Симбирцева Т.М.* Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг. // Традиционная культура Востока Азии: сб. статей. Вып. 3. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2001. С. 179-188.
59. *Хойслер С.* Стихи в ответ кукушке в пустых горах – изучение Чагюса (XV в.) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 16. / отв. ред. *Курбанов С.О.* СПб., 2014. С. 92-110.
60. *Чеснокова Н.А.* Отвергнуть или понять? – Взгляд западных миссионеров конца XIX – начала XX в. на корейскую геомантию // Вестник российского корееведения, 7. М.: Наука – Восточная литература, 2015. С. 131-149.
61. *Чеснокова Н.А.* Памяти Н.В. Кюнера (1877-1955). «Очерк Кореи» (1912 г.) – к столетию со дня публикации и в связи с переводом на корейский язык // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 16. Отв. ред. *Курбанов С.О.* СПб., 2014. С. 7-27.

Литература на корейском языке

62. *Ви Вонхак*. Исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) (*Тхэнниджи ёнгу*). Сеул: Тосочхульпхан синянса, 1993. – 173 pp. [위원회 택리지 연구. 서울: 도서출판 신양사, 1993. 173 pp.]
63. *Кан Ёнын, Чхве Донук, Хон Сонхый, Чон Юнхый, Ким Санпом, Лим Сынпин*. Исследование значений и факторов, составляющих прототипичный ландшафт (*Вонхёнкёнкван-ый кэнём чоллип мит хёнсонёин ёнгу*) // Нончонкекхвек, Vol.15, No.4. Сеул, 2009. P. 33-42. [강영은, 최동욱, 홍성희, 김상범, 임승빈. 원형경관의 개념 정립 및 형성요인 연구 // 논출계획, Vol.15, No.4. 서울, 2009. P.33-42]
64. *Ким Дугю*. Повествование о нашем пхунсу (*Ури пхунсу ияги*). Пхаджу: Букхаусы, 2003. – 232 pp. [김두규. 우리풍수이야기. 파주: 북하우스, 2003. 232 pp.]
65. *Ким Ёнсон* 金容燮. Исследование истории сельского хозяйства в поздний период Чосон 朝鮮後期農業史研究 (*Чосон хуги нонопса ёнгу*). Тэджон: Тэджон мунхвахве, 1984. – 455 pp. [김용섭. 조선 후기 농업사 연구. 대전문화회, 1984. 455 pp.]
66. *Ким Ёнхо*. Корейские традиционные географические идеи (*Хангук чонтхон чирисасан*). Пхаджу, Хангук хаксуль чонпо, 2010. – 278 pp. [김연호. 한국 전통 지리사상. 파주: 한국 학술 정보, 2010. 278 pp.]
67. *Ким Сонён*. Корейское учение пхунсу (*Хангук пхунсухак*). Сеул: Корёмунхакса, 2006. – 350 pp. [김성영. 한국풍수학. 서울: 고려문학사, 2006. 350 pp.]

68. *Ким Чонсим*. Исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) Ли Джунхвана (*Ли Джунхван-ый Тхэнниджи-е кванхан ёнгу*). Сеул: Женский ун-т Сунмён, магистерская диссертация, 1982. – 152 pp. [김정심. 이중환의 택리지에 관학 연구. 서울: 숙명여자대학교, MA thesis, 1982. 152 pp.]
69. *Ли Гибэк* 李基白. Открытые лекции по курсу корейской истории *市民講座* (*Симин канджва*). Сеул: Ильчогак 一潮閣, 1994. – 262 pp. [이기백. 시민강좌. 서울: 일조각, 1994. 262 pp.]
70. *Ли Джуюн*. О серии «Юкчон сосоль» издательства Синмунгван (*Синмунгван канхэн Юкчон сосоль ёнгу*) // Коджон мунхак ёнгу. Вып. 11. Общество исследователей Корейской традиционной литературы. Сеул, 1996. Р. 35-52. [이주영. 신문관 간행 육정 소설 연구 // 고종 문학 연구. 11. 한국전통문학협회. 서울, 1996. Р.35-52.]
71. *Ли Чхан*. История географии в Корее (*Хангук чирихакса*) // Хангук мунхваса дэге, 6. Сеул: Корёдэ, Минджок мунхва ёнгусо, 1979. Р. 33-41. [이찬. 한국지리학사 // 한국문화사 대계, 6. 서울: 고려대, 민족문화연구소, 1979. Р. 33-41.]
72. *Мок Сухён*. Представления о географии страны во время патриотического просветительского движения: взгляд Чхве Намсона (*Куктхо-ый сигакчок пхёсан-га эгук кэмон-ый чирихак: Чхве Намсон-ый ноный-рыль чунсим-ыро*) // Тонасия мунхва ёнгу, Вып. 57. Сеул, 2014. Р. 13-39. [목수현. 국토의 시각적 표상과 애국 계몽의 지리학 – 최남선의 논의를 중심으로 // 동아시아 문화 연구. 57. 서울, 2014. Р. 13-39.]
73. *Но Доян*. Разъяснение о подходящих для жизни землях в «Описании восьми земель» 八域誌可居地解說 (*Пхарёкчи кагоджи хэсоль*) // Чирихак,

вып.1, т.1. Сеул, 1963. Р. 91-96. [노도양. 팔역지 가져지 해설 // 지리학, 1. No.1. 서울, 1963. Р. 91-96.]

74. Но Доян, Чан Боун. Историческая и культурная география 歷史-文化地理學 (Ёкса-мунхва чирихак) // Чирихак, вып.11, т.1. Сеул, 1976. Р. 36-40. [노도양, 장보웅. 역사문화지리학 // 지리학, 11. Vol. 1. 서울, 1976. Р. 36-40.]

75. Но Джусок. Тхэнниджи Сеула (Соул Тхэнниджи). Сеул: Содам чхульпханса, 2015. – 302 pp. [노주석. 서울 택리지. 서울: 소담출판사, 2015. 302 pp.]

76. О Санхак. Чхонхадо: космография Чосона (Чхонхадо: Чосон-ый кхосымогырэпхи). Пхаджу: Мунхак Тонне, 2015. – 172 pp. [오상학. 천하도: 조선의 코스모그래피. 파주: 문학 동네, 2015. 172 pp.]

77. О Сечхан. Исследование учения пхунсу в «Описании избранных деревень» (Тхэнниджи) (Тхэнниджи-ый пхунсу чирихакчок ёнгу) // Journal of Social Science Research, Vol. 11, No. 1. Тэгу, 2003. Р. 85-106. [오세창. 택리지의 풍수지리학적 연구 // Journal of Social Science Research, Vol. 11, No. 1. 대구, 2003. Р. 85-106.]

78. Пэ Усон. Атмосфера знаний и книг (Токсо-ва чисиг-ый пхунгён). Пхаджу: Тольбэгэ хангукхакчонсо, 2015. – 440 pp. [배우성. 독서와 지식의 풍경. 파주: 돌베개 한국학총서, 2015. 440 pp.]

79. Пэ Усон. К вопросу об историческом методе работы над «Описанием избранных деревень» (Тхэнниджи): сравнительное исследование (Тхэнниджи-е тэхан ёксахакчок токпоп – пхильсабон пигёёнгу-рыль чунсим-ыро) // Хангук мунхва 韓國文化. Сеул: Сеульдэхаккё хангук ёнгусо 서울大學校 韓國文化研究所, 2004. Р. 213-246. [배우성. 택리지에 대한

역사학적 독법 – 필사본 비교연구를 중심으로 // 한국문화. 서울: 서울대학교
한국 연구소, 2004. P. 213-246.]

80. *Пэ Усон*. Изучение истории через географию (*Чири сиган-е ёкса конбуухаги*).
Сеул: Унджин джунио, 2014. – 216 pp. [배우성. 지리 시간에 역사 공부하기.
서울: 웅진주니오, 2014. 216 pp.]

81. *Пэк Сунджэ*. Корейская библиография периода реформации (*Кэхваги-ый
хангук соджи*) // Тонбанхакчи, Вып. 11. Сеул: Ёнседэ тонбанхак ёнгусо,
1970. P. 53-72. [백순재. 개화기의 한국 서지 // 동방학지, 11. 서울: 연세대
동방학연구소, 1970. P. 53-72.]

82. Сборник научного общества Эсана (*Эсан хакпо*) // Эсан хакхве. Вып. 3. Сеул,
1983. – 195 pp. [애산학보 // 애산학회, 3. 서울, 1983. 195 pp.]

83. *Син Бёнджу*. Выдающиеся произведения периода Чосон (*Чосон чхвего-ый
мёнджодыль*). Сеул, Humanist, 2006. – 339 pp. [신병주. 조선 최고의 명조들.
서울, Humanist, 2006. 339 pp.]

84. *Со Сун*. Введение в исследование «Описания избранных деревень»
(*Тхэнниджи*) 擇 里 志 研 究 序 說 (*Тхэнниджи ёнгу сосоль*) //
Чирихак, Вып.1, т.1. Сеул, 1963. P. 83-90. [서수인. 택리지 연구 서설 //
지리학, 1. Vol. 1. 서울, 1963. P. 83-90.]

85. *Хан Ёну, Чон Хохун, Лю Бонхак, Ким Мунсик, Ку Манок, Пэ Усон, Ко
Донхван*. И вновь, что такое сирхак? (*Таси, сирхагиран муосинга*). Сеул,
Халлим, 2007. – 375 pp. [한영우, 정호훈, 유봉학, 김문식, 구만옥, 배우성,
고동환. 다시, 실학이란 무엇인가. 서울, 한림, 2007. 375 pp.]

86. *Хо Тхэён*. Критическое исследование вопроса о корейском национализме
второй половины периода Чосон (*Чосон хуги-ый вонминджокчуый мундже-*

- е тэхан типханчок комтхо) // International Journal of Korean History, Vol. 12. Сеул, 2008. Р. 89-112. [허태용. 조선 후기의 원민적주의 문제 대한 비판적 검토 // International Journal of Korean History, Vol. 12. 서울, 2008. Р. 89-112.]*
87. *Хон Сунмин.* Рассказ о наших дворцах (*Ури кунгволь ияги*). Пхаджу: Чхоннёнса, 2007. – 321 pp. [홍순민. 우리 궁궐 이야기. 파주: 청년사, 2007. 321 pp.]
88. *Хон Сунсок, Чон Чонсу, Чон Ёнхак, Ким Икту, Сон Чэён, Ким Джунхёк.* Встреча с нашей традиционной культурой (*Ури чонхон мунхва-вай маннам*). Сеул: Хангук мунхваса, 2006. – 309 pp. [홍순석, 정종수, 정연학, 김익두, 송재용, 김준혁. 우리 전통문화와의 만남. 서울: 한국문화사, 2006. 309 pp.]
89. *Чан Сонгю.* История Пэкту тэган (*Пэкту тэган-ый ёкса*). Пхаджу: Хангук хаксульджонбо, 2008. – 197 pp. [장성규. 백두 대간의 역사. 파주: 한국 학술정보, 2008. 197 pp.]
90. *Чан Чансик.* Изучение преданий о корейском пхунсу (Хангуг-ый пхунсу сорхва ёнгу). Сеул: Минсогвон, 1995. – 285 с. – (Библиотека корейской народной культуры, т. 5). [장장식. 한국의 풍수 설화 연구. 서울: 민속원, 1995. 285 pp.]
91. *Чан Чиён, Ким Инхо, Син Бёнджу, Но Дэхван, Ын Джонтхэ.* Авторы бестселлеров (*Бесытхыселло-ый чоджадыль*). Пхаджу: Пхаджу чхульпханса, 2007. – 255 pp. [장지연, 김인호, 신병주, 노대환, 은정태. 베스트셀러의 저자들. 파주: 파주 출판사, 2007. 255 pp.]
92. *Чхве Чханджо.* Основное разъяснение об определении удачи и несчастья согласно теории чхвахян пхунсу (*Пхунсусоль чвахяннонсан-ый кильхюн пхандан-е кванхван вихакчок хэсоль*) // Чирихак, Вып. 26. Сеул, 1982. Р. 82-

106. [최창조. 풍수설 좌향논상의 길흉 판단에 관한 위한적 해설 // 지리학, 26. 서울, 1982. P. 82-106.]
93. Чхве Чханджо. География человека (Сарам-ый чирихак). Пхаджу: Сохэмунджип, 2011. – 288 pp. [최창조. 사람의 지리학. 파주: 서해문집, 2011. 288 pp.]
94. Чхве Чханджо. Слезы земли, надежды земли (Ттан-ый нунмуль, ттан-ый хийман). Сеул: Кунни, 2000. – 352 pp. [최창조. 땅의 눈물, 땅의 희망. 서울: 궁리, 2000. 352 pp.]
95. Чхон Инхо. Понимание идей пхунсу (Пхунсу сасан-ый ихэ). Пусан: Седжон чхульпханса, 1999. – 459 pp. [천인호. 풍수 사상의 이해. 부산: 세종 출판사, 1999. 459 pp.]
96. Ю Джонгын, Чхве Ёнджу. Истоки корейского пхунсу (Хангук пхунсу-ый волли). Сеул: Тонхакса, 1997. – 334 pp. [유종근, 최영주. 한국풍수의 원리. 서울: 동학사, 1997. 334 pp.]
97. Ю Джонмун. Изложение содержания «Истинных записей (правления) династии Чосон» (Ияги-ро пхуроссын Чосон ванджо силлок). Сеул: Айтхембуксы, 2014. – 542 pp. [유종문. 이야기 풀어쓴 조선 왕조 실록. 서울: 아이템북스, 2014. 542 pp.]

Литература на английском языке

98. Choe Yong-jun. Land and Life: A Historical Geographical Exploration of Korea / trans. Kim Sarah. Fremont, Jain Pub Co, 2006. – 352 pp.
99. Choi Chang-jo. Study of How Koreans View and Utilize Nature // Anthology of Korean Studies, Volume III. Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym Corp., 2003. P. 69-95.

100. *Clark D.* Sino-Korean Tributary Relations under the Ming. The Cambridge History of China: Volume 8 - The Ming Dynasty: Part Two, eds. *Denis Twitchett* and *Frederick W. Mote*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 1204 pp.
101. *Clark D.N., Grayson J.H.* Discovering Seoul. Seoul: RASKB, 4, 1986. – 346 pp.
102. Culture and the State in Late Chosŏn Korea / Ed. *Kim Haboush JaHyun, Deuchler M.*, eds Cambridge, Massachusetts and London: 1999 (Harvard-Hallym Series on Korean Studies, 182). – 328 pp.
103. *De Bary Wm.Theodore.* Introduction // The Rise of Neo-Confucianism in Korea. Columbia University Press, 1985. P. 1-58.
104. *Deuchler M.* Confucian gentlemen and barbarian envoys: The Opening of Korea (1875-1885). Seattle, London: University of Washington Press (published for the Royal Asiatic Society Korea Branch), 1983 (переизд. 1977). – 310 pp.
105. *Deuchler Martina.* The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge, Massachusetts: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1992. – 456 pp.
106. *Duncan J.B.* The Origins of the Chosŏn Dynasty. Washington: University of Washington Press, 2014. 408 pp.
107. *Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W.* Korea Old and New: A History. Seoul: Korea Institute, 1990. – 455 pp.
108. *Fairbank J.K.* The Chinese World Order. Cambridge: Mass., 1968. – 416 pp.
109. *Gale James S.* Korean Sketches. – Chicago: Fleming H. Revell Company, 1898. – 286 pp.
110. *Guex S* Overcoming the Frame of National History in South Korea // History at Stake in East Asia / Ed. by *Caroli Rosa* and *Souyri Pierre-Francous*. Venezia: Cafoscarina, 2012. P. 131-155.
111. *Han Young Woo.* A Review of Korean History. Vol.2. Joseon Era / Translated by *Hahm Chaibong*. Paju: Yongsaewon, 2010. – 319 pp.

112. *Han Young-Woo, Ahn Hwi-Joon, Bae Woo Sung*. The Artistry of Early Korean Cartography / trans. *Choi Byonghyon*. Tamal Vista Publications, 2008. – 220 pp.
113. History at Stake in East Asia / Ed. by *Caroli Rosa* and *Souyri Pierre-Francous*. Venezia: Cafoscarina, 2012. – 210 pp.
114. *Hoare J.E.* Britain and Korea. 1797-1997. Seoul: British Embassy, 1997. – 42 p. Hulbert B. Baron von Moellendorff 11 *The Korea Review*, 1901. Vol. 1 (January-December). P. 245-252.
115. *Hong I-Söp*. Yi Chung-hwan's Geographical Thought in T'aengniji // *Korea Journal*, Vol.14, No.3, March. Seoul, 1974. P. 40-44.
116. *Jackson Andrew D.* Histories in stone: stelae commemorating the suppression of the musin rebellion and contested factional histories // *International Journal of Asian Studies*, 11, 1 (2014). P. 53–75.
117. *Jackson Andrew D.* The Causes and Aims of Yōngjo's Chōngmihwan'guk // *Papers of the British Association of Korean Studies*, Vol.13, 2011. P. 17-35.
118. *Jin Jong-Heon*. The Role of Symbolic Landscape in the Construction of National Identity in Modern Korea. University of California at Los Angeles. DAI 66, no.2 (Aug. 2005): 709-A; UMI 3164274. – 249 pp.
119. *Kim JaHyun Haboush*. The Confucian Kingship in Korea: Yōngjo and the Politics of Sagacity. New York: Columbia University Press, 2001. – 329 pp
120. *Kim JaHyun Haboush*. The Great East Asian War and the Birth of the Korean Nation. Columbia University Press, 2016. – 240 pp.
121. *Koto B.* An Orographic Sketch of Korea // *Journal of the College of Science*. Tokyo, Imperial University, Vol. XIX, Article 1, 1903. P. 1-86.
122. *Landis E.B.* Geomancy in Korea // *Korean Repository* V, 1898. P. 41-46.
123. *Landis E.B.* Korean Geomancy // *China Review*, 1896. P. 9.
124. *Lautensach Hermann*. Korea: a geography based on the author's travels and literature / Transl. by *Eckart* and *Katherine Dege*. Berlin: Springer Verlag, XVII, 1988. – 598 pp.

125. *Ledyard G.* Cartography in Korea // Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies: The History of Cartography, Vol. 2, Book 2. ed. by Harley J.B., Woodward D. Chicago: Chicago Press, 1994. P. 235-344.
126. *Lee Jeong-Mi.* Choson Korea as Sojunghwa, the Small Central Civilization: Sadae kyorin Policy and Relations with Ming/Qing China and Tokugawa Japan in the Seventeenth Century // Tokyo: Asian cultural studies, 36, International Christian University, 2010. P. 305-318.
127. *Lee Sang-hoon, Yoon Taek-lim.* Cultural Landscapes of Korea. Paju: Jimoondang, 2005. – 125 pp. – (Academy of Korean Studies).
128. *Monmonier M.S.* Cartography in the Twentieth Century. The History of Cartography, Vol. 6. Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 1960 pp.
129. *Park Won.* Traditional Korean Thought. Seoul, Inha University Press, 2006. – 257 pp.
130. *Park Yǒng-sin.* Social Movements and Social Change at the End of the Yi Dynasty – A Sociological Approach // Korean Social Science Research Council, Korean National Commission for UNESCO, Social Science Journal, Vol. 6. Seoul, 1979. – P. 90-106.
131. *Short J.R.* Korea: A Cartographic History. Chicago: The University of Chicago Press, 2012. – 160 pp.
132. *Sohn Heejeong.* Pre-colonial Construction of “Landscape” or “Geo-body” of Korea: A Comparative Study on the American Protestant Mission and the Japanese Cartographic Project // The Association for Korean Studies in Europe. Prague, 2017. P. 112-133.
133. The Institutional Basis of Civil Governance in the Chosǒn Dynasty / Compiled and translated by *Duncan John B., Lee Jung Chul, Lee Jeong-il, Ahn Michael, Davey Jack A.* The Academy of Korean Studies, 2009. – 210 pp.
134. *Vermeersch S.* The relation between Geomancy and Buddhism in Koryǒ: pibo sasang reconsidered // History, Language and Culture in Korea. Proceedings of the 20th Conference of the Association of Korean Studies in Europe (AKSE). London: Saffron Books, 2001. P.180-196.

135. *Watson Burton*. The Vimalakirti Sutra. Columbia University Press, 1997. P. 186-198.
136. *Whiteman Stephen*. Kangxi's Auspicious Empire: Rhetorics of Geographic Integration in the Early Qing // *Dao Y-T* and *Kyong-McClain Jeff*. Chinese History in Geographical Perspective. Lexington, 2015. P. 33-35.
137. *Yang Bo-Kyung*. Perception of Nature in the Joseon period. Anthology of Korean Studies. Volume 5. Korean History: Discovery of Its Characteristics and Developments. Noh Tae Don et al, Korean National Commission for UNESCO. Hollym International Corp., 2004. P. 245-307.
138. *Yoon Hong-key*. T'aengniji: A Classical Cultural Geography of the Korean Settlement // Korea Journal, vol.16:8. Seoul, 1976. P. 4-16.
139. *Yoon Hong-key*. The culture of fengshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. New York: Lexington Books, 2006. – 333 pp.
140. *Yoon Inshil Choe*. Early-Period T'aengniji Manuscripts // Hawaii, University of Hawaii Press, Korean Studies, Vol. 37, 2013. – P. 225-249.
141. *Young Ick Lew*. Contributions by Western Scholars to Modern Historiography in Korea, with Emphasis on the RAS-KB // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch. Vol.80. Seoul, 2005. – P. 3-19.

Справочники

на русском языке

142. Китайско-русский словарь / Под ред. Ошанина И.М. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 398 с. Также: Приложения и указатели к китайско-русскому словарю / Сост. Кузес В.С., Ошанин И.М., под ред. Ошанина И.М. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 204 с. [на русском языке].
143. Китайская философия: Энциклопедический словарь / Гл.ред. Титаренко М.Л. М.: Мысль, 1994. – 573 с. [на русском языке].

144. Корея. Карманная энциклопедия / Сост. *Волков С.В., Симбирцева Т.М.* М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. – 512 с. [на русском языке].
145. Первые известия о Корее в России (1675-1884) / Сост. *Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Пак Б.Б.* М.: Первое марта, Т.7, 2010. – 357 с. [на русском языке].
146. Словарь китайской мифологии / Сост. *Кукарина М.А.* М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. – 218 с. [на русском языке].
147. Словарь географических названий Республики Корея. Справочное пособие / Сост. *Концевич Л.Р.*, ред. *Сон Чжихун, О Донгон*; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2018. 733 с., карты-схемы. [на русском языке]
148. Словарь народных географических терминов / Сост. *Мурзаев Э.М.*. М.: Мысль, 1984. – 653 с. [на русском языке].
149. Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с. [на русском языке].

на иностранных языках:

150. *Fang Chaoying. The Asami Library: A Descriptive Catalogue.* – ed. by *Huff Elizabeth.* – California, University of California Press, 1969. – 432 pp. [на английском языке].
151. Большой корейский национальный словарь (*Хангук минсок тэсаджон*). Минджок мунхваса, вып.2, 1991. – 1635 pp. [на корейском языке]. [*한국민속대사전. 민족문화사*. Vol.2, 1991. 1635 pp.]
152. Большой словарь корейской народной культуры (*Хангук минсок тэсаджон*). Сеул: Хангук саджон ёнгусо, 1998. – 1990 pp. [на корейском языке]. [*한국민속대사전. 서울: 한국사전연구소*, 1998. 1990 pp.]
153. Изучение корейской народной культуры *韓國民俗大觀* (*Хангук минсок тэгван*). Сеул: Корёдэхаккё минджок мунхва ёнгусо

- 高麗大學校民族文化研究所, Vol. 3, 1982. – 613 pp. [на корейском языке].
 [한국민속대관. 서울: 고려대학교 민족 문화 연구소, Vol. 3, 1982. 613 pp.]
154. Каталог коллекций Сеульского исторического музея и Музея университета Корё «Сеул. Небо-Земля-Человек» (*Соуль. Ханыль-тансарам*). Сеул: Самгванса, 2002. – 284 pp. [на корейском языке]. [서울. 하늘-땅-사람. 서울: 삼관사, 2002. 284 pp.]
155. *Ли Хонджик*. Новый словарь корейской истории (*Сэ гукса саджон*). Сеул: Кёхакса, 1990. – 1880 pp. [на корейском языке]. [이홍직. 새국사사전. 서울: 교학사, 1990. 1880 pp.]
156. *Ли Хонджик*. Новый словарь корейской истории (*Сэ гукса саджон*). Сеул: Кёхакса, 2001. – 669 pp. [на корейском языке]. [이홍직. 새국사사전. 서울: 교학사, 2001. 669 pp.]
157. *Ли Хонджик*. Новый словарь корейской истории (*Сэ гукса саджон*). Сеул: Кёхакса, 1989. – 1880 pp. [на корейском языке]. [이홍직. 새국사사전. 서울: 교학사, 1989. 1880 pp.]
158. Обзор корейской библиографии (*Чосон соджихак кэгван*). Пхеньян: Государственная центральная библиотека, 1955. – 139 pp. [на корейском языке]. [조선서지학개관. 평양: 국립중앙도서관, 1955. 139 pp.]
159. *Хан Джунсу*. Большой толковый географический словарь *解說地理大典* (*Хэсоль чири тэджон*). Сеул: Понмун буксы, 2014. – 688 pp. [на корейском языке]. [한중수. 해설지리대전. 서울: 법문북스, 2014. 688 pp.]
160. Энциклопедия корейской народной культуры *韓國民族文化大百科事典* (*Хангук минджок мунхва тэбэкква саджон*).

Сеул: Унджин чхульпхан, 23, 1991. – 968 pp. [на корейском языке].
 [한국민족문화대백과사전. 서울: 운진출판, 23, 1991. 968 pp.]

161. Энциклопедия Северной Кореи (*Чосон тэбэкква саджон*). Пхеньян: Пэкквасаджон чхульпханса, 22, 2001. – 521 pp. [на корейском языке].
 [조선대백과사전. 평양: 백과사전 출판사, 22, 2001. 521 pp.]

Интернет-ресурсы

162. «The Asami Collection» - Оцифрованная рукопись «Пхарёкчи» (два квона), хранящаяся в Asami Collection. [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/paryokchikwon008800> [на ханмуне]
163. «The McCormick Korean Collection». [Электронный ресурс] URL: <http://libraries.claremont.edu/sc/collections/mccormick.asp> [на английском языке]
164. «Записки о ритуале» 禮記 (*Ли цзи*). Глава «Поведение ученого» / Пер. Лисевича И.С. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnikit_fil/text12.phtml [на русском языке]
165. Charles Hunt. Supplement to Article on Yo-Ju [Yōju] in Vol. XXXI [Электронный ресурс] // Transactions of the RASKB, Vol.31, 1948-49. P. 79. [Электронный ресурс] URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> [на английском языке]
166. Gale James S. The Influence of China Upon Korea [Электронный ресурс] // Transactions of the RASKB, Vol.1, Part 1, 1900. P. 19-20. [Электронный ресурс] URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> [на английском языке]
167. Gale James S. Han-Yang (Seoul) // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch, Vol.2, Part 2, 1902. P. 1-43. [Электронный ресурс] URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> [на английском языке]

168. *Huesemann J. H.*. Рецензия на диссертацию *Felt D.J.. Patterns of the Earth: Writing Geography in Early Medieval China* [Электронный ресурс]. URL: <http://dissertationreviews.org/archives/13383> [на английском языке]
169. Rumsey David Map Collection [Электронный ресурс] URL: <http://www.davidrumsey.com/> [на английском языке]
170. *Син Бёнджу*. Как писали лица королей эпохи Чосон? – Йигве, имеющие отношение к придворным портретам оджин (*Чосон сидэ кугван ольгур-ыль оттоке кырёссылька?* – *Оджин кваллён ыйгведыль*) [Электронный ресурс] URL: http://kyu.snu.ac.kr/center/content/kingdead1_view.jsp?id=1809&type=37 [на корейском языке] [신병주. 조선시대국왕얼굴을 어떻게 그렸을까? – 어진 관련 의궤들]
171. *Yoon Inshil Choe*. The significance of geomancy in understanding T'aengniji // Proceedings of KSAA 2009. [Электронный ресурс] URL: http://sydney.edu.au/arts/korean/downloads/KSAA2009/Global_Korea_Proceedings_322-329_Yoon.pdf [на английском языке]
172. *Yoon Inshil Choe*. Сравнительное исследование «Описания избранных деревень» (*Тхэнниджи*) в комментариях Ли Ика (*Тхэнниджи (Сонхо бон) – ый пигё ёнгу-ва Ли Ик-ый кваллён кыль чэджомён*) [Электронный ресурс] URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358304171.pdf [на корейском языке] [최인실. 택리지 '성호본'의 비교 연구와 이익의 관련 글 재조명]
173. Истинные записи (правления) династии Чосон 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*) [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/> [на ханмуне и корейском языке] [조선왕조실록]
174. *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Силла / Пер. *Пак М.Н.* М.: Восточная литература, Т.1, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://drevlit.ru/docs/korea/Kim_Busik/Tom_I/text1.php [на русском языке]

175. *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Силла / Пер. *Пак М.Н.* Примечания к тексту. М.: Восточная литература, Т.1, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/Tom_I/primtext1.php [на русском языке]
176. Конфуций. Суждения и беседы. [Электронный ресурс] URL: <http://lunyu.ru/> [на русском языке]
177. Корейская онлайн-программа по установлению родственных связей [Электронный ресурс] URL: <http://www.lnis.kr/> [на корейском языке]
178. Корейская энциклопедия онлайн. [Электронный ресурс] URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/> [на корейском языке]
179. *Пак Ёнхан* 朴英漢. Geographical Thoughts of Yi Chung-hwan, Korean Human Geographer in the Eighteenth Century. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mysciencework.com/publication/show/6000425/geographical-thoughts-of-yi-chung-hwan-korean-human-geographer-in-the-eighteenth-century> [на английском языке]
180. Первые упражнения [для] детей 童蒙先習 (*Тонмон сонсын*). Учебник для наследных принцев позднего периода Чосон. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nongsimga.pe.kr/jaryo/gojeon/dongmonghe.htm> [на ханмуне и корейском языке] [동몽선습]
181. Сайт клана Ли из Ёджу. [Электронный ресурс] URL: <http://www.leemisung.kr/html/main.html> [на корейском языке]
182. Сайт Национального института японской литературы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nijl.ac.jp/> [на японском языке]
183. *Син Бёнджу*. Взгляд Ли Джунхвана на историю через «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*): описание людей и событий (*Тхэнниджи-рыль тхонхэ бон Ли Джунхван-ый ёксайнсик. Инмуль-гва сагон кирог-ыль чунсим-ыро*) // Тонгук сахак, Вып. 58. Сеул: Тонгук ёксамунхва ёнгусо, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://kyujanggak.snu.ac.kr/geo/data/dbinfo/140415121110_103_4.pdf [на

корейском языке] [신병주. 택리지를 통해 본 이중환의 역사인식. 인물과 사건 기록을 중심으로 // 동국 사학, 58. 서울: 동국 역사문화 연구소, 2015.]

184. Статья о «Павильоне восьми триграмм» в южнокорейской ежедневной газете «Чунан ильбо» [Электронный ресурс] URL: <http://article.joins.com/news/blognews/article.asp?listid=13372292> [на корейском языке] [최치원의 발자취가 담긴 임경대]
185. Статья о Кондо Масуки в электронном японском словаре. [Электронный ресурс] URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%BF%91%E8%97%A4%E7%9C%9F%E9%8B%A4-1076377> [на японском языке]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблицы:

1. Таблица 1. Иные заглавия «Описания избранных деревень» (список);
2. Таблица 2. Изученные нами рукописи: сравнение (таблица);
3. Таблица 3. Список существующих (на данный момент) публикаций «Описания избранных деревень»;

Иллюстрации:

1. Иллюстрации: «Описание избранных деревень» - внешний вид;
2. Иллюстрации: павильон «Восьми триграмм» (*Пхальгведжон*);
3. Иллюстрации: синоцентрическая «Карта Поднебесной» (*Чонхадо*);
4. Иллюстрации: карта Чон Санги «Большая географическая карта Восточного государства» (*Тонгук тэджидо*).

Перевод отдельных глав «Описания избранных деревень»

Таблица 1. Иные заглавия «Описания избранных деревень» (список)

По результатам проведенного автором диссертации сплошного исследования в Сеуле в библиотеке Международного Института корееведения Кюджангак Сеульского национального университета, библиотеках университетов Ёнсе, Корё и Женского университета Ихва в августе 2013 г., июле-августе 2014 г., июле 2016 г., были обнаружены следующие заглавия (указаны в алфавитном порядке):

- «Географическое описание государства» 域通志 (*Ёкхончи*);
- «Геомантический очерк» 形家要覽 (*Xёнка ёрам*);
- «Живописное обозрение земель Востока» 震維勝覽 (*Чиню сыннам*);
- «Записи о главных ценностях Восточного государства» 東國總貨錄 (*Тонгук чхонхварок*);
- «Записи о горах и реках Восточного государства» 東國山水錄 (*Тонгук сансурок*);
- «Историческое рассуждение о характере местности» 地勢來歷論 (*Чисе нэённон*);
- «Места восьми земель, подходящие для жизни [там]» 八域可居處 (*Пхарёк кагочхо*);
- «Места, подходящие для жизни [там] садэбу» 士大夫可居處 (*Садэбу кагочхо*);
- «Общее суждение о земле» 輿地通論 (*Ёджи тхоннон*);
- «Описание [земель] Восточного государства: подходящих для жизни, согласно рассуждениям о горах и реках» 東國山水論可居誌 (*Тонгук сансурон кагоджи*);
- «Описание восьми земель [страны], что к востоку от моря» 海東八域誌 (*Хэдон пхарёкчи*);

- «Описание восьми земель Восточного государства» 東國八域志 (*Tonguk pخارېكчи*);
- «Описание восьми земель, подходящих для жизни [там] садэбу» 士大夫八域可居誌 (*Sадэбу pخارېك кагоджи*);
- «Описание восьми земель, подходящих для жизни» 八域可居志 (*Pخارېك кагоджи*);
- «Описание восьми земель» 八域誌 (*Pخارېكчи*);
- «Описание избранных деревень» 擇里志 (*Tхэнниджи*);
- «Очерк восьми земель» 八域要覽 (*Pخارېк ёнам*);
- «Собрание ценностей» 總貨 (*Чхонхва*)
- «Трактат о выборе [гаданием] места для жилища [среди] восьми провинций [государства] Чосон» 朝鮮八道卜居論 (*Чосон pхальдо поккосоль*);
- «Трактат о выборе [гаданием] места для жилища» 卜居說 (*Поккосоль*);
- «Частное собрание записей о горах и реках Восточного государства» 東國山水錄別集 (*Tonguk сансурок пёльчин*).

Таблица 2. Сравнение некоторых рукописей «Описания избранных деревень»

	Расс ужд ение о чет ыре х типа х люд ей	Расс ужд ение о вось ми прова инц иях Чос она	Пхё нанд о	Хам гёнд о	Хва нхэд о	Ка нв он	Кё нса нд	Чо ла до	Чх ун он	Кё нг и	Рассу жден ия выбо ра	Геог раф ия	Ма тер ия	Че ло век	Гор ы и реки	Об щи е рас су жд ен ия	Комментарии Ли Джунхвана, иных авторов
«Стандартизированная» версия	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Отсутствуют
Тхэнниджи. Рукопись. —蒙古 915.1-Y58t. v.1-2 Библиотека международного института корееведения Кюджангак	6-7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	1 / 17	2 / 18	3 / 19	4 / 20	5		Комментарий Ли Джунхвана +
Живописное обозрение	1 /	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	15	16		Введение +

<p>земель Востока 震維勝覽 (Чиню сыннам). Рукопись. 고 4790-38. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.</p>	17	<p>Комментарий Ли Джунхвана + (предшествует тексту)</p> <p>Комментарии современников +</p> <p>14) – глава «Торговля и логистика» 買遷 (Мэчхон)</p>
<p>Живописное обозрение земель Востока 震維勝覽 (Чиню сыннам). Рукопись. 想白古 915.1.J563. Библиотека международного института корееведения Кюджангак.</p>	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16	<p>Отсутствуют, внутреннего деления нет</p>

Тхэнниджи. Рукопись 古書 III 4297. Библиотека университета Ёнсе	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Отсутствуют
Тхэнниджи // Незначительное собрание Дальнего Востока 大東稗林 (<i>Тэдон</i> <i>Пхэрим</i>), vol.28. Рукопись. 951-508. Библиотека университета Ёнсе			6	7	8	9	1	2	3			4	5				Отсутствуют
Описание восьми земель Восточного государства 東國八域志 (Тонгук пхарёкчи) 古書 III 4294. Библиотека университета Ёнсе		9	2	3	4	5	6	7	8	1							Отсутствуют

Трактат о выборе [гаданием] места для жилища [среди] восьми провинций [государства] Чосон 朝鮮八道卜居論 (Чосон пхальдо поккосоль). Рукопись 4299. Библиотека университета Ёнсе		5	6	7	8	9	10	11	12	13	1	2	3	4			Отсутствуют
Записи о горах и реках Восточного государства 東國山水錄 (Тонгук сансурок). Рукопись 想白吉 915.1.D.717. Библиотека международного института корееведения Кюджангак		5	6	7	8	9	10	11	12	13	1	2	3	4			Отсутствуют

Таблица 3. Публикации текста (отредактированного или переведенного) «Описания избранных деревень» в XX-XXI вв⁵²².

	Год	Автор	Название	Комментарий
*	1751	Ли Джунхван	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Оригинал на ханмуне</i>
1	1912	Чхве Намсон	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. Чхве Намсон. Сеул: Чосон Кванмунхо, 1912.
2	1969	Но Доян	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>) Пер. Но Доян. Хангук чаю кёян чхуджинхве, 1969.
3	1971	Ли Иксон	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>) Пер. Ли Иксон. Сеул: Йрюмунхваса, 1971.
2 ¹	1972	Но Доян	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. Но Доян. Хангук чаю кёюкхёпхве, 1972.
4	1975	Ли Ёнхэк	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. Ли Ёнхэк. Самджундан, 1975.
5	1977	Чон Ёнхак ⁵²³	?	?
2 ²	1977	Но Доян	Описание	<i>Ли Джунхван.</i>

⁵²² В таблице не учтены публикации «Описания...» в японских издательствах. Статистика собрана по данным книжных сайтов Республики Корея.

⁵²³ Указание на существование мы нашли в докладе Инсиль Юн (*Yoon, Inshil Choe. “The significance of geomancy in understanding T'aengniji”, Global Korea: Old and New, Proceedings of the Sixth Biennial Conference of the Korean Studies Association of Australasia, The University of Sydney, 9-10 July 2009, 322-329. С. 322*). На данный момент это единственное упоминание. Название и издательство неизвестны.

			избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. Но Доян. Мёнджи тэхаккё чхульпханбу, 1977.
6	1985	Ли Чхан	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Тарагвон, 1985.
-	1993	Ли Иксон	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	Переиздание 1971 <i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. <i>Ли Иксон</i> . Сеул: Ырюмунхваса, 1993.
7	1994	Чха Чханён	О местах в нашей стране, где можно жить: Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>) <i>Ури ттан одисо сальгона:</i> <i>Тхэнниджи</i>	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. <i>Чха Чханён</i> . Сыльгисэм, 1994.
8	1996	Хо Гёнджин	Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>)	<i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных деревень (<i>Тхэнниджи</i>). Пер. <i>Хо Гёнджин</i> . Сеул: Ханянчхульпхан, 1996.
*	1998	Юн Инсиль (Чхве)	Yi Chung-hwan's T'aengniji. The Korean Classic for Choosing Settlements	Частичный перевод «Описания избранных деревень» (<i>Тхэнниджи</i>) на английский язык <i>Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements</i> . Wild Peony Pty Ltd., 1998.
-	2002	Ли Иксон	Описание избранных деревень	Переиздание 1971 <i>Ли Джунхван.</i> Описание избранных

			(Тхэнниджи)	деревень (Тхэнниджи). Пер. Ли Иксон. Сеул: Ырюмунхваса, 2002.
9	2005	Ли Минсу	Параллельный перевод «Описания избранных деревень» (Тхэнниджи) с китайского языка на корейский (Кукханмундэёк Тхэнниджи)	Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи). Пер. Ли Минсу. Сеул: Пхёнхвачхульпханса, 2005.
-	2006	Ли Иксон	Описание избранных деревень (Тхэнниджи)	Переиздание 1971 Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи). Пер. Ли Иксон. Сеул: Ырюмунхваса, 2006.
10	2006	Ким Хынсик	Описание избранных деревень (Тхэнниджи) для молодежи (Чхонсонёныль вихан Тхэнниджи)	Адаптированный перевод Тхэнниджи с толкованиями устаревших слов Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи). Пер. Ким Хынсик. Сеул: Сохэмунджип, 2006.
7 ¹	2007	Хо Гёнджин	Описание избранных деревень (Тхэнниджи)	Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи). Пер. Хо Гёнджин. Сеул: Сохэмунджип, 2007.
11	2012	Пак Сегён	«Описание избранных деревень» (Тхэнниджи): живописное повествование о нашей земле (Тхэнниджи: ури ттран-е камдончогин	Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи). Адаптация: Пак Сегён. Сеул, Пхаран кэллэсик, 2012.

			<i>погосо)</i>	
--	--	--	----------------	--

Пояснение к первому столбцу:

- «Звездочкой» отмечены книги не на современном корейском языке.
- «Прочерк» означает переиздание существующего перевода, опубликованного в том же издательстве.
- Степень возле числа обозначает, что данный автор уже публиковал перевод «Тхэнниджи», но в другом издательстве.

Иллюстрации:

1. Внешний вид «Описания избранных деревень» (Тхэнниджи)

А) Рукопись;

На изображении снизу: слева – обложка; справа – оригинальный текст.

Расположен сверху вниз, справа налево. Число столбцов и знаков в столбце в разных рукописях варьируется. Качество бумаги (в большинстве обнаруженных нами рукописей): тонкая, серая, низкого качества. Обложка выполнена из старой бумаги, прежде использовавшейся для другой книги; прошита по правому краю. На страницах некоторых рукописей есть пометки⁵²⁴.

В библиотеке Международного Института корееведения Кюджангак рукописи оцифрованы, непосредственно ознакомиться с некоторыми из них невозможно, т.к. бумага постарела от времени и хранилась прежде в ненадлежащих условиях (в сырости, под солнечными лучами и пр.).

⁵²⁴ Подробное описание некоторых рукописей см. Чеснокова Н.А. «Тхэнниджи»: в поисках рукописей (описание работы с манускриптами в библиотеке университета Ёнсе) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедения» (3). М., 2015. С.118-125.

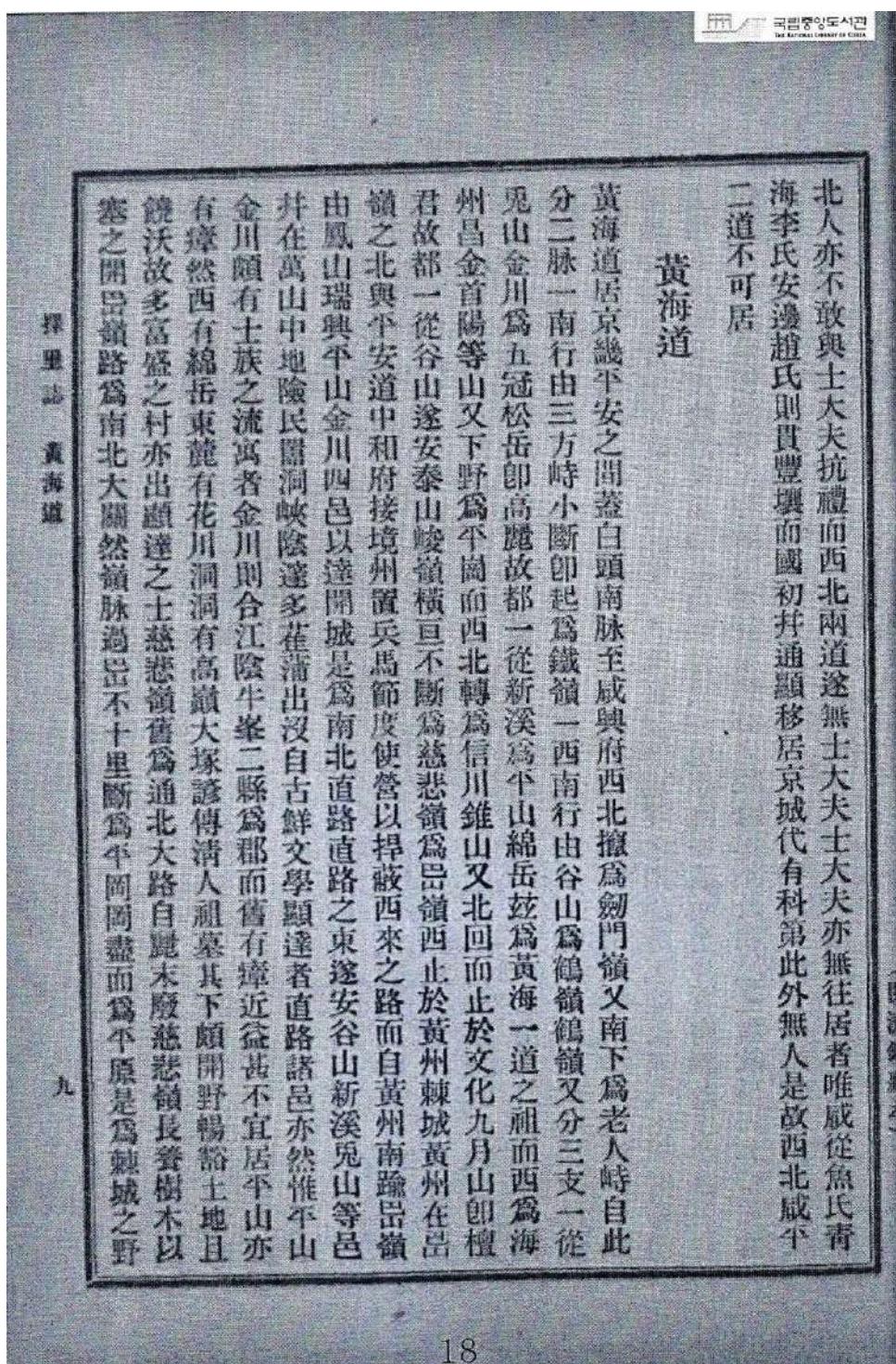
А1) Рукопись «Живописное обозрение земель Востока» 震維勝覽 (Чиню сыннам).

Рукопись. № 4790-38. Библиотека международного института корееведения Кюджангкак.

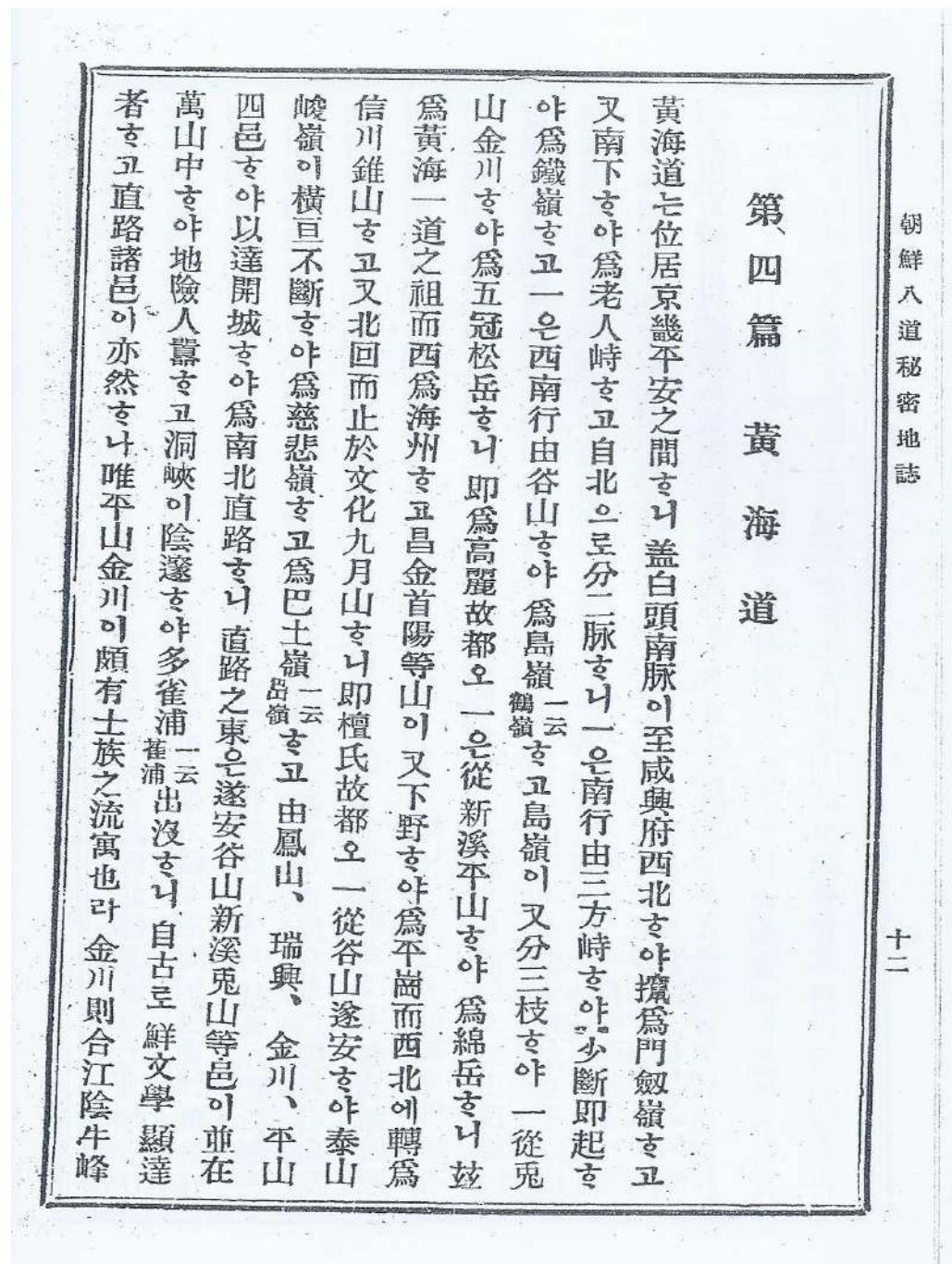
Анализ содержания доказывает полное совпадение с текстом «Описания избранных деревень» (Тхэнниджи), с минимальными различиями при перписывании текста копиистом. Здесь и далее представлено начало описания провинции «Хванхэдо» в списках.

Б) Внешний вид первой публикации «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*). Издано «Обществом блестящей литературы Кореи» 朝鮮光文會 (*Чосон Кванмунхве*) в 1912 г. Редактор - Чхве Намсон 崔南善 (1890-1957).

В) Внешний вид текста «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*) в книге «Секретные географические описания восьми провинций [государства] Чосон» 朝鮮八道秘密地誌 (*Чосон пхальдо пимиль чиджи*) (1978 г.; переизд. 1923-1924 гг.) Издатель – «Общество по продвижению (распространению) культуры» 成進文化社 (*Сонджин мунхваса*).

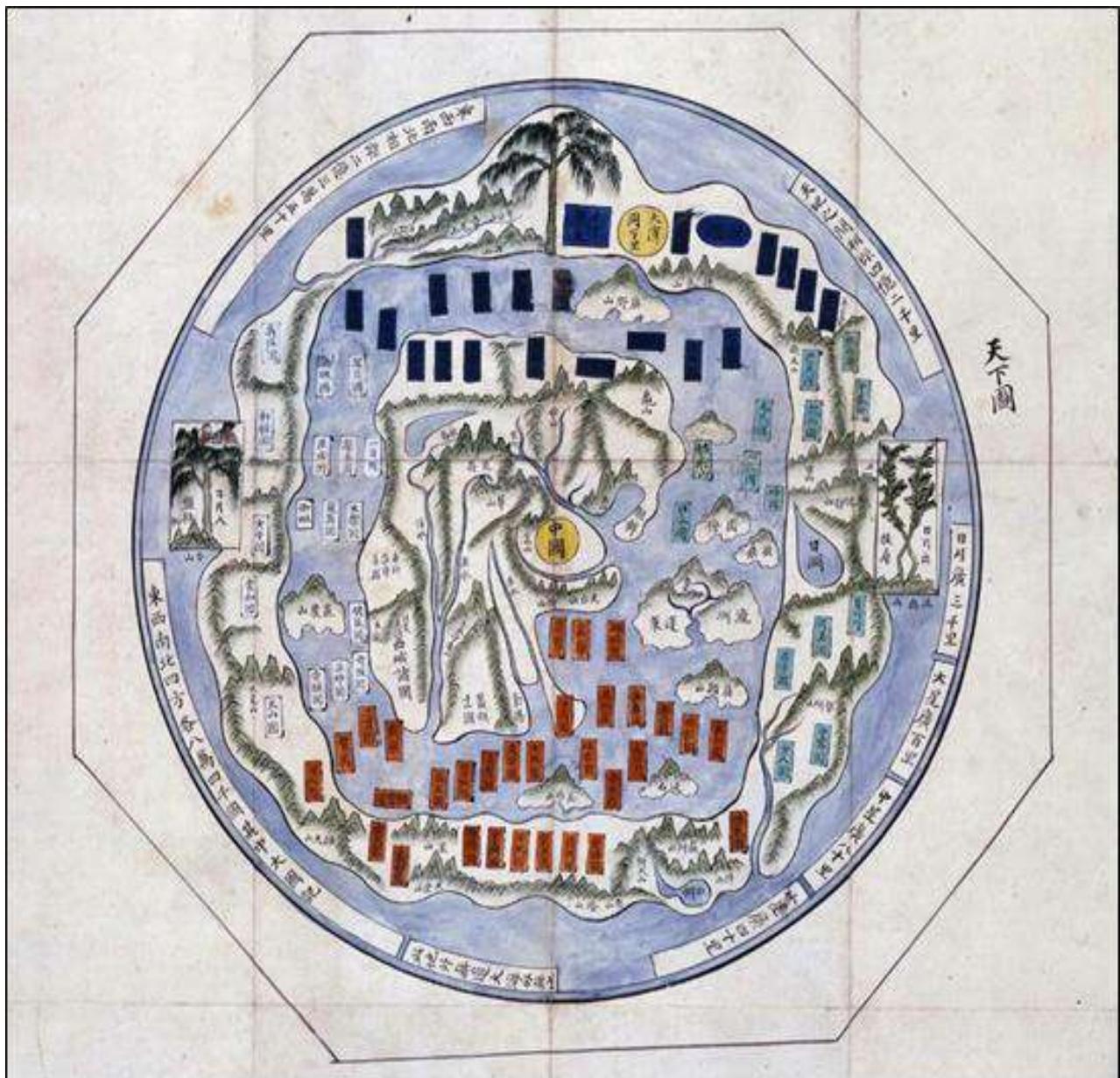

2. Павильон Пхальгведжон (Павильон «Восьми триграмм»)

Фотографии сделаны диссидентом, Н.А. Чесноковой, в июле 2018 г. при посещении павильона Пхальгведжон в г.Кунсан (Республика Корея)

3. Синоцентрическая «Карта Поднебесной» 天下圖 (Чхонхадо, XVII-XVIII вв.)

3. Чон Санги. «Большая географическая карта Восточного государства» 東國大地圖
(*Тонгук тэджидо*), XVIII в.

Жирной черной линией размечен *Пэкту тэган*, что доказывает распространение среди интеллектуалов Чосона идеи о едином горном хребте, связывающем все корейские провинции.

ПЕРЕВОД ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАВ

«ОПИСАНИЯ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ»

«РАССУЖДЕНИЕ О ЧЕТЫРЕХ ТИПАХ ЛЮДЕЙ»

В древние времена не было *шидафу* 士大夫; все простолюдины. Простолюдин – четыре [типа]. Ученые мужи, имевшие добродетель 賢 и нравственность 德, служили государю. Те, кто не служил, могли стать крестьянами, либо ремесленниками, либо торговцами. В давние времена Шунь 舜 пахал на горе Лишань 歷山, гончарничал на реке, рыбачил на Лэй 雷. Землепашество – крестьянам; гончарство – ремесленникам; рыболовство – торговцам. Таким образом, те, кто не служили государю, – крестьяне, ремесленники и торговцы. Шунь тысячи лет для людей пример. Управление достигло совершенства, ты и я, все население, копали колодцы, распахивали поля и жили в радости, довольные уделом. Как удивительно наличие рангов и титулов! С сотворения мира прошло много [времени]. Ритуалы усложняются, титулы различаются. Различаются титулы, и умножаются ранги. Система титулов 度數 и правила поведения 儀章 для совершенномудрых умножились! Во время трех [первых китайских] династий 三代 много [удельных князей] чжухоу 諸侯. Они – наследственные министры *цин* 世卿, наследственные чиновники *дафу* [букв. «великие мужи»] 世大夫. Все, кто не служил, не был богатен и знатен, не управлял [страной] при помощи ритуалов, управляли домом по примеру совершенномудрых, придерживаясь древних заповедей. Если изо всех сил стремились к нравственному совершенству и не причиняли зла, то даровался [статус] *цин* и *дафу* 卿大夫. Равны: то, что знали хорошо – [стихи из] «Ши[цзин]» 詩經 и] «Шу[цзин]» 書經]; то, чем занимались, – гуманностью 仁, справедливостью 義, церемониалом 禮 и музыкой 樂. Тогда появились [те, кого] назвали *шидафу*. У высших чиновников *шидафу* появилась титулы, но с обидными различиями. Так крестьяне, ремесленники и торговцы низкие, а титул *шидафу* уважаем.

Закончилось правление Цинь 秦朝, когда, помимо императора, все, кто следовал конфуцианским идеалам, считались *шидафу*. Неважно, служили они, не служили, были низкого сословия. Все это привело к увеличению *шидафу*. Подобное - не древних времен порядок. Говорят, во время Яо 尧 и Шуня были *шидафу*. Они правили, не принижая крестьян, ремесленников и торговцев. Позднее отчего-то все изменилось. Ими овладели пороки, и *шидафу* стали презирать крестьян, ремесленников и торговцев. Те, кто стояли у истоков, не знали, что крестьяне, ремесленники и торговцы станут завидовать статусу *шидафу*. Разве только *шидафу* могут следовать правилам совершенномудрых? Разве не могут также крестьяне, ремесленники и торговцы? Уж не разные ли это люди, в самом деле? Даже если так, позднее моральный облик перестал соответствовать совершенномудрому. «Дарованные дыханием Неба и Земли» способности 氣稟, добродетели и образованность 術業 перестали [соответствовать]. Так, хотя *шидафу* могли заниматься сельским хозяйством, ремеслом или торговлей, те, кто занимался сельским хозяйством, ремеслом или торговлей, не могли заниматься делами *шидафу*. Так, поскольку подняться до их уровня простолюдин никак не мог, статус *шидафу* стал очень высок и продолжал повышаться естественным образом. Одни *шидафу* странствовали, беседуя [с людьми]; либо справедливо занимались государственными делами; либо удалялись от дел и справедливо противостояли правителю «десети тысяч всадников»; либо присоединялись к пахарям, пастухам, земледельцам, гончарам, торговцам, угольщикам, лекарям. Не было того, что они не знали. *Шидафу* занимались уважаемыми и презреными делами, занимали высокие и низкие посты, следовали за своими желаниями. Кто мог бы осмелиться запретить им это? Так по всей стране положение *шидафу* стало считаться очень привлекательным. Образ *шидафу* не терял своего значения, так как *шидафу* сохраняли порядок, установленный совершенномудрыми. Не зная порядок, *шидафу* не может вести себя согласно ритуалу, не может быть ни чиновником, ни крестьянином, ни ремесленником, ни торговцем. Но можно ли, как в древние времена, следовать ритуалу без благосостояния 富, не имея

должности? Не имея ни богатства, ни должности, все равно необходимо проводить «четыре ритуала» 四禮⁵²⁵, служить старшим [родителям] и помогать младшим [жене и детям], «поддерживать добрососедские отношения»持門戶之計. Поэтому *шидафу* следует заботиться о том, где они живут. Время бывает подходящее и неподходящее. Земля - хорошая или плохая. Люди - добрые или злые; различия в поведении. Всякое разное бывает.

⁵²⁵«Четыре ритуала» 四禮 *саре* - 冠婚喪祭 – ритуалы *кванхонсандже*, соответствующие «церемонии надевания шапки» (совершеннолетию), свадьбе, похоронами и проведению ритуалов поминания предков (*чеса* 祭祀).

«РАССУЖДЕНИЕ О ВОСЬМИ ПРОВИНЦИЯХ»

Один из отрогов гор Кунылунь простирается к востоку, к горе Иулуйшань 醫巫閭山, проходя по южной части пустыни Гоби, доходя до района Ляодун 療東. Если пересечь Ляодун и вновь подняться на гору, то это окажется Пэктусан 白頭山. Та самая гора, которая в «Каталоге гор и морей» [Шань хай цзин] 山海經 называется Бусян [кор. Пульхамсан] 不咸山. Жизненные силы 精氣 горы протягиваются к северу на тысячу ли, где оказываются заперты между двух рек. К югу же по их движению – пагода Ёнготхап 寧固塔. С другой стороны – основные корейские горные гряды 朝鮮山脈. Наша страна разделена на восемь провинций. Провинция Пхёнандо 平安道 соседствует с городом Шэньян 濬陽, провинция Хамгёндо 咸鏡道 – с чжурчжэнами, провинция Канвондо 江原道 граничит с провинцией Хамгёндо. Провинция Хванхэдо 黃海道 находится рядом с провинцией Пхёнандо. Провинция Кёнгидо 京畿道 расположена южнее провинций Канвондо и Хванхэдо. Южнее провинции Кёнгидо – провинции Чхунчхондо 忠淸道 и Чолладо 全羅道, а восточнее Чолладо – провинция Кёнсандо 慶尙道. В старые времена на территории провинции Кёнсандо были племенные союзы Пёнхан 卞韓 и Чинхан 辰韓. На месте провинций Кёнгидо, Чхунчхондо и Чолладо прежде были племенной союз Махан 馬韓 и государство Пэкче 百濟. На территории сегодняшних провинций Хамгёндо, Пхёнандо, Хванхэдо прежде располагались Древний Чосон 古朝鮮 и Когурё 高句麗. На месте провинции Канвондо раньше проживали йемэк [вэймо] 瘢貊. О расцвете и упадке некоторых государств нет подробных сведений. Известно, что в конце правления династии Тан 唐 Тхэджо Ван Гон 王太 объединил три Хан 三韓 [государства Силла 新羅, Когурё 高句麗 и Пэкче 百濟] и основал Корё 高麗. Наша страна – наследник Корё. С востока, юга и запада наша страна окружена морями. С севера же граничит с чжурчжэнами и Ляодунской областью, городом Шэньян 濬陽. Гор много, а равнин – мало. Поэтому люди характером мягкие и

работающие, но узкомыслящие. Протяженностью наша страна в три тысячи ли, а в ширину с востока на запад, от моря до моря, – не более одной тысячи ли. Если с южной стороны пересечь море, то там будут китайская провинция Чжэцзян 浙江省, уезды У 吳縣 и Гуйцзи 會稽縣. Первое поселение на севере провинции Пхёнандо после государственной границы – это Байджу 義州, и его местоположение почти такое же, как у китайского Цинчжоу 清州. Расположена наша страна между Китаем и Японией. В древние времена, когда правил Яо, в провинции Пхёнандо в каменной пещере, что под сандаловым деревом на горе Мёхянсан 妙香山, родился сверхчеловек [божество] 神人. Назвали его Тангуном 檀君. Сразу же стал он править восточными племенами *куи* 九夷. Записей о долгих годах его правления не сохранилось. Позднее правителем стал Киджа 箕子. Столицей Чосона он сделал Пхёнъян [Пхеньян] 平壤. Так было до тех пор, пока к власти не пришел его внук Киджун 箕準. Во время Цинь 秦 правителем стал пришедший из Янь 燕 Виман 衛滿, [изгнавший Киджуна]. Он [Киджун] пересек море и в горах Иксан 益山 провинции Чолладо основал поселение. Оно стало называться Махан. В летописях не сохранилось подробных описаний [правления] Ки[джуна]. Известно, что вместе с Чинхан и Пёнхан Махан вошло в союз Самхан [«Три Хань»] 三韓. Во время Сюань-ди 漢宣帝 劉詢 Хёккосе 赫居世 подчинил находящуюся в упадке Кёнсандо. Он объединил все территории Чинхан и Пёнхан, и назвал новое государство Силла 新羅, столица - Кёнджу 慶州. Представители трех кланов – Пак 朴, Сок 曺 и Ким 金 – последовательно сменяли друг друга, становясь по очереди ванами. Во время императора У-ди 武帝 Виман скончался. Китайский народ стал переселяться, бросая земли. Чумон 朱蒙 из племени мохэ 鞑靼 занял Пхёнъян и назвал новое государство Когурё. Чумон умер. Его второй сын Онджо 瑏祚 вновь поделил земли южнее реки Ханьшуй 漢水, занял территории ослабевшего Махан и назвал новое государство Пэкче. Столицей стал город Пуё 扶餘. Во время правления Гао-цзуна 高宗 [628-683] оба государства – и

Когурё, и Пэкче – оказались в упадке. Тан отзывало свои войска из обоих государств, и они оба оказались заняты [Силла]. В конце Силла 新羅 Кунъе 弓裔 [пр. 857-918] и Кёнхвон 甄萱 [867-936] вновь поделили эти земли. Однако позднее территории вошли в состав Корё 高麗. Вот общее описание истории нашей страны. До основания государства Объединённое Силла между тремя государствами продолжались войны. Поэтому в летописях сохранилось мало информации. Подробно говорить можно только о периоде после основания Корё. Во времена Корё не было известно *садэбу* 士大夫. Много тех, кто по рождению состоял как *сори* 脊吏 [мелкие чиновники] и становился *кёнсан* 卿相 [высшие чиновники]. [Если кто-то стал] *кёнсан*, то его дети и внуки становились *садэбу*. Все получали дом в столице Кёнсон 京城. Столица сразу стала местом скопления *садэбу*. Редко люди с окраин были [чиновниками]. Парой экзаменов [кваго] отбирали достойных людей. Люди с окраин мало-помалу стали получать должности. С северо-запада больше военных 武臣, с юго-востока больше литераторов 文士. К периоду Ли литературный стиль 文風 вырос, [были те], кто сдавал экзамен в Китае 中原. Это результат контактов с Юань 元. В наши дни еще много потомков тех корёских чиновников *кёнсан*. Таким образом, можно считать, что история потомственного чиновничества *садэбу* началась в период Корё.

«ПРОВИНЦИЯ ПХЁНАНДО»

Провинция Пхёнандо, что расположена к югу от реки Амноккан и к северу от реки Тэдонган 大同江 [также известна как река Пэйшуй 濘水], - земли, пожалованные Киджа 箕子. В древние времена границы Пхёнандо простирались за реку Амноккан вплоть до хребта Чхонсоннён. В истории династии Тан 唐 говорится, что Пхёнандо расположена между крепостями Ансисон 安市城 и Пэгамсон 白巖城. В начале Корё 高麗 [935-1392] из-за киданей 契丹 граница сдвинулась к реке Амноккан. Управление осуществлялось из Пхёньяна 平壤, что в верховье реки Тэдонган. Киджа сделал город столицей. Из-за того, что [в Пхёнандо] в древности правил Киджа, среди всех восточных племен там раньше всех появились образцы поведения. Клан Ки 箕 [Чосон Киджа] правил 1000 лет, а вслед за ним Клан Ви 衛 [Чосон Виман] и клан Ко 高 [Когурё] вместе правили 800 лет. Вплоть до настоящего дня Пхёньян уже на протяжении 1000 лет – важный торговый город. До сих пор существует система колодезных полей 井田, которым научил Киджа. Также сохранилась его могила. Внук Киджа Сону 鮑于 выстроил рядом с могилой Киджа павильон Сунинджон 崇仁殿. Там поколение за поколением проводят обряды жертвоприношения чеса 祭祀. Также происходит в Китае, в городе Цюйфу, где [похоронен] Конфуций 孔子. К тому же горы и реки там красивы, и очень много следов, сохранившихся с периода правления Чумона. Однако рассказывают [люди] небылицы, верить им нельзя. В верховье реки Тэдонган есть крепость, на берегу – павильон Ёнгванджон 練光亭. Невозможно описать чарующие красоты окружающей природы земель за рекой Тэдонган – высокие горы, с которых видны обширные поля и густые леса. Корейский поэт Ким Хванвон 金黃元 как-то целый день размышлял в павильоне Ёнгванджон и написал:

*Со стороны Великой китайской стены реки полноводны,
восточнее просторных полей тут и там – вершины гор.*

Пересохло [в горле], но не остановился, продолжил и горько зарыдал. Стихи смешные, не самые лучшие. В правление династии Мин в качестве посланника приезжал Чжу Чжифань 朱之蕃 [1546-1624]. В Ёнгванджоне он возликовал и на скорую руку написал: «Реки и горы Поднебесной наипрекраснейшие» 天下第一江山 и прикрепил дощечку. В год чон-чхук [1637] возвращалась армия империи Цин. Увидели это: «В Китае есть Цзиньлин 金陵 и Чжэцзян 浙江. Что может быть лучше?». Разломали, но пожалели красивую каллиграфию: «Если убрать два знака “Поднебесная” 天下, то соответствует [действительности]».

К северу от павильона обрыв Чхоннубёк 清流壁. Там, где обрыв заканчивается, павильон Пубённу 浮碧樓. Напротив, у городской стены, – храм Ёнмёнса 永明寺. Во времена Мёнджона 明宗 конфуцианский студент 儒生 Хо Бон Хагок 虛封荷谷 пировал с друзьями в Пубённу. Он также пригласил приемного сына губернатора. Их развлекали кисэн и музыканты. Жена губернатора разозлилась, узнав о неподобающем поведении приемного сына. Она потребовала схватить всех кисэн и арестовать. Хагок поспешил домой и сочинил стихи «Весенний пир в павильоне Пубённу» 春遊浮碧樓歌. Он высмеял губернатора. Стихи вскоре стали популярными, и губернатор потерял должность.

Хотя земли плодородны, на них растет только хлопок. Люди занимаются только богарным земледелием на холмах, берегах рек и в долинах. Ниже по течению в середине реки есть остров Пёкчидо 碧只島. Вода высыхает, образуется земля. Люди выращивают рис, собирают с одного мё 面 один чон 種. Река начинается с горы Пэкту и течет три сотни ли к юго-западу к уезду Ёнвон 寧遠郡, [где] расширяется. У [границы с] уездом Кандон 江東縣 [в реку] вливаются потоки с Яндок 陽德 и Мэнсан 孟山. [Они образуют] реку Тэдонган 大同江 напротив павильона Пубённу. На южном берегу лес на десять ли. Губернатор запрещает рубить лес и разводить овец. Лес растет со времен Киджа. Весной и летом за листвой не увидеть солнца.

В востоку от Пхёньяна Сокчхон 成川. Было государство Соян 松讓王國. Оно было присоединено к Когурё Чумоном. Управлялся из города на берегу реки. Во время Имджинской войны 壬辰倭亂 Кванхэгун посетил Чонмё и Саджик, забрал таблички предков и бежал сюда. Когда он взошел на престол, приказал главе [города] Пак Ёпу 朴燁 отремонтировать павильон Кансоллу 降仙樓, что рядом с гостевым домом 客館. Павильон в 300 кан. Архитектура его великолепна. Лучший павильон во всей стране. Перед ним двенадцать вершин горы Хольголь 紂骨山. Но цвет гор некрасив, воды мутны, равнины узки и резко обрываются. Это место не так красиво, как Пхёньян.

Кванхэгун был восхищен умениями Пак Ёпа и назначил его главой [Сончхона]. [В это время] маньчжуры были агрессивны, и на западных границах происходили стычки. Кванхэгун доверял Пак Ёпу, который был мудр и талантлив. [Пак Ёп] прослужил десять лет [в качестве губернатора]. Потратил много денег на шпионаж.

Однажды, когда [Пак Ёп] прибыл в крепость Кусон 龜城 после обезода провинции, солдаты Цин внезапно осадили [крепость]. Среди ночи китаец перелез через стену, проник в комнату Пак Ёпа и прошептал ему на ухо. На следующий день [Пак Ёп] приказал подать вино и мясо солдатам Цин. Солдаты разделили мясо поровну, всем хватило. Генерал Цин удивился и подумал, что Пак Ёп обладает божественными способностями. Он договорился с Пак Ёпом, снял осаду и вернулся [домой].

В год *ке-хэ* 癸亥 слуга Пак Ёпа сказал [ему по] секрету: «Дворец скоро будет уничтожен. Вы один из преданных слуг короля. Вы будете казнены. Вам лучше договориться с Цин. Если что-то случится во дворце, вы сможете бежать. Иначе вас казнят».

Пак Ёп сказал: «Я гражданский чиновник 文官. Как я могу предать?». Он не послушал слугу. Тот бежал. Вскоре к власти пришел Инджо 仁祖 и велел убить Пак Ёпа.

В сотне ли к западу от Пхёньяна – Анджу 安州, [стоящий на берегу] реки Чхончхонган 清川江. [Там] расположены павильон Пэксанну 百祥樓 и храм Чхильбульса 七佛寺 [Храм семи Будд]. Во время Когурё [37 г. до н.э. – 668 г.] к реке приблизились солдаты Суй [581-618]. Они увидели семь монахов, переходящих реку. Вода не достигала их колен. Солдаты Суй последовали за ними. Многие утонули. Оставшиеся преследовали монахов, но и их никто не видел. Услышав об этом, местные жители возвели храм и совершили жертвоприношение.

К северо-востоку от Анджу – Ёнбён 寧邊, стоящий на склоне горы. [Построен] в соответствии с горным ландшафтом, поэтому его называют «Крепость Железный Кувшин» [鐵瓮城, Чхольонсон]. Во всей провинции Пхёнандо только это место защищено от любой атаки. К северу перевал Комсаллён 劍山嶺, [где] сохранились руины когурёской крепости Хвандосон 丸都城. Если пройти к северу через два перевала, Канге 江界. Отсюда до горы Пэктусан пятьсот ли.

Рядом «Четыре разрушенных округа» *Пхесагун* 廢四郡 [относящиеся к периоду Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.)]. Ван Седжон 世宗 [1397-1450, пр. 1418-1450] присоединил эти земли к Канге, жители округов покинули [их]. С тех пор только высокие деревья будто касаются неба, повсеместно растет дикий женшень. Каждой весной и осенью людям дозволено посещать эти места и собирать его. Женшень посылают в управу в качестве налога. Поэтому Канге известен своим женшенем.

К западу – Вивон 渭原. Там могилы предков [генерала] Мин Ли Ченляна 李成樑. Отец Ли Ченляна был из Вивона. Убил кого-то, бежал из Гуаннин 廣寧, и его сын был рожден [в Вивоне]. Поэтому его [Ли Ченляна] сын Ли Жусун [кор. Ли Ёсон, 李如松] всегда говорил: «По рождению я кореец».

К западу от Вивона шесть поселений. Первый у границы – Йайджу 義州. Дорогой он соединен с Шэньяном. Город обращен к реке Амноккан. Помимо реки,

[здесь] текут два потока с варварских 胡 земель. Текут на северо-запад, объединяются, затем становятся тремя реками. Но каждый год в сезон дождей эти реки становятся одной. Посреди [этой] реки остров Вихвадо 威化島. В конце Корё [935-1392] [генерал] Чхве Ён 崔瑩 [1316-1388] рекомендовал вану У [1365-1389, пр.1374-1388] атаковать Ляо. Вместе с королем Чхве Ён прибыл в Пхёньян. Приказал нашему «Великому предку» 太祖大王 [Ли Сонге Тхэджо, 1335-1408, пр.1392-1398] и 60000 солдат отправиться на этот остров. Середина лета. Посовещавшись со своими солдатами, «Великий предок» трижды направлял докладную записку 疏 об отступлении, но [Чхве] Ён отказал. «Великий предок» обсудил со [своими] генералами [возможность] отступления и убийства [Чхве] Ёна. Армия согласилась. [Чхве] Ён узнал [об этом] и вместе с У-ваном бежал. «Великий предок» достиг дворца, захватил [его], казнил [Чхве] Ёна, низложил короля и его сына, помог взойти на трон Конъян-вану 恭讓王 [1345-1394, пр. 1389-1392].

Южная часть реки Чхончхонган 清川江 называется Чхоннам 清南. В ширину с востока на запад она узка. Северная называется Чхонбук 清北. На восток простираются долины. Так как восток провинции близ горных гряд, там много гор и мало долин. Из-за недостатка подходящих для ирригации потоков и прудов мало рисовых полей. Все поля используются для богарного земледелия. Во времена Киджа и Когурё населения было слишком много, поэтому горы [тоже] распахивали. Из-за Цин население сократилось, земли оказались в запустении. Ранее, после объединения земель кланом Ван [Корё], многие мигрировали к югу. В наше время земли обширны, но малообитаемы, и горы редко распахивают.

К западу в городах у моря строят дамбы. Здесь немного рисовых полей. Поэтому рис всегда дороже, чем в южных провинциях. Люди сажают шелковицу и коноплю и плетут ткани. Очень ценные рыба и соль. Хотя море близко, соли производят недостаточно. Недостаточно бамбука, персиков, бумажной шелковицы и рами.

Чхонбук еще более горный и холодный. Близок к границе. Нет цветов и фруктов, мало производства. Многие живут в бедности. Из всех городов только в Пхёньяне и Анджу продаются товары из «Срединного государства». Всякий раз торговцы следуют за посольствами из «Срединного государства» и получают выгоду. Поэтому [среди них] много богачей.

В Чхоннаме уважают обычай и письменность. В Чхонбуке обычай глупы, [а] уважают боевые искусства. Только в Чхонджу рождаются те, [кто] сдает экзамены на чин.

«ПРОВИНЦИЯ ХАМГЁНДО»

К востоку от Пхёнандо большая грязь спускается с Пэктусана к югу, будто подпирает небо. Спускается, формирует горный перевал. К востоку от него – провинция Хамгёндо. Прежние земли *окчо* 沃沮. К югу – перевал Чхоллён 鐵嶺, к северо-востоку – река Туманган 豆滿江. Длина реки с севера на юг – 2000 ли, а ширина – меньше 100 ли. Близко к морю. В древние времена земли *сушэнь* (кор. *суксин*) 肅慎. Во время Хань – Сюань[ту] 玄道. Позднее – земли Чумона. После уничтожения Когурё – земли чжурчжэней (кор. *ёджин*) 女眞. В Корё Чонпхён 定平 стал границей. В середине Корё армия Юн Гвана 尹瓘 [1140-1111] прогнала чжурчжэней на 700 ли к северу от реки Туманган. Граница – перевал Сончхуллён 先春嶺. Позднее земли отошли к Цинь, Хамхын – граница.

В наше время великий ван Чанхон [Седжон, 1397-1450; пр. 1418-1450] приказал Ким Чонсо 金宗瑞 [1383-1453] расширить земли на 1000 ли до Тумангана. На берегах встали шесть гарнизонов и военных лагерей. Все земли чжурчжэней к юго-востоку от Пэктусана были заняты.

В год *чон-ю* [1717] [правления] Сукчона [1661-1720; пр. 1674-1720] Канси [1654-1722; 1661-1720] приказал Му Кэ-дэну 穆克登 подняться на Пэктусан и определить границу между двумя государствами. Идя вдоль Тумангана, [Му Кэ-дэн] пришел к хверёнской крепости Ундусансон 會寧雲頭山城. На холме за крепостью увидел много захоронений. Местные жители звали их «императорскими гробницами». Приказал выкопать их. Нашел маленькую каменную табличку. На ней четыре иероглифа *сонджеджимё* 宋帝之墓 [Могила императора Сун]. Велел насыпать высокий холм и вернулся [в Цин].

Впервые узнали, что крепость Ундусансон – та же крепость, [которую] Цинь называли «Угочэн» 五國成. Но так как начертано только «император Сун», неизвестно, могила это императора Хуэй-дзуна 徽宗 [1082-1135, пр. 1100-1126] или Цинь-цзуна 欽宗 [1100-1161, пр. 1126-1127].

Ундусансон всего в двухстах ли от Восточного моря. Близко к старой территории Корё по морю. С попутным ветром возможно доплыть от провинции Чолла до Ханчжоу за несколько дней. Как было бы удивительно, если бы сунский Гао-цзун 高宗 [1107-1187, пр. 1127-1162] тайно позволил Корё атаковать крепость со стороны Восточного моря с тысячей солдатами, [чтобы] он мог забрать [останки] Хуэй-дзуна, Цинь-цзуна и императрицы Син 刑. Но, к сожалению, Гао-цзун не заботился о своем отце. Только и делал, что веселился на озере Сиху 西湖. Говорят, что Небо увидело эту преступную непочтительность. Это самое постыдное и жалкое событие в истории.

Меньше чем через сто лет после его смерти, могила Гао-цзуна была выкопана каким-то вражеским монахом. Хотя император Хуэй-цзун умер и был похоронен в чужой стране, его могила в сохранности до сих пор. То, как действует Небо, невозможно понять.

Местные жители, занимающиеся распашкой земель, часто находят на холме церемониальные принадлежности, чайники, урны. Одно из захоронений, вероятно, Хуэй-цзуна. Остальные – его слуг. Местные жители говорят, на десять ли к северу от реки Туманган есть еще императорская гробница. Неизвестно, [покоится ли там] Цинь-цзун.

К северу от Хамхына горы и реки некрасивы, обычаи грубы. Климат холодный, земля бедная. Произрастают только просо и ячмень. Риса почти нет, хлопка нет совсем. Местные жители в холода носят собачьи шкуры. Как чжурчжэни, страдают от голода.

В горах соболя и женщень. Местные жители меняют на одежду из хлопка у торговцев с юга. Но небогатые люди не могут меняться.

В морях рыба и соль. Вода чистая, много камней. Вкус рыбы и соли уступает [рыбе и соли] Западного моря.

В Хамхыне служит губернатор. Прежде все жители провинции были необразованны. Во время Сонджона [1457-1494; пр. 1469-1494] прибыл Ли Гесон 李繼孫 [1423~1484]. Выбрал умных мальчиков, научил их истории, поведению,

управлению. С тех пор расцвело образование. Иногда были те, кто сдавал [государственные экзамены на чин] *кваго*. Люди говорят «прорвавшиеся» *пхачхонхван* 破天荒⁵²⁶. Когда Ли умер, люди построили алтарь и стали проводить церемонии.

Крепость Хымхын на берегу реки Кунджаган. Выше по течению есть мост Мансегё 萬歲橋. Длина пять ли. Над южными воротами башня Нанмиллу 樂民樓. С нее виден весь город. На первом месте пхёньянский павильон Ёнгванджон 練光亭. На втором месте Нанмиллу. Видны раскинувшиеся поля и обширное море. Ветра 風氣 жестоки. Не сравнится красотой и светом с Пхёньяном.

Среди равнин старый дом, где жил Ли Сонге [1335-1408, пр. 1392-1398] в юности. Сейчас там висит его портрет. Чиновник заботится [о доме и] проводит церемонии в определенное время. Это место рождения основателя [государства] Чосон.

В [год правления Тхэджа] чон-чхук 丁丑 [1397] скончалась королева Синдок 神德 из клана Кан. Ван Конджон [Тхэджен, 1367-1422; пр. 1400-1418] по совету Ха Риона 河峯 [1348-1416] собрал армию и поднял восстание против Чон Доджона 鄭道傳 [1342-1398]. Наследный принц [Ли] Бансок 李芳碩 [1382-1398] заявил о своем праве на трон. Но он и его старший брат наследный принц [Ли] Банбон 李芳蕃 [1381-1398] были убиты.

Тхэджа, горюя, передал трон Конджону [Чонджон, 1357-1419; пр. 1398-1400]. Вместе с близкими слугами удалился в Хамхын. Вскоре Чонджон передал трон Тхэдジョンу.

После того как Тхэджен пришел к власти, послал к Тхэдже послов, [чтобы] вернуть в столицу. Тхэдже убил всех. Прошло десять лет. Тхэджен опасался, Тхэдже захватит власть. Послал Пак Суна 朴淳, друга и односельчанина Тхэдже.

Пак Сун прежде приобрел кобылу и жеребенка. Привязал жеребенка у ворот во дворец Тхэдже. Въехал на лошади. Привязал лошадь у дворца и встретился с

⁵²⁶ Термин восходит к событиям китайской истории: первоначально так было сказано о кандидате округа Цзинчжоу, который первый из представителей округа сдал экзамен на степень цзыньши.

Тхэджо. Пока Пак Сун и Тхэджо говорили, жеребенок стал плакать. Кобыла услышала, стала скакать и громко ржать. Тхэджо спросил, почему так шумно. Пак Сун сказал: «Я прискакал на кобыле, а жеребенка привязал. Думая о матери, жеребенок плачет. Мать беспокоится о нем. Даже глупые животные демонстрируют привязанность, как же добродетельный человек не может думать о любви к королю [т.е. Тхэджону, сыну Тхэджо]?». Тхэджо был тронут и вскоре согласился вернуться. Но он сказал: «Ты должен уйти завтра до рассвета. Перейди реку Ёнхынган 龍興江 уезда Ёнхын 永興, иначе будешь убит». Пак Сун ускакал на лошади в ту же ночь.

Так как Тхэджо часто казнил посланников, придворные и его приближенные чиновники ненавидели друг друга. Утром следующего дня приближенные просили убить Пак Суна. Тхэджо не разрешил. Но они просили его вновь. Тхэджо подумал, что Пак Сун пересек Ёнхынган и сказал: «Если он пересек Ёнхынган, оставьте его и возвращайтесь». Слуги тотчас сели на лошадей и поскакали. Пак Сун только успел залезть в лодку. Его схватили и убили рядом с лодкой. Перед смертью Пак Сун просил передать Тхэджо: «Я умираю, но прошу вас не забывать ваше обещание». Тхэджо был тронут и приказал привести труп [Пак Суна в столицу], наградил. Тхэджон учел верность Пак Суна и назначил его потомков на государственные должности.

Где-то в ста ли к югу от Ёнхына, к северу от перевала Чхоллён – Анбён 安邊. К северо-западу от центра – храм Согванса 釋王寺. Прежде, чем Тхэджо взошел на престол, [ему] приснились три балки на спине. Цвели цветы, разбилось зеркало. Спросил монаха Мухака 無學 [1327-1405]. «Три балки на спине – знак короля 王. Когда цветы отцветут, будут плоды. А зеркало как может биться без звука?». Тхэджо обрадовался. Став королем, построил храм, назвал Согванса. Два дня проводили ритуалы. В воздухе появились 500 учеников Будды.

К северо-западу от Анбёна, на границе с уездом Тогвон 德源 прибрежный Вонсан 元山. Жители живут рядом с морем, промышляют рыболовством, сбором моллюсков и водорослей. По морю в северо-восточную сторону – шесть

гарнизонов. [Проходят] торговые суда шести гарнизонов и других селений. [Торгуют] солью, рыбой, водорослями, пенькой, соболями, женщиными и бревнами. Много торговцев из провинций Канвондо, Хванхэдо, Пхёнандо, Кёнсандо. Собираются здесь. Много товаров. Много тех, кто разбогател. Губернатор велел выстроить амбар. Теперь здесь хранится зерно из Кёнсандо. Если на севере нет урожая, зерно направляют в города, [чтобы] предотвратить голод.

К юго-востоку от Анбёна – Хваннёнсан 黃龍山 [Гора желтого дракона]. «Драконье озеро» [водопад с глубокой выбоиной] 龍湫. Потоки и скалы очень красивы. Граница между провинцией Хамгёндо и провинцией Канвондо. К югу от горы – уезд Хыпкок 獻谷.

Когда Тхэджо был генералом и получил трон от клана Ван, среди чиновников было много выходцев из северо-западного региона. Помогли прийти к власти. Когда стал править, приказал не назначать выходцев из северо-западного региона на высокие посты. Поэтому из Пхёнандо и Хамгёндо три сотни лет нет тех, кто занимает высокие посты. Даже если сдают [экзамен] *кваго*, получают лишь должность управляющего уездом. Редко бывает, что кого-то отбирают [для участия в конкурсе на место] цензора, тайного инспектора, королевского советника. Пока только Ким И 金棍 из Чхонпхёна 定平 и Ли Джон 李之醞 из Анбёна стали замминистрами 亞卿. Чон Бонсу 鄭鳳壽 из Чхольсана 鐵山 и Чон Бэннок 田百祿 из 鏡城 были генералами, но редко командовали.

В стране важно происхождение. Поэтому столичные *садэбу* не поддерживают дружеских отношений и не сочетаются браком с выходцами с северо-запада. Выходцы с северо-запада не осмеливаются сравнивать себя со столичными *садэбу*. Поэтому на северо-западе совсем нет *садэбу*. Столичные *садэбу* тоже никогда не живут здесь.

Только О из Хамджона 咸從, Ли из Чонхэ 靑海, Чо из Анбёна занимают в столичном регионе высокие посты. Кланы занимали должности уже в начале династии. Переехали в столицу, сдали кваго, поднялись по службе. Кроме них, нет известных семей.

Поэтому северо-западные Пхёнандо и Хамгёндо – неподходящие места для жизни.

«ГЕОГРАФИЯ»

Как описать географию? В первую очередь, нужно изучить [водные резервуары, также термин *пхунсу чири соль*: «места, где проходит благоприятная энергия»] *сугу* 水口, затем – *ясе* 野勢 поля, водные потоки *сури* 水理. Затем – форму гор *санхён* 山形, цвет почвы *тхосэк* 土色, [гору-предок] *чосан* 祖山 и [устья рек] *чосу* 潮水.

Если *сугу* узкое и протяженное, то даже будь поле плодородным и в тысячу кан [длиной], [через] несколько поколений [род] иссякнет. Поэтому нужно выбирать земли для жизни с хорошим *сугу*. Земля должна быть просторной и хорошо просматриваться.

Но если в горах легко найти те места, где хорошее *сугу*, то найти в поле трудно. Должна быть обязательно проточная вода. Даже если горы высоки, а холмы неприступны, протекающая вода делает место хорошим. Хорошо, когда холмы с одной стороны окружают место. Лучше, когда окружают три или пять холмов. В таком месте могут жить поколения за поколениями.

Люди рождаются [благодаря] энергии *ян* 陽. Поэтому нельзя жить там, где едва виден солнечный свет. Поэтому чем шире поле, тем прекраснее. Солнце и луна сияют ярко. Холодная и теплая погода, ветер и дожди чередуются. Подходящее место. Много рождается талантов, мало болезней.

Надо избегать мест, где с четырех сторон горы высоки, солнце поздно встает и рано заходит, а ночью не видно Большую медведицу. Здесь мало энергии *ян*, много энергии *ым* 陰. Собираются демоны. Утром и вечером туман. Люди часто болеют. Поэтому по сравнению с полями, горы непригодны для жизни. Если большое поле окружено низкими горами, их не называют горами. Все – поле. В таких местах хорошо видно солнце, а вода не застаивается.

Если в горах есть большое поле, то это тоже хорошее место.

Геоманты говорят, лучшие горы по форме напоминают башни и павильоны. Если *чусан* [гора-хозяин] красивая и аккуратная, это лучшее. Еще хорошо, если простирающаяся вдали горная гряда последовательно поднимается одной, другой вершинами. Гряды окружают поле. Похоже на замок, окруженный стенами. Гора-хозяин выглядит величественно, как дворец или поместье. Еще хорошо, если горы окружают равнину, но спускаются к воде.

Нужно избегать мест, где горы слабы, выглядят безжизненно. Также плохо, если горы изломанной формы. В них мало энергии. Если в земле мало энергии *ян*, не рождаются таланты. Поэтому нельзя не смотреть на форму гор.

В поселениях рядом с водой неизвестно, хороша ли вода. Если почва и песок прочны и чисты, то вода из колодца или источника будет чистой и прохладной. Такое место подходит для жизни. Если в почве красная глина, черный гравий, либо же [она сама] желтая, то это мертвая почва. Вода из колодца или источника будет ядовита. Такое место не подходит для жизни. Если воды нет, то, разумеется, место не подходит для жизни. В горах обязательно должна быть вода. От воды и соответствующей окружающей среды зависит, рождаются ли таланты. Но вода обязательно должна приходить и уходить. Об этом много написано в книгах геомантов, я не буду рассуждать.

Места для жилых домов и могил отличаются. Много богатых домов и известных деревень, стоящих на берегах рек. С давних пор там живут люди.

Если гора-предок изломанной формы, каменистая или ее вершина изломанной формы, или выглядит, будто упадет, или на ней есть камни странной формы, или с нее в долины сыпется песок, и ее видно со всех сторон дома, такое место не подходит для жизни. Благоприятные горы красивы, их четкую форму видно издалека. Вблизи они аккуратны и чисты. Такие горы при первом взгляде радуют, а не расстраивают или пугают.

Чосу – место, где одна река вливается в другую. Счастье, если маленький поток или маленький ручей течет к месту. Но несчастье, если течет большая река или большой ручей. В целом, если к могиле или дому течет большая река, то

первое время потомков ждет богатство, а затем – неудача и разорение. Поэтому надо избегать. Текущие водные потоки должны соответствовать направлению горных гряд и участвовать в движении ым-ян. Если вода течет прямо, как стрела, это неблагоприятно.

Желая выстроить дом или поместье, где будут жить поколения, нельзя не учитывать геомантию. Важны шесть составляющих.

«ГОРЫ И РЕКИ»

(вступительная часть; «Горы»)

Как описать горы и реки?

Пэктусан 白頭山 находится на границе [между] чжурчжэнами и Чосоном, [словно для] всего государства шелковый зонт. Большое озеро на вершине [горы] в окружности восемьдесят ли. Стекает на запад – в [реку] Амноккан 鴨綠江. Стекает на восток – в [реку] Туманган 豆滿江. Стекает на север – в [реку] Хондонган 混同江. Наша страна [начинается] прямо между [реками] Амноккан и Туманган.

С Пэктусана до Хамхына 咸興 спускается горная гряда. От нее на восток отходит ветвь – к югу [от реки] Туманган, на юго-запад – к югу от [реки] Амноккан. От Хамхына горный хребет идет к Восточному морю. На запад хребет тянется на семьсот-восемьсот ли. На восток же – неполных сто ли.

Большая горная гряда не прерывается ущельями, а тянется к югу на несколько тысяч ли. Она проходит единым хребтом до [гор] Тхэбэксан 太白山 провинции Кёнсандо. На границе между [провинциями] Хамгён и Канвон [перевал] Чхоллён 鐵嶺. Это большая дорога, ведущая на север. Ниже – [перевал] Чхусирён 淑池嶺, [гора] Кымгансан 金剛山, [перевал] Ёнсурён 延壽嶺, Осэннён 五色嶺, [горы] Сорак 雪岳, Хангесан 寒溪山, Одэсан 五臺山, [перевалы] Тэгваллён 大關嶺, Пэкпоннён 白鳳嶺, они следуют [друг за другом, и последним пиком] поднимается Тхэбэксан.

Все это крутые горы, глухие ущелья, обрывистые вершины и [стеной] стоящие отвесные скалы! Те части горного хребта 嶺脊, которые постепенно [становятся] низкими и ровными, называются «перевалами» ён 嶺. Эти места

[подходят, чтобы] проложить дорогу, ведущую на восток от перевала. Все остальное [не подходящее для прокладки дорог] называется «горы» *сан* 山.

[Горы в провинции] Пхёнан – не важно, с северной или южной [стороны реки] Чхон[чхонган] 清川江 – все связаны с северо-западными горными грядами [спускающимися от города] Хамхын. [Горы в провинции] Хванхэ, а также в округе города [провинции Кёнги] Кэсон – формируются [благодаря] ответвлению 枝, [проходящему] через районы Ковон 高原 и Мунчхон 文川.

[Горы в уезде] Чхорвон 鐵原 и [городе] Ханян 漢陽 [Сеуле] формируются [благодаря] гряде 脈, спускающейся с перевала Чхоллён в [уезде] Анбён. [Горы в провинции] Канвон – это тянущийся на запад перевал Чхоллён, который опускается на западе у [уездного города] Ёнджин 龍津. Во всей стране самый низкий хребет. Перейдешь его – и нет гор.

С гор Тхэбэксан перевал разделяется направо и налево. Идущая налево ветвь следует вдоль Восточного моря и опускается. [Идущая] направо ветвь опускается к югу с [гор] Собэк, но по высоте ее не сравнить с [горой] Тхэбэк.

Пусть [есть] десять тысяч гор, горные хребты 脊脈 [бывают] связанные и прерывающиеся.

Прерывающихся больших перевалов ён четыре, а малых – семь. [Гора] Собэк[сан] спускается – [там перевал] Чуннён 竹嶺, большой перевал ён.

Ниже – Чхонджу 天柱 и Хавон 火院, [два] малых перевала ён. [Гора] Чухыль[сан] 主屹 спускается – [перевал] Чорён 鳥嶺, большой перевал ён.

Ниже перевала – Янсан 陽山 и Юльчхи 栗峙, два малых перевала ён. [Гора] Сонни[сан] 俗離 спускается – [перевалы] Хварён 火嶺, Чхупхуннён 秋風嶺 и

[гора] Хванак[сан] 黃岳, к югу которой [перевал] Мупхуннён 舞豊嶺, [оны] малые перевалы ён.

К югу [от горы] Тогю[сан] 德裕 – Юксипчхи 六十峙 и Пхаллянчхи 八良峙, большие перевалы ён. Пройти [через] них, и будет [гора] Чири[сан] 智異. Все дороги, называемые «малые перевалы», проходят с севера на юг, через горные гряды на равнинных землях. Из них две горы – Сонни[сан] 俗離 и Тогю[сан] 德裕 – делятся [на] особенно много [отрогов]. [Гряда], которая пятится к югу от [горы] Сонни[сан], с севера на юг садится, поджав ноги, на равнинах Кихо 鏡湖. От [гор] Тогю[сан] жизненные силы чонги 精氣 [движутся] на запад, [где переходят в горы] Маи[сан] 馬耳 и Чхутхак[сан] 龜濁, на юге – [в горы] Чири[сан]. [Гора] Маи[сан] [разветвляется на] два хребта – в северную и западную стороны, останавливающиеся в [уездах] Чинджам 鎮岑 и Мангён 萬頃. Самый длинный [хребет] разделяется на три отрога от [перевала] Норён 蘆嶺.

[Два, идущие] на северо-запад, проходят Пуан 扶安 и Муан 務安 и, разветвляясь, составляют множество островов в Западном [Желтом] море. Самый длинный [из этих трех отрогов] идет на восток и формирует [гору] Чхувольсан 秋月山 [в уезде] Тамян 潭陽, и [гору] Мудынсан 無等山 [в городе] Кванджу.

От Чхуволь[сан] и Мудын[сан] [отрог] идет снова на запад и формирует [гору] Вольчхульсан 月出山 [в уезде] Ёнам 靈巖. От [горы] Вольчхуль[сан] [отрог] идет снова на восток и заканчивается [горой] Пэгунсан 白雲山 [в городе] Кванджу.

Изгибы горного хребта подобны иероглифу. Одно ответвление [горы] Вольчхуль[сан] тянется на юг, [проходит] через [деревню] Квандури 緋頭里 [в уезде] Хэнамхён 海南縣, [затем] формирует острова в Южном море.

Пересечь море – [через] тысячу ли [гора] Халласан 漢拏山 [на острове] Чеджу. Некоторые говорят, [если от] Халла[сан] еще пересечь море, то [будет государство] Югугук 琉球國 [государство Рюкю]. Этого я не ведаю, но знаю, [что] оно очень близко. Во время правления Инджо японцы напали на Рюкю и, взяв в плен правителя, уплыли. Наследный принц [той страны], желая выкупить отца, погрузил сокровища страны на корабль и отплыл. [Но корабль, повинуясь ветру] достиг Чеджу. Начальник округа велел узнать, какие сокровища на корабле. Принц ответил, камень чучхонсок 酒泉石 [Камень - Источник Вина] и покрывало мансанджан 漫山帳 [занавес, заполняющий собою горы]. Чучхонсок – это квадратный камень с углублением в центре. Каждый раз, когда заполняется чистой водой, [вода] превращается в отличное вино. [Мансан]джан – сотканный пауками и вымоченный в травах занавес. Если немного развернуть – закроет комнату. Если сильно развернуть – можно накрыть даже большую гору. Дождь тоже не протекает. Действительно не имеющие себе равных сокровища! Начальник округа потребовал их. Принц отказал.

Начальник округа послал отряд окружить и схватить [принца]. При их приближении принц выбросил в море [чучхон]сок. Начальник округа велел изъять все вещи с корабля и забить принца палками [до смерти]. Принц перед смертью попросил бумагу и кисть и написал следующее:

И словами Яо трудно просветить Цзе

Перед казнью как могу найти время взвывать к Небесам?

Предстану в могиле перед Тремя Чиновниками, кто заплатит выкуп?

Два сына плыли на лодке. Враг не милостив.

Кости бросят под открытым небом [без погребения] в пустыне –

их обовьет трава.

Душа вернется домой – нет родни ее оплакать.

Под Чуксору⁵²⁷ воды бурно текут.

[Мою] вечную печаль разделят чистые [воды] и поглотят на десять тысяч лет.

Начальник округа убил его. К тому же оклеветал: доложил, он преступник, вторгшийся на чужие земли. Сведения о случившемся были раскрыты, и [начальник округа] едва избежал смерти. Все воды страны – те, что текут вне перевала Чхоллён [т.е. с восточной стороны горы Тхэбэксан]: с севера от Хамхына до Тонне на юге, - все текут на восток и впадают в море.

[Воды] [провинции] Кёнсан, как и [реки] Сомджин[ган] 蠡津江 текут на юг и впадают в море. С западной стороны перевала воды с севера, Ыйджу 義州, текут на юг, в Наджу 羅州. [Оттуда] все потоки направляются на запад и впадают в море. Большие [потоки] становятся реками. Малые – рукавами рек и заливами.

Такова общая картина гор и рек нашей страны.

В древние времена люди говорили, что наша страна похожа по форме на пожилого человека. Он сидит, повернувшись в сектор свиньи [на северо-северо-запад], обратившись в сектор змеи [юго-юго-восток], лицом на запад, [словно] кланяется Китайскому государству.

К тому же с древности [у Кореи] с Китаем хорошие отношения. Так как потоки воды не [текут] более тысячи ли, а равнины [не простираются на] – сто ли, то не рождаются великие люди *коин* 巨人. Западные и северные варвары, восточные иноземцы, чжурчжэни – нет таких, которые бы ни захватывали Китай

⁵²⁷ Вероятно, иное название Чеджу. Однако именно оно является одним из доказательств, к которым прибегают современные южнокорейские ученые, объясняя, почему эти стихи не могли принадлежать принцу государства Рюкю. Подробнее см.: *Пак Сумил*. Правда в рассказе принца Рюкю и ее варианты (*Югу седжжа ияги-е чинсильгва пёни янсан*). http://210.101.116.28/W_files/kiss9/66300915_pv.pdf С.1. При этом сам павильон Чуксору находится в провинции Канвондо (город Самчхок), лежащей много севернее острова Чеджудо, и вероятность того, что принц упоминал в стихах именно это место, ничтожно мала, хотя название павильона действительно не раз встречается в средневековой корейской поэзии.

и ни становились там императорами, но наша страна одна не [делала это]. Почтительные, мы не думали о нарушении чужой границы.

Удивившись, как за морем может быть страна, Киджа не захотел служить Чжоу и пришел сюда стать правителем. Так [научил корейцев быть] верноподдаными 忠臣 с чистой душой 立節. [Быть верноподданным] сохраняет влияние и в Чосоне [в наши дни].

Хотя мы подчиняемся Цин, но правитель и подданные, старшие и младшие, не забывают о милости [оказанной Корее династией Мин], вернувшей [ее] к жизни в [годы] Имджин, - в этом состоит высокое чувство долга 大義理. В третий месяц года *капсин* [1704] Сукчон должным образом [организовал] чугап [60 лет] 周甲 с падения династии Мин. Был построен алтарь Тэбодан 大報壇 в западной части сада Хувон дворца [Чхандоккун].

Императору Ваньли [1573-1619] был принесен жертвенный бык, и было приказано приносить [такую] жертву раз в год. Действующий правитель [Ёнджо] в год *кён-у* [1750] также [велел проводить] жертвоприношение императору Чунчжэню [император Чжу Юцзянь, последний император Мин, 1627-1644], и это более чем великое дело! Жертвоприношение [проводится] обязательно ночью, и в час жертвоприношения, пусть даже небо безоблачно, тут же [дует] загробный ветер 險風, холодный и резкий, и [появляются] густые облака, мрачные и темные.

[Спустя некоторое время] по окончании жертвоприношения [все] тотчас проясняется – это в самом деле необычайно!

Я считаю, должно сопричислить к поминаемым Ши Сина 石星 [?-1599], Син Цзе 邢玠 [1540-1612], Ян Гао 楊鎬 [?-1629] и Ли Жу-сунна 李如松 [1549-1598], поставив в один ряд [с императорами] их заслуги в Имджин[ской войне].

Рассказывают, переводчик Хон Сунон в молодости, накопив тысячу золотых, поехал в Ён[гён, ныне Пекин], искать красавицу. Сваха повела его ночью к одному большому дому. Там он увидел девушку в окружении множества

служанок с горящими фонарями. Увидев Сунона, она заплакала. На вопрос о причине девушка ответила: «Батюшка был из Сычуань, [где работал] управляющим делами. Родители умерли, и я решила продать себя, [чтобы] похоронить [их] на родине **返葬**. Я поклялась, что не выйду дважды замуж. Сегодня мы свидимся, и сразу – вечная разлука. Поэтому-то я плачу». Сунон, узнав, что она из знатной семьи, очень удивился и предложил им стать [названными] братом и сестрой. Сестра, плача, поблагодарила его и велела служанке вернуть деньги. Сунон отказался от денег, попросив использовать их на похороны, и ушел.

Позднее, в [годы] Имджин, Сунон сопровождал посла к дому министра военных дел Ши Сина. Вступив вместе с Ши на женскую половину дома, увидел жену [Ши Сина], прежде его названную младшую сестру. Ши всегда всеми силами помогал нашей стране, потому что чувствовал свой долг перед Суноном.

В конце концов, из-за государственных дел нашей страны [пострадал], [поэтому] особенно [ему] невозможно не приносить жертвы. Жена Ши всегда ткала вручную большие [отрезы] парчи и на каждом вышивала два иероглифа: «**報恩**» [воздать за благодеяние].

Она преподнесла [парчу] Сунону, цена несколько десятков тысяч золотых. В год **чон-ю** [1579] Сонджо государевым указом [велел] построить для Син Цзе и Ян Гао Храм Сэнсадан [Храм Поставленный при Жизни] в столице, чтобы воздать должное за заслуги в поражении японцев. Ли Жу-суну не успели [воздать должное при жизни] – действительно недостаток закона.